

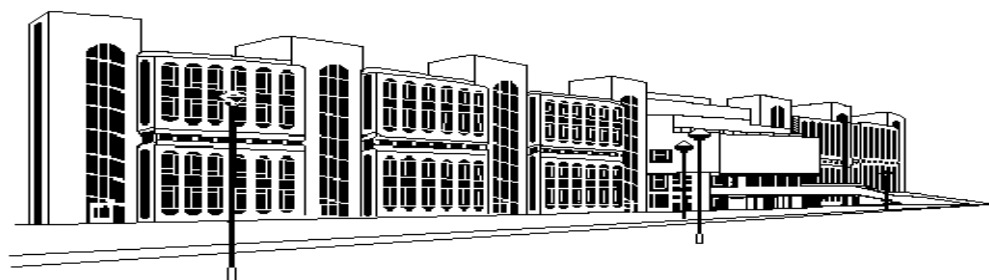

ISSN 2079-0619

**МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ТЕХНИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
ГРАЖДАНСКОЙ АВИАЦИИ**

НАУЧНЫЙ ВЕСТНИК МГТУ ГА

№ 203

**Москва
2014**

**ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ВОЗДУШНОГО ТРАНСПОРТА
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ТЕХНИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
ГРАЖДАНСКОЙ АВИАЦИИ» (МГТУ ГА)**

НАУЧНЫЙ ВЕСТНИК МГТУ ГА

№ 203 (5)

Издается с 1998 г.

**Москва
2014**

Научный Вестник МГТУ ГА решением Президиума ВАК Министерства образования и науки РФ включен в перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук.

Главная редакция

Главный редактор - заслуженный юрист РФ, д-р юрид. наук, д-р техн. наук, проф. Б.П. Елисеев (МГТУ ГА)

Зам. главного редактора - д-р техн. наук, проф. В.В. Воробьев (МГТУ ГА)

Ответственный секретарь главной редакции - д-р техн. наук, доц. О.Г. Феоктистова (МГТУ ГА)

Члены главной редакции

- почетный работник науки и техники, д-р филос. наук, проф. О.Д. Гаранина (МГТУ ГА);
- заслуженный деятель науки и техники РФ, д-р физ.-мат. наук, проф. А.И. Козлов (МГТУ ГА);
- заслуженный деятель науки РФ, д-р техн. наук, проф. В.Г. Ципенко (МГТУ ГА);
- д-р техн. наук, проф. В.Т. Калугин (МГТУ им. Н.Э. Баумана);
- заслуженный деятель науки РФ, д-р физ.-мат. наук, проф. Д.С. Лукин (МФТИ);
- заслуженный работник транспорта РФ, д-р техн. наук, проф. В.С. Шапкин (ГосНИИ ГА);
- заместитель декана факультета Национальной школы гражданской авиации (ENAC) Бруно Ламискаре (Тулуза, Франция);
- директор Межведомственного Центра промышленных исследований в авиации Франко Персини (Болонский университет. Италия);
- профессор кафедры аэрокосмической техники Университета Севильи Дамиан Ривас (Испания)

Редакционная коллегия выпуска

Ответственный редактор выпуска - почетный работник науки и техники РФ, д-р филос. наук, проф. О.Д. Гаранина (МГТУ ГА);

Зам. ответственного редактора - заслуженный работник культуры РФ, д-р филос. наук, проф. К.Н. Панферов (МГТУ ГА);

Ответственный секретарь - канд. филос. наук, проф. И.А. Ламбаева (МГТУ ГА)

Члены редакционной коллегии

- заслуженный работник высшей школы РФ, д-р социол. наук, проф. И.С. Болотин (РГТУ им. К.Э. Циолковского);
- заслуженный деятель науки и техники РФ, д-р физ.-мат. наук, проф. А.И. Козлов (МГТУ ГА);
- д-р филос. наук, проф. С.И. Некрасов (МГТУ ГА);
- заслуженный работник культуры РФ, д-р филос. наук, проф. А.В. Панибратцев (МГТУ ГА);
- заслуженный работник высшей школы РФ, д-р ист. наук, проф. Л.И. Семенникова (МГУ им. М.В. Ломоносова)

E-mail: ogaran@yandex.ru

тел. +7(499)459-07-83

Плата за публикацию в Научном Вестнике МГТУ ГА с аспирантов не взимается

**НАУЧНЫЙ ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ТЕХНИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
ГРАЖДАНСКОЙ АВИАЦИИ**

№ 203 (5)

2014

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ

Карпова Л.И., Шаров А.М. Советское дирижаблестроение в 1935 – 1937 гг.....	5
Астраханцев О.Н. Репрессии в военно-учебных заведениях ВВС Сибирского военного округа и аэроклубах Сибири в 1930-х годах.....	11
Бакланова И.С. К вопросу о военно-политической деятельности Л.Д. Троцкого в годы Гражданской войны: историографический очерк.....	18
Шеломенцев В.Н. Теоретико-правовые основы формирования и развития государственности народов России в V-XVII веках.....	25
Аверьянов О.В. Методологические концепции исторических исследований.....	31

ФИЛОСОФИЯ

Кочергин А.Н. Процессы самоорганизации в природных, социальных и когнитивных системах.	36
Гаранина О.Д. Феномен социальной памяти в духовной эволюции общества.....	43
Панибратцев А.В. Глобализация и проблемы высшего образования в России.....	49
Мамедова Н.М. Традиции в социокультурной ретроспективе.....	56
Скородумова О.Б. Социальные детерминанты трансформаций моделей управления в современную эпоху.....	62
Наумова Т.В. Риски глобального общества: движение к новой методологической парадигме	67
Кочергин А.А. Постнеклассический этап концептуализации понятия наследственности.....	72
Канаков Д.В. Место и роль религиозного догматизма в истории общества и культуры.....	78
Шибаршина О.Ю. Гендерные модели мифологических систем Европы и современность...	85
Луценко Э.М. Трансформация гендерных составляющих современного семейного воспитания.	91

СОЦИОЛОГИЯ

Винокурова У.А., Ламбаева И.А. Модернизационные ценности как критерии поколения...	96
Козлов А.С. Малая социальная группа и ее духовная атмосфера (на примере гражданской авиации).....	101
Лебедев А.В., Панферов К.Н. Авиация в контексте культурных различий.....	106
Некрасов С.И., Хохлова О.М. Уровни и виды проявления социально-политического «согласия – несогласия».....	111

Некрасов С.И., Некрасова Н.А., Хохлова О.М. Этапы процесса политизации и основные типы субъектов политики.....	117
Даллакян К.С. Этноиммиграция: сравнительный анализ.....	122
Гаранина О.Д., Федяшов А.А. Гуманизация управленческой деятельности.....	128
Щипцов О.В. Образовательные векторы (назад в будущее).....	133

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

Бакланова И.С. Литература русского зарубежья о числе военных специалистов в Красной Армии в годы Гражданской войны.....	138
Жулева Л.Д. Математические методы в современном научном познании и математический стиль мышления.....	141
Савцева В.В. Философские аспекты квалиметрической методологии.....	144
Некрасова Н.А., Сошнина А.Г. Космическая философия Н.К. Рериха как основа духовного преобразования человека.....	147
Алексеева М.В. Мирозрение общества в зеркале музыкальных созвучий.....	150
Шалупин В.И., Морщинина Д.В., Ерохин Н.В. Физическое воспитание студентов в целостном педагогическом процессе и пути его совершенствования.....	153
Журбина А.Д., Антипас В.В., Грязнова В.В. Особенности физического воспитания первокурсников.....	156
Анашкин Д.Ю., Смирнов А.В. Экология здоровья человека – необходимое условие устойчивого развития.....	160

ИСТОРИЯ

УДК 656.7:9(с) (470)

СОВЕТСКОЕ ДИРИЖАБЛЕСТРОЕНИЕ В 1935-1937 гг.

Л.И. КАРПОВА, А.М. ШАРОВ

Статья представлена доктором философских наук, профессором Панферовым К.Н.

Рассматривается история советского дирижаблестроения в период 1935-1937 гг., ставший переломным в его развитии. Впервые в научный оборот вводятся новые архивные материалы.

Ключевые слова: дирижабль, дирижабль мягкий, дирижабль полужесткий, дирижабль жесткий, дирижабль цельнометаллический, советское дирижаблестроение.

К началу 1935 г. центр советского дирижаблестроения – комбинат Дирижаблестрой при содействии итальянских специалистов значительно продвинулся в освоении технологии проектирования, строительства и эксплуатации дирижаблей полужесткой конструкции. Выполнить удалось меньший объем работ, чем первоначально предполагалось [36, л. 10-11], но планы не соответствовали реальным возможностям предприятия [36, л. 1-2, 7-10; 37, л. 38-39]. Период 1935-1937 гг. характеризуется ростом международной напряженности и, как следствие, увеличением оборонных расходов в ряде стран, в том числе и СССР. От перераспределения бюджетных средств в ходе этой «гонки вооружений» дирижаблестроение проигрывало другим видам техники, которые считались более перспективными для военного применения. В данный период развитие науки и техники в США и Германии привело к наивысшим достижениям в области дирижаблестроения – осуществлялась эксплуатация крупнейших в истории жестких дирижаблей: военно-морского авианосца ZRS-5 «Мэйкон» объемом 184 тыс. м³ (США) [16, с. 305] и пассажирского лайнера LZ-129 «Гинденбург» объемом 200 тыс. м³ (Германия) [1, с. 95]. Эти модели дирижаблей вызывали в СССР большой интерес, являясь для советских дирижаблестроителей образцами, на которые следовало ориентироваться. Во всех проектах перспективного плана развития советского дирижаблестроения с начала 1930-х гг. предусматривалось строительство жестких дирижаблей по германо-американской технологии [35, л. 1-5; 21, л. 1-2]. Выдающиеся достижения дирижаблестроения 1930-х гг. не получили дальнейшего развития и даже не были закреплены. Их ценность существенно снизилась из-за катастроф, которые имели всемирный резонанс. 12 февраля 1935 г. произошла катастрофа ZRS-5: дирижабль, потеряв управление вследствие повреждения сильным ветром, упал в Тихий океан и затонул [1, с. 222; 16, с. 259-264]. 6 мая 1937 г. LZ-129 по прибытии в аэропорт «Лэйкхерст» (США) взорвался и сгорел [1, с. 223-224]. История эксплуатации дирижаблей жесткой конструкции на этом закончилась. В США после крушения ZRS-5 дирижаблестроение перестроилось, сосредоточившись на выпуске средних полужестких и малых мягких моделей (блимпах) [31, л. 30-32]. В Германии дирижаблестроение было законсервировано [31, л. 33]. Этот отрицательный зарубежный опыт оказал существенное влияние на отношение к дирижаблестроению в СССР со стороны руководителей высших правительственных и ведомственных структур, стали выдвигаться предложения о свертывании дирижаблестроения как бесперспективного направления техники. Это сказалось на дальнейшей судьбе отрасли самым отрицательным образом.

Условия, в которых советское дирижаблестроение осуществляло свою деятельность, за период 1935-1937 гг. претерпели существенные изменения. Вплоть до 1936 г. отрасль не имела четкого плана на многолетнюю перспективу, утвержденного на уровне правительства, что

негативно отражалось на её развитии [38, л. 136; 27, л. 2-3]. Работа над перспективным планом развития дирижаблестроения осуществлялась в 1934-1936 гг. правительственной комиссией, которую в разное время возглавляли В.В. Куйбышев, В.Я. Чубарь и В.И. Межлаук [20, л. 5, 8, 14]. К разработке плана привлекались представители ряда заинтересованных ведомств, в том числе: Аэрофлота (ГУГВФ), Военно-воздушных сил (УВВС РККА), Военно-морских сил (РККФ), Главного управления северного морского пути (ГУСМП), Народного комиссариата тяжелой промышленности (НКТП), Народного комиссариата внутренних дел (НКВД) [20, л. 5, 14]. 10 августа 1936 г. было принято Постановление Совета Труда и Оборона СССР (СТО) № ОК-174 «О развитии дирижаблестроения», в котором определялись цели и задачи отрасли на перспективу до 1939 г. Дирижаблестрой (за исключением эксплуатационных структур) передавался из ГУГВФ в НКТП – в Главное управление авиационной промышленности (ГУАП), где преобразовывался в завод № 207 [21, л. 1-2; 33, л. 1]. Устанавливалась программа строительства кораблей на 1936-1939 гг.: 1 жесткого 100 тыс. м³ («Д-100») – к 01.07.1938 г.; 3 полужестких 25 тыс. м³ («Д-25») – к 01.05.1937 г., 01.10.1937 г. и 01.05.1938 г.; 2 полужестких 10 тыс. м³ («Д-10») – для Морских сил и ПВО с готовностью в 1936 г.; 3 мягких учебных 5 тыс. м³ («Д-5») – в 1936 г., к 01.06.1937 г. и 01.10.1938 г. К 01.07.1937 г. следовало довести до готовности производственный эллинг. Первостепенное значение придавалось строительству дирижаблей Д-100 и Д-25. Намечались направления воздухоплавательных линий: Москва – Владивосток («Д-100»), Ленинград – Одесса, Москва – Свердловск, Москва – Тифлис («Д-25»). Обязанности по эксплуатации дирижаблей, проектированию и строительству сооружений возлагались на ГУГВФ, где позднее было образовано Управление воздухоплавания (УВ) [21, л. 1-2; 33, л. 1]. НКТП следовало командировать за границу (в Германию и США) инженеров-конструкторов Дирижаблестроя для ознакомления с зарубежным опытом [21, л. 1-2]. Вскоре после принятия этого плана его выполнение столкнулось с серьезными трудностями. Расчленение сложившейся к 1933 г. структуры Дирижаблестроя привело к проблемам: его территория вместе с производственной инфраструктурой стала предметом спора между ГУГВФ и НКТП (с декабря 1936 г. – Народный комиссариат оборонной промышленности (НКОП) [17, с. 94]), что в дальнейшем препятствовало продуктивной деятельности по всем направлениям. Позднее руководство Аэрофлота признало это преобразование Дирижаблестроя грубой ошибкой, которая оказалась для дирижаблестроения губительной [31, л. 35]. У ГУАП и ГУГВФ было недостаточно средств для выполнения своих частей плана по дирижаблестроению 1936 г. [21, л. 43, 47-48, 51-53]. Уже спустя несколько месяцев после принятия Постановления от 10.08.1936 г. руководства этих структур стали давать предложения о пересмотре плана по развитию дирижаблестроения или разработке нового плана ввиду невыполнимости прежнего [21, л. 32-34, 51-53, 76; 28, л. 425; 38, л. 143]. В области создания производственной инфраструктуры главной проблемой оставалось отсутствие большого эллинга для строительства жестких дирижаблей. Сооружение эллинга было заморожено в 1937 г. по причине нехватки средств [29, л. 96; 38, л. 74]. Это грозило всей отрасли крайне тяжелыми последствиями [21, л. 51-53; 38, л. 74, 136]. Работы, направленные на получение гелия для использования в качестве подъемного газа, производились на Ухтинском (Коми АССР) и Мельниковском (Саратовская область) месторождениях. В соответствии с Постановлением СТО № 283-68 сс от 11.07.1936 г. пуск первой очереди завода на Ухте в 25 тыс. м³ гелия планировался к 01.01.1938 г. Для завода было закуплено дорогостоящее оборудование, в т.ч. импортное (на сумму более 700 тыс. руб. и 400 тыс. германских марок). В 1937 г. из-за нехватки средств НКТП наметил консервацию завода. Завод в Мельниково в 1936 г. дал 1325 м³ гелия чистотой 95,5%, но на бурение новых скважин в 1937 г. расходы в 1 млн. руб. не были запланированы [24, л. 4-5, 6, 8-10]. Результаты работ к 1938 г. не позволяли обеспечить дирижаблестроение гелием [38, л. 76]. В конце 1937 г. появилась возможность приобретения гелия за границей – в США [38, л. 159]. В дальнейшем в качестве подъемного газа советские дирижаблестроители были по-прежнему вынуждены использовать небезопасный водород [25, л. 6, 37, 53]. Иностранная техническая

помощь («интехпомощь») со стороны итальянских специалистов во главе с У. Нобиле относилась только к области полужестких дирижаблей. Вопрос о необходимости привлечения интехпомощи по другим вопросам, в первую очередь, в области жесткого дирижаблестроения, был поставлен руководством ГВФ еще в начале 1930-х гг., но после заключения предварительного договора о сотрудничестве между Аэрофлотом и германской фирмой «Люфтшифбау Цеппелин» (LZ) 20 мая 1931 г. дело далее не продвинулось [34, л. 19-26]. После изменения политического строя в Германии в 1933 г. для советско-германского сотрудничества возникли серьезные препятствия [38, л. 160]. Реальные шаги в направлении получения «интехпомощи» в США были сделаны только во второй половине 1937 г. С 1 июня по 22 сентября 1937 г. делегация во главе с директором завода № 207 С.Г. Хорьковым, посетив в США ряд организаций и предприятий, получила предложения о сотрудничестве в области строительства жестких и цельно-металлических дирижаблей, наземных сооружений и других элементов дирижабельной инфраструктуры [38, л. 147-161]. В 1937 г. в СССР начались массовые репрессии, которыми были затронуты организации-преемники Дирижаблестроя, а также «заинтересованные ведомства» и высшие структуры СНК СССР. Проблемы, имевшиеся к этому времени в советском дирижаблестроении, в период репрессий еще более усугубились. Аресты многих руководителей, долгое время курировавших вопросы дирижаблестроения, а также специалистов в структурах бывшего Дирижаблестроя, нездоровая атмосфера страха, подозрительности, доносов, – всё это нанесло отрасли непоправимый ущерб, отбросив её развитие назад [4, с. 140-141; 17, с. 76, 163; 18, с. 380; 2, с. 147-158; 19, с. 160, 162-165, 167, 393; 38, л. 73, 124, 136]. Успешной деятельности Дирижаблестроя и его преемников не способствовали также нерешенные социальные вопросы: жилищная проблема, отсутствие нормального медицинского обслуживания, детских садов, обеспечения сотрудников продовольствием, трудности их транспортного обслуживания. Эти обстоятельства делали работу в организации малопривлекательной, приводя к большой текучести кадров [29, л. 27-28]. Такие, в основном, неблагоприятные условия не способствовали эффективности основной деятельности структур Дирижаблестроя по проектированию, строительству и эксплуатации.

В области проектирования в данный период осуществлялись следующие работы. К ноябрю 1936 г. - июню 1937 г. было разработано несколько вариантов эскизного проекта жесткого дирижабля Д-100 объемом $108\,000\text{ м}^3$ [26, л. 87-89], рассмотренных в ГУАП и в УВВС РККА [21, л. 73, 85; 23, л. 18, 20; 38, л. 89, 90, 96]. В 1937 г. окончен технический проект цельнометаллического каркасного дирижабля объемом 8000 м^3 [38, л. 132]. Продолжались работы по проекту цельнометаллического дирижабля системы К.Э. Циолковского объемом 7000 м^3 , начатые в 1932 г. [26, л. 87]. В правительственные структуры также поступали предложения по проектам дирижаблей, выполненные конструкторами, работавшими вне системы Дирижаблестроя – по жесткому кораблю со стальным каркасом Густава Унгера в 1935 г. [27, л. 1-2, 4-14] и «вакуумному дирижаблю» Дыренкова в 1937 г. [39, л. 1-7об; 22, л. 1-4].

В области строительства в рассматриваемый период основными результатами явились следующие. Было закончено строительство дирижаблей: в 1935 г. – морского разведчика СССР В-7 бис «Челюскинец» объемом 9500 м^3 ; в 1936 г. – СССР В-8 объемом 9800 м^3 (оба полужесткие) [1, с. 144; 31, л. 27]; в 1937 г. – высотного полужесткого СССР В-9 (ДП-16), типа Форланини, с двойной оболочкой объемом $10\,000\text{ м}^3$ [25, л. 19-23], и СССР В-10 – мягкого объемом 3600 м^3 [1, с. 144]. Продолжалось начатое в 1934 г. изготовление опытного отсека жесткого дирижабля Д-100 [26, л. 87]. Цельнометаллический каркасный дирижабль 8000 м^3 во второй половине 1937 г. был подготовлен к эллинговой сборке [38, л. 132]. В конце 1935 г. была построена модель цельнометаллического дирижабля Циолковского из нержавеющей стали объемом 1000 м^3 [12, с. 98]. В 1937 г. советскому руководству стало известно о возможности приобретения в США жесткого дирижабля ZRS-3 «Лос-Анджелес» объемом $70\,000\text{ м}^3$ (построен в Германии в 1924 г. как LZ-126) за 200-300 тыс. долл. Для этого дирижабля

следовало увеличить длину одного из эллингов на Долгопрудной [38, л. 148, 157]. Монтаж причальной мачты для дирижаблей в Свердловске был закончен к 21 июля 1935 г. [6, с. 7-22].

В области эксплуатации периода 1935-1937 гг. особенный интерес представляют продолжительные полеты крупнейшего советского дирижабля СССР В-6 «Осоавиахим» объемом 18 500 м³, построенного в отличие от предыдущих уже не для учебного, а для практического – транспортного применения [1, с. 150]. Эксплуатация В-6 началась с нескольких больших перелетов. 21-22 апреля 1935 г. состоялся перелет по маршруту Долгопрудная (Московский порт Дирижаблестроя) – Ленинград – Салюзи – Москва – Долгопрудная, продолжительностью 30 ч 20 мин. [3, с. 101]. 16 -18 мая 1935 г. В-6 перелетел по маршруту Долгопрудная – Углич – Рыбинск – Вологда – Архангельск – Вологда – Углич – Дмитров – Долгопрудная, пройдя 2200 км за 40 ч [9, с. 102]. В 1935 г. В-6 совершил также полеты по маршрутам: Москва – Казань – Вятские Поляны – Казань – Москва, Москва – Брянск – Чернигов – Киев – Чернигов – Калуга – Москва, Москва – Харьков – Москва [10, с. 101]. 8-11 сентября 1937 г. В-6 совершил первый полет по маршруту Москва – Свердловск – Москва продолжительностью 79 ч [8, с. 110]. 29 сентября - 4 октября 1937 г. В-6, совершая полет по маршруту Москва – Новгород – Белозерск – Вологда – Калинин – Вязьма – Брянск – Курск – Воронеж – Пенза и пройдя свыше 4800 км, поставил мировой рекорд продолжительности пребывания в воздухе 130 ч 27 мин. [13, с. 109-110]. Распоряжением начальника ГУГВФ И.Ф. Ткачева № 100 от 7 июня 1937 г. было запланировано с 1 июля организовать воздушные экскурсии на дирижабле В-6 над каналом Москва – Волга [30, л. 314]. В 1936-1937 гг. была начата подготовка к полету В-6 по маршруту вдоль Северного морского пути по согласованию ГУГВФ и ГУСМП. [21, л. 14, 46-47; 32, л. 1-13]. Эксплуатация дирижабля В-8 началась 16.08.1936 г. с авиапарада в Тушино [7, с. 90]. 20 апреля 1937 г. В-8 совершил полет в г. Переславль-Залесский, где на Плещеевом озере отрабатывал технику посадки на воду с последующим взлетом [11, с. 110]. Осенью 1937 г. над Финским заливом были проведены войсковые тактические испытания В-8, которые заключались в основном в отыскании подводных лодок и прицельном бомбометании. Результаты, продемонстрированные В-8, получили высокую оценку государственной комиссии [15, с. 27-28]. Эксплуатация дирижабля В-7 бис началась 16 июля 1935 г. и закончилась катастрофой в ночь с 23 на 24 октября 1935 г., вследствие ошибки пилотирования, зацепившись за провода, дирижабль сгорел [1, с. 144, 223; 5, с. 64].

Дирижаблестроение в СССР во второй половине 1937 г. оказалось в сложной ситуации. С одной стороны, были достигнуты определенные результаты в создании производственной инфраструктуры, накопления научного, конструкторского, производственного, эксплуатационного опыта, подготовки квалифицированных кадров [38, л. 134]. С другой стороны, имелись серьезные проблемы. В силу ряда причин административного, политического, экономического характера выполнение программы Постановления СТО № 174 от 10.08.1936 г. не продвигалось. Советское дирижаблестроение в области производства не смогло выйти на промышленный уровень, а в области эксплуатации – встроиться в транспортную систему ГВФ [38, л. 141-143]. На состоянии дирижаблестроения, как и других отраслей в этот период, отрицательно отразились определенные просчеты в планировании развития экономики СССР [14, с. 208-209; 19, с. 160; 28, л. 420-427]. После того как катастрофы остановили эксплуатацию жестких дирижаблей в Европе и Америке, основные цели дирижаблестроения стали терять свою определенность и привлекательность в СССР, особенно при острой нехватке материальных средств. Реорганизация отрасли в 1936 г. не только не улучшила её работу, но создала новые трудности. Положение в дирижаблестроении к концу 1937 г. в целом ухудшилось по сравнению с началом 1935 г. Необходимость вкладывать в дальнейшее развитие отрасли значительные средства вызвала у руководителей ГУГВФ и НКОП сходную реакцию. Нарком оборонной промышленности М.Л. Рухимович в докладной записке № 1868 сс от 11.09.1937 г. предложил прекратить строительство дирижаблей и передать завод № 207 для производства пассажирских самолетов АНТ-35 [23, л. 18, 20-24]. 17 декабря 1937 г. начальник

ГУГВФ И.Ф. Ткачев в докладной записке № 94/тсс Председателю СНК СССР В.М. Молотову также поставил вопрос о возможности ликвидации дирижаблестроения [38, л. 143]. 9 декабря 1937 г. дирижаблестроители (инженеры Рудых, Харабковский, Кулик и пилот Гудованцев) обратились к Генеральному Секретарю ЦК ВКП(б) И.В. Сталину, Председателю СНК СССР В.М. Молотову, Наркому Обороне К.Е. Ворошилову и Наркому Оборонной Промышленности М.М. Кагановичу (сменил в должности М.Л. Рухимовича 15.10.1937 г. [17, с. 94]), с письмом № 705 сс, в котором прямо говорилось об отчаянном положении в их отрасли вследствие срыва выполнения плана 1936 г. и выражалась просьба о содействии [38, л. 136-140]. Невыполнимость программы 1936 г. и даже возможный отказ от строительства жестких дирижаблей еще не свидетельствовали о полной обреченности советского дирижаблестроения. Директор завода № 207 С.Г. Хорьков в своем докладе от 29 ноября 1937 г. № 679 с. Наркому Обороне К.Е. Ворошилову о результатах своей командировки в США изложил, каким образом американское дирижаблестроение перестраивалось, чтобы выжить после приостановки программы «летающих авианосцев» [38, л. 147-161]. Для советского дирижаблестроения тоже могли быть найдены варианты выхода из сложной ситуации [38, л. 76-77, л. 79-88, 137-139, 160-161]. В последующие два года новыми руководителями «заинтересованных ведомств» в первую очередь ГВФ предпринимались усилия для спасения дирижаблестроения, не имевшие положительных результатов. В 1940 г. была осуществлена консервация работ по дирижаблестроению, которая рассматривалась не как ликвидация, а только как временное приостановление деятельности отрасли. Сохранив наследие бывшего Дирижаблестроя, предусмотрев трудоустройство его специалистов, консервация оставляла возможность реанимировать дирижаблестроение при более благоприятных обстоятельствах, что и показали события последующих лет.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Арие М.Я.** Дирижабли. - Киев: Наукова думка, 1986.
2. **Гарф М.Б.** Пятно на их истории: о вредительстве в «Дирижаблестрое» // Знамя. - 2012. - № 12.
3. Испытательный полет СССР В-6 // Технический бюллетень Дирижаблестроя. - 1935. - № 1.
4. История отечественной гражданской авиации. - М.: Воздушный транспорт, 1996.
5. Окончание постройки «СССР В-7» - «Челюскинец» // Технический бюллетень Дирижаблестроя. - 1935. - № 2.
6. Первая причальная мачта для дирижаблей // Технический бюллетень Дирижаблестроя. - 1936. - № 2.
7. Первые полеты дирижабля СССР В-8 // Технический бюллетень Дирижаблестроя. - 1936. - № 5.
8. Первый рейс в Свердловск // Технический бюллетень Дирижаблестроя. - 1938. - № 4.
9. Полет СССР В-6 Москва – Архангельск – Москва // Технический бюллетень Дирижаблестроя. - 1935. - № 1.
10. Полеты «СССР В-6» // Технический бюллетень Дирижаблестроя. - 1935. - № 3.
11. Посадка дирижабля на воду // Сборник научно-технических работ по дирижаблестроению и воздухоплаванию. - 1938. - № 4.
12. Работа по дирижаблю К.Э. Циолковского // Технический бюллетень Дирижаблестроя. - 1936. - № 6.
13. Рекордный полет дирижабля «СССР В-6» // Сборник научно-технических работ по дирижаблестроению и воздухоплаванию. - 1938. - № 4.
14. **Самуэльсон Л.** Красный колосс // Становление военно-промышленного комплекса СССР 1921-1941. - М., 2001.
15. **Сафонов С.** Охотник за подводными лодками. Об отечественном боевом дирижабле // Крылья Родины. - 2000. - № 12.
16. **Смит, Ричард К.** Авианосцы легче воздуха. - М.: ПК «Воздух», 1999.
17. **Степанов А.С.** Развитие советской авиации в предвоенный период. - М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2009.
18. **Сувениров О.Ф.** Трагедия РККА 1937-1938 гг. - М., 1998.
19. **Хаустов В., Самуэльсон Л.** Сталин, НКВД и репрессии 1936-1938 гг. - М.: РОССПЭН, 2010.
20. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 8418. Оп. 9. Ед. хр. 69.
21. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 8418. Оп. 11. Ед. хр. 117.
22. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 8418. Оп. 12. Ед. хр. 131.
23. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 8418. Оп. 12. Ед. хр. 217.
24. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 8418. Оп. 12. Ед. хр. 248.

25. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 8418. Оп. 24. Ед. хр. 792.
26. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 8418. Оп. 26. Ед. хр. 192.
27. Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 85. Оп. 29. Ед. хр. 717.
28. Российский государственный архив экономики. Ф. 8328. Оп. 1. Ед. хр. 834.
29. Российский государственный архив экономики. Ф. 8328. Оп. 1. Ед. хр. 1113.
30. Российский государственный архив экономики. Ф. 9527. Оп. 1. Ед. хр. 1120.
31. Российский государственный архив экономики. Ф. 9527. Оп. 1. Ед. хр. 2430.
32. Российский государственный архив экономики. Ф. 9570. Оп. 1. Ед. хр. 1168.
33. Российский государственный архив экономики. Ф. 9574. Оп. 1. Предисловие.
34. Российский государственный архив экономики. Ф. 9574. Оп. 1. Ед. хр. 12.
35. Российский государственный архив экономики. Ф. 9574. Оп. 1. Ед. хр. 63.
36. Российский государственный архив экономики. Ф. 9574. Оп. 1. Ед. хр. 69.
37. Российский государственный архив экономики. Ф. 9574. Оп. 1. Ед. хр. 70.
38. Российский государственный военный архив. Ф. 29. Оп. 76. Ед. хр. 673.
39. Российский государственный военный архив. Ф. 29. Оп. 76. Ед. хр. 987.

THE SOVIET AIRSHIP CONSTRUCTION IN 1935-1937

Karpova L.I., Sharov A.M.

The article treats the history of the Soviet airship production in the period of 1935-1937, which became a turning point in its development. The new archive materials became public in the scientific community for the first time.

Key words: airship, blimp, semi-rigid airship, rigid airship, Zeppelin, metal-clad airship, air balloon, soviet airship production.

Сведения об авторах

Карпова Любовь Ильинична, окончила МГУ им. М.В. Ломоносова (1975), почетный работник высшего профессионального образования РФ, кандидат исторических наук, профессор кафедры гуманитарных и социально-политических наук МГТУ ГА, действительный член Международной педагогической академии, автор более 120 научных работ, область научных интересов – философия истории России, проблемы становления и развития российской цивилизации, история воздухоплавания и гражданской авиации России.

Шаров Андрей Михайлович, 1974 г.р., окончил ГУЗ (1996), редактор издательства «Феория», автор 12 научных работ, область научных интересов – история науки и техники, история картографии и архитектуры.

УДК 355.58(571.5)(091)

РЕПРЕССИИ В ВОЕННО-УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЯХ ВВС СИБИРСКОГО ВОЕННОГО ОКРУГА И АЭРОКЛУБАХ СИБИРИ В 1930-х ГОДАХ

О.Н. АСТРАХАНЦЕВ

Статья представлена доктором философских наук, профессором Гариной О.Д.

В статье рассматривается вопрос о репрессиях в Красной Армии, в частности в военно-учебных заведениях ВВС Сибирского военного округа, а также в аэроклубах Сибири, осуществлявших подготовку кадров для военной авиации. На основе анализа архивных документов автором указывается, каким образом осуществлялись кадровые «чистки» учебных заведений, а также кто и за что подвергался репрессиям со стороны органов НКВД.

Ключевые слова: военно-воздушные силы, военно-учебные заведения, авиация, авиашколы, курсанты, аэроклубы, репрессии, органы НКВД.

К теме репрессий в Красной Армии обращались многие отечественные историки. В многочисленных научных трудах показаны судьбы отдельных репрессированных военачальников, освещены негативные последствия репрессий [1, с. 5-38], приведены цифровые данные о масштабах этого явления [2, с. 57-58]. В последнее время появились работы по историографии указанной темы [3, с. 156-159]. Публикуются статьи, посвященные, в частности, критике тезиса о массовых репрессиях 1937-1938 гг. как о причине безынициативности командного состава Красной Армии [4, с. 79-87] и т.д. Тем не менее интерес к этой теме не ослабевает.

Рассмотрим проблему репрессий в военно-учебных заведениях Военно-воздушных сил (ВВС) Рабоче-крестьянской Красной Армии (РККА) в Сибирском военном округе (СибВО) и аэроклубах Сибири.

В течение трех лет 1937-1939 гг. в нашей стране были репрессированы несколько тысяч командиров – от маршалов до командиров полков и ниже. Почти все командиры старшего и высшего командного состава имели опыт Первой мировой и Гражданской войн. 21 июня 1937 г., после того как состоялся процесс над Тухачевским и другими военачальниками, был издан совместный приказ Народного Комитета обороны (НКО) и Народного Комиссариата Внутренних Дел (НКВД) № 082 «Об освобождении от ответственности военнослужащих – участников контрреволюционных и вредительских фашистских организаций, раскаявшихся в своих преступлениях, добровольно явившихся и без утайки рассказавших обо всем ими совершенном и своих сообщниках» [5, с. 70]. Этот приказ был доведен до всего личного состава армии и флота. В 1937 г. Сталин неоднократно в своих выступлениях перед многими аудиториями требовал до конца выкорчевывать «врагов народа», «сигнализировать» об их действиях. После таких приказов и призывов пошел поток доносов, писем, анонимок, которые в НКВД принимали без всяких проверок. Начались повальные аресты. В результате практических шагов по «ликвидации заговора» и выявлению «врагов народа» в Красной Армии подверглись репрессиям и в большинстве своем были расстреляны около половины командиров полков, почти все командиры бригад и дивизий.

Сами «чистки» в армии и военно-учебных заведениях, а также в оборонных обществах начались еще за несколько лет до того, как маховик репрессий раскрутился на «полную катушку». О том, как это происходило, сегодня можно узнать из той части документов, которые «рассекретили» для исследователей. Основная же часть документов о репрессиях, особенно касающихся действий органов НКВД, до сих пор не доступны для абсолютного большинства людей. Но даже и те немногие источники дают представление о том страшном периоде отечественной

истории. Так, в приказе № 010 от 25.03.1933 г. по Иркутской военной школе авиационных техников (ВШАТ) начальник школы указывал: «Для пользы службы в подготовке кадров командиров авиатехников летным частям ВВС РККА и предохранения их от засоренности, мною произведен просмотр личного состава курсантов под углом зрения политико-морального соответствия, политической благонадежности и дисциплины. Исходя из общих данных нашел необходимым отчислить от дальнейшего обучения по соображениям классового несоответствия... (далее указан список курсантов, в котором числится 38 человек)» [6, л. 28].

В 1934 г. Управление по Военно-воздушным силам Рабоче-крестьянской Красной Армии разослало по воинским частям, военным училищам и военным школам следующее указание: «Несмотря на неоднократные приказы и указания Наркома и постановление Революционного Военного Совета (РВС) о всестороннем и тщательном изучении личного состава до сих пор в частях и школах ВВС продолжают иметь место случаи проникновения отдельных классово-враждебных авантюристских элементов. Предлагаю: 1. Немедленно снова и тщательно ознакомить руководящих командиров и политработников с постановлением РВС от 11-го апреля 1933 г. «О состоянии работы и системы руководства и отбора кадров ВВС РККА и инструкциями по отбору в летно-технические школы» [7, л. 12]. В указанных документах предписывалось организовать проверку личных данных, автобиографий и других материалов на военнотружущих. Причем правильность ведения личных дел начсостава военно-учебных заведений должны были проверять начальники училищ и авиашкол лично. Также подробно описывалось, что должно было содержать личное дело начальствующего состава, а именно: «а) послужной список; б) подробную автобиографию собственноручно написанную, заверенную командиром части и подтвержденную документами с мест; в) аттестацию за последние два года; г) партийную характеристику; д) выписку постановления комиссии по чистке /для членов и кандидатов партии/; е) выписку из карточки взысканий и поощрений; ж) документ об окончании нормальной школы; з) фотокарточку» [7, л. 12-14].

В отношении лиц начсостава, которые вызывали те или иные сомнения в их политической устойчивости, необходимо было немедленно командировать по месту их жительства «специальных людей» для всестороннего изучения их социального происхождения и положения. При этом вся эта работа, согласно указаниям, должна была проводиться сугубо секретно, таким образом, «чтобы не было дергания людей и ни в коем случае не была создана в связи с изучением личного состава нервная обстановка, которая в отдельных случаях уже в частях ВВС имеет место быть» [7, л. 12-14]. На документах стояла подпись начальника военных воздушных сил РККА Алксниса.

Сразу же последовали результаты выполнения этого указания. Например, в Иркутской ВШАТ: «Базин Илья Максимович – делопроизводитель, 44 года, беспартийный, из крестьян. Увольняется по политической неблагонадежности. В быту связан с социально чуждыми элементами. Никакой общественной работы не ведет. Виновник в ряде недостатков в хозчасти. Артюхов Павел Евдокимович – младший авиатехник, 23 года, беспартийный, исключен из партии за скрывание социального происхождения. Увольняется как классово-чуждый элемент» [7, л. 4] и т.д.

При проведении проверок командование вузов обращалось за помощью к «специальным людям», например: «Начальнику 3-го отдела НКВД от комиссара школы. Прошу выяснить и установить социальное происхождение и положение родителей, а также самого красноармейца вверенной мне части т. Максимовича Георгия Иосифовича, ... по непроверенным данным отец Максимовича якобы служил офицером царской армии, после перешел в армию Колчака»; «Начальнику 3-го отдела НКВД от комиссара школы. Прошу выяснить и установить социальное происхождение и положение родителей, а также самого красноармейца вверенной мне части т. Колосова Валерия Николаевича, по непроверенным данным один из братьев Колосова служил офицером царской армии» [8, л. 9-10]. Аналогичная работа проводилась и в других военно-учебных заведениях ВВС, находящихся на территории СибВО.

Как уже говорилось, чистки и репрессии коснулись не только военных училищ и военных школ, но также и аэроклубов. Вот материалы из докладной записки бригады Обкома ВКП (б) о работе областных (имеется в виду Новосибирская область) и районных отделений Осоавиахима. «Забелин – председатель областного совета Осоавиахима, примыкал к троцкистской оппозиции, выступал с троцкистскими тезисами... скрывал все это от партийных и комсомольских организаций на чистках... занимался бытовым разложением, половая распущенность, пьянство и т.п. Забелин насаждал в Осоавиахимовских организациях так называемые банкеты, которые развращали молодежь. Инженер авиации Забелин – скрывал социальное происхождение своего отца, который был торговец, занимался пособничеством врагов народа, вел явно вредительскую деятельность» [9, л. 2]. Всего в деле 219 листов. В них указаны десятки людей областной организации Осоавиахима, которых по разным причинам записали во «врагов народа». Назовем лишь некоторых: Предеин – инструктор – брат осужден за растрату, тесть за контрреволюцию; Котов – отец служил в белой армии; Шедько – авиамоделист – мать арестована как враг народа и братья – бандиты; Ядышников – инструктор-парашютист – бытовое разложение; Белоусов – жена баптистка; Шалаев – бухгалтер – сын кулака; Рычков – торговец; Вамлер – начальник хозяйства – разжигал недовольство среди летно-технического состава, также названы Юркин, Антипов, Соловьева, Шабанов, Комлев, Лемашев, Семенов, Мягков, Фадеев, Валеев и многие другие [9, л. 4-8]. Указанная докладная записка датируется 1938 г., когда репрессии стали массовыми, этих людей не просто уволили с работы, их арестовали органы НКВД и дальнейшая их судьба неизвестна. В Прокопьевском аэроклубе в период 1937-1938 гг. были репрессированы: Баллод, Брагин, Бунин, Путинцев, Дергунов и другие [10, с. 123].

Военнослужащие при службе в частях и при перемещениях из округа в округ, из соединения в соединение всегда получали соответствующие аттестации. Эти аттестации давались и подписывались старшими военачальниками. Если начальник писал положительную аттестацию, а подчиненного по каким-то причинам арестовывали, то мог быть и арестован начальник, давший эту положительную аттестацию, так как он не уследил и вовремя не выявил врага народа. Если же старший начальник попадал в тюрьму, то его добрые слова, написанные в аттестации подчиненного, воспринимались как похвала врага народа. Таким образом, органам НКВД очень легко было приписать любому связь с врагом народа, чем собственно они и занимались. Поэтому в аттестациях начсостава указывались малейшие подозрения. Если была возможность избавиться от офицера, например, путем перевода в другую часть или округ, то прибегали к этому способу. Если же подозрения подтверждались или их невозможно было утаить, то об этом сразу докладывалось в «нужные органы». Из материалов аттестации начсостава Иркутской ВШАТ: «Командир роты Петлин Никифор Григорьевич – с работой не справился, плохой организатор, отсутствие волевых качеств как командира. С 1918-1919 гг. находился в белой армии в команде конных разведчиков в должности начальника команды. Подлежит переводу из частей ВВС» [11, л. 50]. Вызывает большие сомнения тот факт, что офицер царской армии – командир разведывательной команды отличался, как указано, «отсутствием волевых качеств командира». Командование школы избавлялось от него из-за социального происхождения. Еще один пример: «Командир роты Басенин Федор Иванович – с работой не справился. Жена является выходцем из торговой семьи г. Сахалина /Манчжурия/. Подлежит переводу из частей ВВС» [11, л. 50]. Указанных офицеров не передали в органы НКВД, потому что аттестации были написаны в феврале 1934 г., если бы это был 1937 г. или 1938 г., то переводом дело бы не ограничилось.

Впервые последствия репрессий командного состава РККА отрицательно сказались в организации боевых действий в районе озера Хасан летом 1938 г. Действия Красной Армии впоследствии обсуждались на самом высоком уровне. 31 августа 1938 г. состоялось заседание Главного Военного Совета РККА, в повестке дня которого стоял вопрос «О событиях у озера Хасан». На заседании совета присутствовали: К.Е. Ворошилов (председатель), И.В. Сталин, Председатель СНК СССР В.М. Молотов, Е.А. Щаденко, Б.М. Шапошников, С.М. Буденный, Г.И. Кулик, А.Д. Локтионов, Д.Г. Павлов, В.К. Блюхер. На заседание были также приглашены:

И.В. Рогов, М.П. Фриновский, П.С. Аллилуев, Г.К. Савченко, И.Л. Федоров, П.И. Мазепов, К.А. Мерецков (секретарь). Главный Военный Совет выслушал сообщения Наркома обороны, доклады (объяснения) командующего фронтом Блюхера, и зам. члена Военного Совета Мазепова, обсудив этот вопрос, пришел к следующим выводам: «1. Боевые операции у озера Хасан явились всесторонней проверкой мобилизационной и боевой готовности не только тех частей, которые непосредственно принимали в них участия, но и всех без исключения войск ДК Фронта. 2. События этих немногих дней обнаружили огромные недочеты в состоянии ДК Фронта. Боевая подготовка войск, штабов и командно-начальствующего состава фронта оказались на недопустимо низком уровне. Войсковые части были раздерганы и небоеспособны; снабжение войсковых частей не организовано... В результате такого недопустимого состояния войск фронта мы в этом сравнительно небольшом столкновении понесли значительные потери – 408 человек убитыми и 2807 человек ранеными» [12, с. 135-136]. Далее на заседании детально обсудили ход боевых действий, а также причины их плохой организации и потерь личного состава РККА. Виновными во всем этом были объявлены командиры, комиссары и начальники всех степеней ДК Фронта. Главным виновником был объявлен командующий фронтом, маршал Советского Союза В.К. Блюхер. Так ему ставилось в обвинение: «Вместо того, чтобы честно отдать все свои силы делу ликвидации последствий вредительства... Блюхер систематически, из года в год, прикрывал свою заведомо плохую работу и бездеятельность донесениями об успехах своей работы, ...сидевшие рядом с Блюхером многочисленные враги народа умело скрывались за его спиной, ведя свою преступную работу по дезорганизации и разложению войск ДК Фронта. Но и после разоблачения и изъятия из армии изменников и шпионов т. Блюхер не сумел или не захотел по-настоящему реализовать очищение фронта от врагов народа» [12, с. 137-138]. В итоге Блюхер был арестован, обвинен в том, что не вел активной борьбы с многочисленными врагами народа, в пораженческих настроениях и т.п. Его передали в руки НКВД, в застенках которого он был расстрелян. Еще раньше расстреляли М.Н. Тухачевского, И.Э. Якира, И.П. Уборевича.

На смену арестованным и расстрелянным командирам всех уровней, приходили новые кадры, которые, по сути, ждали своей очереди на арест. «В Киевском военном округе сменилось за четыре года четыре командующих (И.Ф. Фелько, С.К. Тимошенко, Г.К. Кирпонос), а в Западном – три (И.П. Белов, М.П. Ковалев, Д.Г. Павлов). В Военно-Воздушных Силах за не полные четыре года сменилось после ареста и расстрела в 1938 году командарма 2-го ранга Я.И. Алкниса три начальника (генерал-полковник авиации А.Д. Локтионов, генерал-лейтенант авиации Я.В. Смушкевич, генерал-лейтенант авиации П.В. Рычагов и все трое были без суда и следствия расстреляны в октябре 1941 года)» [13, с. 60-61].

В Иркутской ВШАТ в период с 1937 г. по 1938 г. была репрессирована большая группа военнослужащих школы. В журнале «Учета офицерского состава уволенных в запас и убитых в другие части» Иркутской ВШАТ указано 30 человек, арестованных в этот период. Скорее всего, это не полный список, так как в нем нет, например, фамилии начальника школы – П.Г. Фесенко, которого также арестовали в эти годы. Причины арестов были самые разные, например: «Тыванюк Александр Моисеевич, майор, командир батальона. На всем протяжении службы в Красной Армии показал себя как личность антисоветскую, антисемит... Его антисоветские настроения характеризуются следующими высказываниями в узком кругу: «Я не верю коммунистам, они обманывают нас кругом. Темпы, темпы, а народ волком воет от этих темпов. Ходят голодные и холодные» и ряд других в этом духе... Безусловно, враждебная фигура» [14, с. 46]. Майор Тыванюк был арестован в августе 1937 г. «Рассудовский Николай Николаевич, военный инженер 3-го ранга, преподаватель моторного цикла. Прапорщик старой армии... Женат на литовке, имеющей братьев-офицеров в Литовской армии... Данными НКВД установлено, что Рассудовский был связан с эсерами, был на приемах у Керенского... Рассудовский – ярко выраженная антисоветская личность... В прошлом резко высказывался против коллективизации и ликвидации кулачества... НКВД прорабатывает его по шпионажу. Лишен всякого политического доверия» [14, с. 46]. Рассудовский был арестован также в августе 1937 г. Враги народа мерещи-

лись повсюду, и любое деяние могло приобретать окраску шпионской деятельности, вредительства и т.п. Так, в 1937 г. в Иркутской школе был случай массового отравления курсантов. Произошедшее вследствие разгильдяйства и нарушения элементарных санитарных норм сразу приобрело окраску «вредительства» со всеми вытекающими из этого последствиями. В акте расследования чрезвычайного происшествия указывалось: «В период с 21.06 по 3.08. 1937 г. в школе имело место эпидемическое распространение острых желудочно-кишечных заболеваний 474 человек. Проведенным расследованием санитарным управлением РККА и санитарным отделом округа установлено, что обстоятельством, способствующим широкому распространению эпидемии дизентерии, явилось:

а) крайнее антисанитарное состояние пищевого блока (мытьё посуды без мыла и соды, тараканы, мухи и т.д.);

б) наличие больных дизентерией среди работников пищеблока;

в) водный фактор – сырая вода из неисследованных источников и загрязненной реки Ушаковки;

г) преступное отношение к организации питания и оборудованию пищевого блока со стороны бывшего начальника продовольственного снабжения школы Булыгина» [15, л. 4]. Булыгин был арестован органами НКВД и его дальнейшая судьба неизвестна.

Поводом для ареста мог послужить, например, низкий средний балл по учебной дисциплине. Так, в акте проверки Иркутской школы за 1937 г. указано: «Отдельные курсанты допустили грубые политически вредные искажения при ответах по дисциплине «История ВКП (б)». Преподаватель – Перетягин (троцкист) ныне арестован как враг народа». [16, л. 91].

Некоторые исследователи проблемы репрессий высказывают мысль о том, что «чистки» в армии «способствовали усилению борьбы за улучшение дисциплины в РККА» [17, с. 48]. Действительно, воинская дисциплина в Красной Армии и в военно-учебных заведениях была явно не на высоте. Об этом уже отмечалось автором ранее [18, с. 20-22]. Однако, во-первых, репрессиям подверглись не только явные нарушители воинских уставов, но и абсолютно не виновные (позже реабилитированные) военнослужащие. Для этого нужно рассмотреть биографии и дела репрессированных. Во-вторых, после проведения массовых репрессий, воинская дисциплина в войсках нисколько не улучшилась. Поэтому, на наш взгляд, говорить о влиянии репрессий на улучшение воинской дисциплины не уместно. Как и в целом принижать или наоборот преувеличивать значение этого явления для РККА.

Репрессии коснулись всех учебных заведений Красной Армии, в том числе и вузов ВВС. Многие военнослужащие школ и училищ подверглись арестам и заключению, а часть из них были расстреляны. Так, начальник Липецкой лётно-тактической школы ВВС, комдив Н.Я. Котов, был приговорен 10.01.1938 г. к высшей мере наказания; начальник 9-й школы военных лётчиков, комбриг Я.Э. Закс – приговорен 20.01.1938 г. к высшей мере наказания; начальник кафедры тактики авиации Военной академии им. Фрунзе, профессор Военно-воздушной академии им. Жуковского, комбриг А.Н. Лапчинский был расстрелян в 1938 г.; помощник начальника Таганрогской школы лётчиков по лётной подготовке комдив А.А. Туржанский был арестован, затем освобожден в 1940 г. и назначен начальником Качинской авиационной школы, с 1941 г. по 1942 г. – преподавал в военной академии, затем был вновь арестован 19.02.1942 г., приговорен к 12 годам лишения свободы, 20.07.1953 г. был реабилитирован. Не миновали репрессий и начальник 1-й Военной школы ВВС, комдив И.В. Панин, начальник 2-й военной школы лётчиков, впоследствии командующий ВВС армии ДВФ комдив Я.В. Сорокин и многие другие. При этом в средствах печати по радио и на многочисленных собраниях и митингах говорилось об успехах органов НКВД в деле борьбы с «врагами народа», «иностранными шпионами», «вредителями» и т.п. В журнале «Вестник воздушного флота» в 1938 г., в частности, писалось: «Очищение рядов Военно-Воздушных Сил от фашистской агентуры – подлых изменников родины – привело к укреплению боеспособности одного из главных элементов вооруженных сил страны социализма... основная банда уничтожена, но мы продолжим выкорчевывать предателей и в кратчайшее время освободим нашу страну от этой падали» [19, с. 2-3].

Последствия этих действий негативно сказались на деятельности военной авиации, поскольку репрессии выбили значительную часть подготовленных, опытных и высококвалифицированных летчиков, техников и командиров ВВС.

Аресты в Армии продолжались и накануне войны и в начальный ее период. Среди арестованных были и недавно выдвинутые на высокие должности военачальники. «21 апреля 1941 г. арестовали дивинженера Ивана Филимоновича Сакриера – начальника Управления вооружений ВВС РККА; 18 мая 1941 г. – комбрига Адама Иосифовича Залевского – начальника отдела НИИ ВВС РККА; 23 мая 1941 г. – генерал-майора авиации Александра Ивановича Филина – начальника НИИ ВВС РККА; 30 мая 1941 г. – генерал-майора авиации Эрнеста Генриховича Шахта – помощника командующего ВВС Орловского военного округа, Героя Советского Союза; 31 мая 1941 г. – генерал-лейтенанта Петра Ивановича Пумпура – командующего ВВС Московского военного округа, Героя Советского Союза; 2 июня 1941 – комдива Николая Николаевича Васильченко – помощника генерал-инспектора ВВС РККА; 7 июня 1941 г. – комбрига Ивана Иосифовича Черния – начальника Курсов усовершенствования командного состава ВВС при Военной академии командного и штурманского состава ВВС РККА; 8 июня 1941г. – генерал-лейтенанта авиации Якова Владимировича Смушкевича – генерал-инспектора ВВС РККА, дважды Героя Советского Союза; 9 июня 1941 г. – генерал-майора авиации Александра Алексеевича Левина – заместителя командующего ВВС Ленинградского военного округа; 17 июня 1941 г. – генерал-майора авиации Павла Павловича Юсупова – заместителя начальника штаба ВВС РККА; 18 июня 1941 г. – генерал-лейтенанта авиации Павла Александровича Алексева – помощника командующего ВВС Приволжского военного округа; 24 июня 1941 г. – генерал-лейтенанта авиации, бывшего начальника ВВС РККА, Героя Советского Союза Павла Васильевича Рычагова; 27 июня 1941 г. – генерал-лейтенанта авиации Евгения Савича Птухина – командующего ВВС Юго-Западного фронта и др.» [17, с. 172-173].

Более глубокому изучению вопроса о репрессиях в Красной Армии и в ВВС, в частности, препятствует узкая источниковая база. Появляющиеся архивные документы проливают некоторый свет на эту проблему, но не позволяют всесторонне ее изучить. Тем не менее имеющихся документов и проведенных исследований достаточно, чтобы понять пагубность и разрушительные действия репрессий по отношению к Вооруженным силам нашей страны накануне Великой Отечественной войны.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гребенюк А.В. РККА накануне Великой Отечественной войны // Вестник МГИМО. - 2010. - № 2. - С. 5-38.
2. Уколов А.Т., Ивкин В.И. О масштабах репрессий в Красной Армии в предвоенные годы // Военно-исторический журнал. - 1993. - № 1. - С. 57-58.
3. Степанов М.Г. Масштабы и последствия репрессий в РККА и РККФ (1937-1939 гг.) в отражении современной российской историографии // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. - Тамбов: Грамота, 2011. № 6 (12): в 3-х ч. - Ч. II. - С. 156-159.
4. Смирнов А.А. Об истинных причинах нехватки инициативы у комсостава Красной Армии после репрессий 1937-1938 гг. // Пространство и время. - 2011. - № 1. - С. 79-87.
5. Карпов В.В. Маршал Жуков: книга 1-я. - М.: Воениздат, 1992.
6. Российский государственный военный архив. Ф. 32354. Оп. 1. Д. 61.
7. Российский государственный военный архив. Ф. 32354. Оп. 1. Д. 72.
8. Российский государственный военный архив. Ф. 32354. Оп. 1. Д. 110.
9. Государственный архив Новосибирской области. Ф. 4. Оп. 2. Д. 281.
10. Воронин Д.В., Воронина Н.В. С мечтой о небе. История Прокопьевского аэроклуба. - Прокопьевск: ООО «Графика», 2010.
11. Российский государственный военный архив. Ф. 32354. Оп. 1. Д. 76.
12. Главный военный совет РККА. 13 марта 1938 г. – 20 июня 1941 г.: документы и материалы. - М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004.
13. Анфилов В.А. Дорога к трагедии сорок первого года. - М.: Типография ОАО «Внешторгиздат», 1997.

14. Не прерывать традиций нить: краткий исторический очерк ИВВАИУ / под ред. Б.И. Рожкова. - Иркутск: ИВВАИУ, 1991.
15. Российский государственный военный архив. Ф. 32354. Оп. 1. Д. 244.
16. Российский государственный военный архив. Ф. 32354. Оп. 1. Д. 129.
17. Севостьянов В.Н. Воинская дисциплина и моральный климат в Красной Армии и массовые репрессии 1930-х гг. // Известия высших учебных заведений. Уральский регион. - 2011. - № 2. - С. 36-50.
18. Астраханцев О.Н. Воинская дисциплина в Иркутской военной школе авиационных техников в 1931-1937 гг. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. - Тамбов: Грамота, 2013. - № 11 (37): в 2-х ч. - Ч. II. - С. 20-22.
19. Итоги учебно-боевой деятельности и задачи на 1938 год // Вестник воздушного флота. Орган ВВС РККА. - 1938 г. - № 1. - С. 2-3.
20. Смыслов О.С. Асы против асов. В борьбе за господство. - М.: Вече, 2012.

REPRESSIONS AT MILITARY EDUCATIONAL ESTABLISHMENTS OF SIBERIAN AIR FORCE COMMAND AND IN AEROCLUBS OF SIBERIA IN 1930s

Astrahancev O.N.

The article deals with the issue of repressions in the Red Army, particularly, at military educational establishments of Siberian Air Force Command as well as in Siberian aeroclubs training personnel for military aviation. Having analysed archive documents the author concludes how personnel purges were performed as well as who and for what reasons was exposed to repressions of People's Commissariat for Internal Affairs.

Key words: Air Force, military educational establishments, aviation, aviation schools, cadets, aeroclubs, repressions, People's Commissariat for Internal Affairs.

Сведения об авторе

Астраханцев Олег Николаевич, 1972 г.р., окончил ИГУ (2003), кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой гуманитарных и социально-политических дисциплин Иркутского филиала МГТУ ГА, автор более 40 научных работ, область научных интересов – история русской армии, история отечественной авиации.

УДК 9(с) 21(470)

К ВОПРОСУ О ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ Л.Д. ТРОЦКОГО В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ: ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРК

И.С. БАКЛАНОВА

Статья представлена доктором исторических наук, профессором Семенниковой Л.И.

Рассматриваются точки зрения, представленные в отечественной историографии и в литературе русского зарубежья относительно отдельных аспектов военно-политической деятельности Л.Д. Троцкого в годы Гражданской войны: строительство Красной Армии, оборона Петрограда в 1919 г., участие в разработке военных операций.

Ключевые слова: Л.Д. Троцкий, Гражданская война, строительство Красной Армии, оборона Петрограда, наступление Восточного фронта весной 1919 г.

Одной из самых ярких фигур Гражданской войны без сомнения являлся Л.Д. Троцкий. Прекрасный оратор, харизматический лидер, чьи выдающиеся личные качества вынужден был признать даже В.И. Ленин¹, он в рассматриваемый период занимал, пожалуй, самые высокие военно-политические посты в системе большевистской власти: наркома по военным делам и председателя Революционного военного совета Республики (РВСР) [33, с. 734]. Тем не менее в результате поражения в борьбе со И.В. Сталиным за лидерство в партии, закончившейся для Льва Давидовича лишением всех постов, исключением из ВКП(б), высылкой за границу, а в дальнейшем и гибелью, о деятельности Троцкого в годы Гражданской войны советские авторы даже в постсталинский период или не писали вовсе, или отзывались исключительно негативно. Примером тому может, в частности, являться учебник по истории КПСС, принятый в качестве основного в вузах СССР в 70-е – 80-е гг. В нем, помимо прочего, Л.Д. Троцкому инкриминировалось «извращение» военной политики РКП(б) в период Гражданской войны [13, с. 265].

В годы перестройки при реализации концепции «белых пятен» отечественные историки заинтересовались деятельностью репрессированных в сталинское время большевистских лидеров. Л.Д. Троцкому посвящаются диссертационные исследования и другие научные публикации [3; 5; 18; 27; 29 и др.]. Однако в дальнейшем интерес к деятелям большевистского лагеря значительно сократился. Российские исследователи в ущерб другим вопросам Гражданской войны в основном переключились на изучение проблематики Белого движения, что неоднократно отмечалось в историографических работах [26, с. 640]. Тем не менее и в отечественной, и в зарубежной литературе существуют наработки, дающие возможность представить различные стороны военно-политической деятельности Л.Д. Троцкого в годы Гражданской войны.

Прежде всего обратимся к работам эмигрантских авторов, являвшихся непосредственными участниками Белого движения. Несмотря на их личное, чаще всего крайне негативное отношение ко всем большевистским лидерам, они, в основной своей массе (прежде всего это касается военных), стремились объективно разобраться в причинах поражения Белого дела. Поэтому для российских исследователей литература русского зарубежья интересна не только взглядом на события Гражданской войны «с другой стороны», из противоположного лагеря, но, как ни странно данное положение может показаться, объективностью некоторых своих выводов. В отличие от советской историографии, в которой, в зависимости от конъюнктурных изменений,

¹ В своем знаменитом «Письме к съезду» В.И. Ленин говорил о «выдающихся способностях» Л.Д. Троцкого. Мало того, по оценке уже смертельно больного лидера советского государства, диктовавшего свое политическое завещание, Троцкий – «самый способный человек в настоящем ЦК», хотя и «чрезмерно хвастающий самоуверенностью и чрезмерным увлечением чисто административной стороной дела» [22, с. 345].

основная роль в военном строительстве отводилась В.И. Ленину или И.В. Сталину², в литературе русского зарубежья главным организатором и руководителем регулярной Красной Армии однозначно назывался Л.Д. Троцкий. Так, например, на взгляд П.Н. Милюкова, именно он в ходе переговоров в Бресте «почувствовал», позднее – «подхватил» созревшую идею формирования армии в соответствии с требованиями современной науки [24, с. 171-172]. Генерал А.И. Андогский также назвал Л. Троцкого «ярким поборником» создания **«регулярной армии на научных началах»** (выделено А.И. Андогским – И.Б.). Он же, по мнению данного автора, разработал и основы советского военного строительства [2, с. 11]. Да и, на взгляд С.И. Мамонтова, вступившего в Гражданскую войну в чине прапорщика, имя Сталина среди рядовых участников Белого движения было неизвестно. Командовал красными исключительно Троцкий [23, с. 27, 276]. Еще более категорично высказался бывший Донской атаман генерал П.Н. Краснов. По его мнению, «Троцкий явился единоличным вершителем судеб Советской Армии» [20, с. 246]. Это мнение поддержал и генерал Императорской армии В.Д. Кузьмин-Караваев: Троцкий «единолично правил своею 2-х миллионной армией» [21, с. 57].

Встает вопрос: какие же требования военной науки начала XX в. положил Л.Д. Троцкий в основу советского военного строительства? Сами эмигрантские авторы на этот вопрос отвечали так: произошла «решительная и полная реставрация» во всем – в строе, в службе и быте войск, возвращение к «нормальной организации, единовластию и дисциплине» [7, с. 144, 143]. Причем данную реставрацию и, следовательно, мощь Красной Армии, как констатируется в литературе русского зарубежья, обеспечили пришедшие на службу советской власти кадровые офицеры Российских вооруженных сил. В частности, об этом писал в своей работе А.И. Андогский [2, с. 29]. Да и, по мнению А.И. Деникина, Красная Армия создавалась «исключительно умом и опытом «старых царских генералов»». Во главе всех органов большевистского военного управления находились высшие офицеры Русской армии. Почти всеми фронтами командовали старшие начальники с дореволюционным стажем: Северным – против Архангельска – генерал Парский; Восточным – на Волге – полковник Каменев; Южным – против Дона – генерал Сытин; Западным – на фронте немецкой оккупации, Северо-Кавказским – против Добровольческой армии, частью против Дона – генерал Снесарев. Это положение относилось и к командованию советских армий. На взгляд А.И. Деникина, военные таланты-самородки в Красной Армии были редким исключением. И хотя старый генералитет и офицерство вынуждены были работать «под неослабным надзором коммунистов», именно они обеспечили РККА ее организацию и силу [7, с. 144-143]. О том же писал и генерал П.Н. Краснов. Среди начальствующих лиц Красной Армии, по его данным, только Сорокин, Антонов и Ворошилов принадлежали к «остаткам» выборных главнокомандующих. Все остальные являлись бывшими генералами Императорской Российской Армии [20, с. 247].

Известный советский историк Ю.И. Кораблев в своих публикациях проанализировал борьбу, проходившую в РКП(б) по вопросам военного строительства в начале 1918 г. Верховный главнокомандующий старой армии и народный комиссар по военным делам Н.В. Крыленко решительно заявлял, что новая армия должна быть «насквозь» демократической. Данное положение подразумевало выборность командного состава, полномочия солдатских комитетов, создание и роспуск вооруженной силы советами. Позицию Крыленко поддержали и другие члены

² По этому поводу участник Белого движения полковник А.А. Зайцов писал в 1932 г., в частности, о способе, по которому проработка директивных документов Сталина «подхалимским методом, принятым сейчас Военной Академией Красной Армии, безошибочно устанавливает, что победил в гражданской войне Сталин» [9]. Другой же полковник, теперь уже Красной Армии – Е.А. Болтин – завершил одну из своих публикаций 1939 г. словами: «Так под руководством нашей партии и ее великих вождей – Ленина и Сталина – советский народ и его Красная армия разгромил опаснейшего врага – Колчака» [4, с. 24]. В уже упоминавшейся выше «Истории Коммунистической партии Советского Союза» под редакцией Б.Н. Пономарева подчеркивалось, что «выдающуюся роль в строительстве советских вооруженных сил и в организации всего дела обороны страны сыграл В.И. Ленин – председатель Совета рабочей и крестьянской обороны» [13, с. 282].

Наркомвоена. Им противостояли, прежде всего, В.И. Ленин и Л.Д. Троцкий, выступавшие за создание регулярной армии, а следовательно, за использование опыта военной интеллигенции. Дело закончилось, как констатировал Ю.И. Кораблев, добровольной отставкой Н.В. Крыленко и предложением занять пост Наркомвоена Л.Д. Троцкому, на что последний незамедлительно согласился [19, с. 297-298; 18, с. 21-22].

На протяжении всей Гражданской войны Л.Д. Троцкий активно проводил в жизнь положение о необходимости использовать в советском военном строительстве опыт военных специалистов. Именно на этой почве, как отмечал Ю.И. Кораблев, произошел серьезный конфликт между Троцким и Сталиным в 1918 г. Последний во время обороны Царицына, по оценке военного историка, взял курс «на изгнание военных специалистов, возврат к коллективному командованию, противопоставление мест центру» [18, с. 29]. Конфликт, имевший принципиальный характер, разрешился на уровне ЦК. 2 октября 1918 г. пленум ЦК осудил позицию царицынцев (вместе с И.В. Сталиным в гонениях на военных специалистов участвовали К.Е. Ворошилов и С.К. Минин), поддержал Реввоенсовет и его председателя [18, с. 30].

В дальнейшем вопрос о военном строительстве остро встал на VIII съезде РКП(б) (март 1919 г.) в связи с выступлением так называемой «военной оппозиции», отстаивавшей партизанские методы управления армией и ведения войны. В «Кратком курсе» И.В. Сталин утверждал, что «большинство военных делегатов» было резко негативно настроено против Л.Д. Троцкого и проводимой им политики [11, с. 224]. Однако в принятых съездом решениях неприятия и осуждения позиции председателя Реввоенсовета в отличие от воззрений «военной оппозиции» не содержится. Это, в частности, дает возможность согласиться с Ю.И. Кораблевым в том, что принципиальных разногласий по вопросам военной политики у В.И. Ленина и Л.Д. Троцкого в годы Гражданской войны не было [19, с. 303].

И.В. Сталин в «Кратком курсе» инкриминировал председателю Реввоенсовета и попытку расстрела (что интересно – «попытки», а не сами расстрелы – И.Б.) «целого ряда» коммунистов-фронтовиков. Только вмешательство ЦК и протесты военных работников, по данным указанного автора, отменили этот самосуд Л.Д. Троцкого [11, с. 224]. В целом в советской историографии даже в постсталинский период председатель Реввоенсовета представлялся человеком, чья жестокость не обуславливалась ни военной, ни политической необходимостью. В данной связи чаще всего приводился пример с децимарием (расстрелом каждого десятого), осуществленным 29 августа 1918 г. под Свияжском по отношению к Петроградскому рабочему полку, бежавшему с поля боя [5, с. 47]. Причем известно, что среди расстрелянных бойцов были и коммунисты – командир, комиссар полка и др. (Что может формально служить подтверждением точки зрения И.В. Сталина). Тем не менее в советской историографии существуют и другие мнения. В частности, участник Гражданской войны С.И. Гусев в своей статье «Свияжские дни» писал, что «жесткие методы тов. Троцкого для этой эпохи партизанщины, самовольщины, недисциплинированности и кустарнической самовлюбленности были прежде всего и наиболее всего целесообразны и необходимы». И далее: «Этот расстрел красной кровавой чертой подводил итог предшествовавшему партизанскому хаотическому периоду существования Красной Армии и был последней переходной ступенью к регулярной дисциплине» [6, с. 20]. Подобного мнения уже в «перестроечный» период придерживались и другие авторы [28, с. 77; 18, с. 49]. Причем в «Военно-историческом журнале» даже прошла дискуссия относительно участия Л.Д. Троцкого в строительстве РККА [27; 29]. (Заметим в скобках, что во время создания в начале 1920 г. из практически разложившихся и деморализованных остатков ВСЮР регулярной армии применялись аналогичные использованным Л.Д. Троцким методы. По данным П.Н. Милюкова, процесс укрепления воинской дисциплины П.Н. Врангель начал с того, что повесил до 25 офицеров, причем в основном гвардейских [25, с. 221]).

В годы Гражданской войны, как указывается в литературе, Реввоенсовет являлся фактически высшим коллегиальным органом руководства обороной страны [34, с. 12]. И Л.Д. Троцкий как его председатель обычно находился на самых сложных ее участках. Таковым осенью 1919 г.

являлась оборона Петрограда. С точки зрения военного искусства ход боевых действий на северо-западе России не имел такого большого значения в вооруженном противоборстве белых и красных, как, например, во время наступления армий А.В. Колчака или А.И. Деникина в 1919 г. В частности, по мнению одного из первых советских военных историков, Н.Е. Какурина, масштаб проводившихся здесь операций «по отношению к общему масштабу гражданской войны не вышел из рамок чисто местного столкновения» [15, с. 344]. Однако речь шла о возможном взятии белыми Петрограда, по мнению указанного автора, – «второй Красной столицы», «колыбели», «сердца», «одного из наиболее жизненных центров» пролетарской революции, являвшегося в то же время крупным промышленным районом [14, с. 52; 15, с. 347]³. Еще большее значение Петрограду придавали эмигрантские авторы. Так, например, по образному выражению известного журналиста и экономиста Г. Кирдецова (настоящее имя – Г.Л. Дворжецкий – И.Б.), Петроград являлся «ключом к общей победе над большевистской властью». Это означало, что в психологическом плане, по мнению данного автора, действовала формула – «падение Петрограда есть и падение Москвы» [17, с. 61, 346]⁴. Командующий Северо-Западной армией генерал А.П. Родзянко и Главнокомандующий Эстонской армией периода Гражданской войны генерал Й. Лайдонер также считали, что «взятие Петрограда – это вопрос политический» [30, с. 31]. Отсюда – ожесточенный характер вооруженных столкновений и высокая, прежде всего морально-политическая, цена победы.

В начале октября 1919 г. для Красной Армии под Петроградом сложилась чрезвычайно опасная ситуация. Советский военный историк Н.Е. Какурин писал, что она «была сбита на всем своем фронте и откатывалась на Петроград». Были перерезаны все железнодорожные пути к Петрограду за исключением Николаевской (Октябрьской) железной дороги [16, с. 140]. Ситуация была настолько серьезна, что Л.Д. Троцкий 16 октября, в день своего приезда в Петроград, написал статью, посвященную не обороне «второй красной столицы», а исключительно, превращению города в западню для противника. В ней председатель РВСР, видимо, уже не надеясь удержать Петроград в своих руках, пытался обосновать положение о выгоде «в чисто военном отношении» прорыва Северо-Западной армии на территорию города, где противник и должен обрести свою смерть [32, с. 383]. В этом плане позиция Председателя РВСР противопоставлялась позиции Политбюро ЦК РКП (б) и лично В.И. Ленина, потребовавших: «Петроград не сдавать!» [12, с. 334-335]. С положением о гибели значительного числа коммунистов и части рабочих Петрограда, разрушении ряда объектов города и тяжелым моральным ударом для Советской власти в случае его потери, без всякого сомнения, можно согласиться. Однако сами авторы, обличавшие прежде всего Л.Д. Троцкого, писали, что в случае прорыва неприятеля в город партия считала необходимым продолжение борьбы на улицах Петрограда [12, с. 334-335].

И в советской историографии 1920-х гг. (до начала гонений на Л.Д. Троцкого), и в литературе русского зарубежья подчеркивалась большая роль председателя РВСР, лично возглавившего организацию обороны Петрограда. Причем многие эмигрантские авторы, в частности, В.Д. Кузьмин-Караваев, отметили несомненные организаторские таланты Льва Давидовича. На взгляд указанного автора, во время октябрьского наступления Северо-Западной армии на Петроград, только в результате приезда Л.Д. Троцкого на фронт «кипучая энергия» последнего

³ Практически о том же писал автор еще одного военно-исторического исследования, опубликованного в начале 1920-х гг. – В. Драгилев. По его мнению, в рассматриваемый период Петроград «имел исключительное стратегическое и политическое значение», обусловленное, во-первых, тем, что он являлся «резервуаром живых материальных и моральных сил Красной Армии»; во-вторых, мог стать, в случае захвата города белыми, базой для их правительств и сил, а также плацдармом для наступления на Москву [8, с. 51].

⁴ На данные настроения в Белом движении указывал в 1919 г. и Л.Д. Троцкий: «Дело было поставлено так, что к вопросу о Петрограде как бы приковывались все надежды, аппетиты и вождения всех наших врагов; как бы приковывался вопрос о судьбе Советской власти». И далее: «В тот момент, когда им казалось, что Петроград будет в их руках – сказали себе: это начало гибели Советской власти» [31, с. 434]. В то же время председатель РВСР считал, что даже временная сдача Петрограда не привела бы к гибели Советской власти [31, с. 434].

смогла преодолеть растерянность командного состава Красной Армии. Поэтому паника и растерянность не только прошли, но и сменились «воодушевлением и порывом» [21, с. 37, 57]. О «кипучей энергии» Л.Д. Троцкого писал и другой очевидец октябрьских событий 1919 г. на северо-западе – Г. Кирдецов. После того как не удалось остановить наступление красных в районе Гатчины, Л.Д. Троцкий спешно начинает налаживать оборону Царского Села. В отсутствие крупных резервов быстро сосредоточиваются петроградские курсанты, мобилизуется все мужское население северной столицы. Л.Д. Троцкий «пулеметами гонит обратно на позиции все красноармейские части и своими энергичными мерами приводит в оборонительное состояние все подступы к Петрограду». Мало того, для того чтобы взять инициативу в свои руки, 20-го октября издается приказ о переходе в наступление Красной Армии [17, с. 352-353]. У бывшего полковника Императорской армии, советского военного историка Н.Е. Какурина идея превращения города «в каменный лабиринт для белогвардейцев» в то время, когда еще не было ясно, смогут ли красные удержать Петроград в своих руках, не вызвала неприятия [15, с. 338]. Следует отметить, что работа Л.Д. Троцкого по организации обороны Петрограда была высоко оценена современниками. Он был награжден орденом Красного Знамени [28, с. 78].

В советской историографии 1930-х гг. отношение к Л.Д. Троцкому уже резко отрицательное. В «Кратком курсе» деятельность Председателя РВСР на фронтах Гражданской войны характеризовалась исключительно негативно: планы военных действий, предложенные им, являлись «подозрительными», работу на фронтах он «развалил», ну а приказы, отданные Л.Д. Троцким, были исключительно «вредительскими» [11, с. 226-227, 231]. Что же касается победы под Петроградом, то это произошло исключительно благодаря «принятым Советской властью мерам» [11, с. 226]. В дальнейшем негативное отношение к Л.Д. Троцкому нашло свое выражение и в замалчивании позитивных результатов его деятельности. Так, например, при освещении организации обороны Петрограда подчеркивалась главенствующая роль В.И. Ленина, Политбюро ЦК РКП(б), но ни слова не говорилось о председателе РВСР [1, с. 221].

Еще одной стороной военно-политической деятельности председателя Реввоенсовета и наркомвоена Л.Д. Троцкого являлось непосредственное участие в разработке хода военных действий. Историки утверждают, что Л.Д. Троцкий, наряду с другими военными деятелями, вносил определенный вклад в формирование стратегических взглядов [10, с. 157-158], однако «главному принадлежала полная самостоятельность во всех вопросах стратегически-оперативного характера в пределах директив высших органов Советской власти» [34, с. 13]. Можно согласиться с Ю.И. Кораблевым в том, что вопрос влияния Л.Д. Троцкого на выработку стратегии Красной Армии историками практически не изучен (данное положение, на наш взгляд, справедливо не только для начала 90-х гг., но и для последующего времени) [18, с. 45]. Тем не менее в советской историографии было растиражировано положение об ошибочном решении председателя Реввоенсовета относительно хода военных действий весной 1919 г. Л.Д. Троцкий предлагал приостановить наступление Восточного фронта перед Уралом, а часть войск перебросить на Южный фронт. В ЦК партии преобладало другое мнение: остановка наступления даст возможность А.В. Колчаку восстановить свою армию. Для разрешения конфликта потребовалось вмешательство В.И. Ленина. В связи с неприятием его позиции Л.Д. Троцкий подал в отставку, но ЦК его отставку отклонил [11, с. 226; 4, с. 22; 13, с. 268].

В целом, подводя итог данному краткому историографическому очерку, можно сделать вывод, что как в литературе русского зарубежья, так и в отечественной историографии конца 1980-х – начала 1990-х гг. личный вклад Л.Д. Троцкого в дело победы красных над белыми в годы Гражданской войны, несмотря на допущенные данным деятелем ошибки, оценен высоко. В частности, отмечено, что председатель Реввоенсовета принимал активное участие в строительстве регулярной Красной Армии, организации обороны на важнейших участках Гражданской войны. Тем не менее следует признать справедливым замечание Ю.И. Кораблева о том, что историки только приступили к изучению роли Л.Д. Троцкого как председателя РВСР в период Гражданской войны [18, с. 45] и это изучение в целях создания объективной картины указанного периода необходимо продолжить.

ЛИТЕРАТУРА

1. Азовцев Н.Н. и др. Гражданская война в СССР. - М.: Воениздат, 1986. - Т. 2.
2. Андогский А.И. Как создавалась Красная Армия Советской России. (Уроки недавнего прошлого). Критико-исторический очерк. - Владивосток, 1921.
3. Бойчев И.З. Военно-политическая деятельность Л.Д. Троцкого в годы иностранной интервенции и гражданской войны (1918-1920): дисс. ... канд. истор. наук. - М., 1990.
4. Болтин Е.К. К двадцатилетию победы над Колчаком. - Омск: Омское областное изд-во, 1939.
5. Васецкий Н.А. О Троцком и троцкизме. - М.: Общество «Знание» РСФСР, 1989.
6. Гусев С.И. Связские дни (1918 г.) // Гусев С.И. Гражданская война и Красная Армия. Сборник военно-теоретических и военно-политических статей (1918-1924). - М.-Л.: Государственное издательство, 1925. - С. 13-20.
7. Деникин А.И. Очерки Русской Смуты. - Т. 3: Белое движение и борьба Добровольческой армии. Май-октябрь 1918г. - Берлин: Книгоиздательство «Слово», 1924.
8. Драгилев В. 2-е наступление Юденича на Петроград // Сборник трудов военно-научного общества. - М.: Высший военный редакционный совет, 1922. - Кн. 2. - С. 46-69.
9. Зайцов А.А. Военные заметки // Русский инвалид. - 1932. - № 35. - 22 февраля.
10. История военной стратегии России / под ред. В.А. Золотарева. - М.: Кучково поле, Полиграфресурсы, 2000.
11. История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Краткий курс. - М.: Гос. изд. полит. лит., 1938.
12. История гражданской войны в СССР. - Т. 4: Решающие победы Красной Армии над объединенными силами Антанты и внутренней контрреволюции. (Март 1919-февраль 1920). - М.: Госполитиздат, 1959.
13. История Коммунистической партии Советского Союза / Б.Н. Пономарев и др. - 7-е изд., доп. - М.: Политиздат, 1985.
14. Какурин Н. Борьба за Петроград в 1919 году. - М.-Л.: Госуд. изд-во. Отдел военной литературы, 1928.
15. Какурин Н. Как сражалась революция. - Т. 2. 1919-1920 г. - М.-Л.: Государственное издательство, 1926.
16. Какурин Н. Стратегический очерк гражданской войны. - М.-Л.: Государственное военное издательство, 1926.
17. Кирдецов Г. У ворот Петрограда (1919-1920). - Берлин: Русский книжный магазин «Москва», 1921.
18. Кораблев Ю.И. Лев Давидович Троцкий // Реввоенсовет Республики (6 сентября 1918 г. - 28 августа 1923 г.). - М.: Политиздат, 1991. - С. 19-55.
19. Кораблев Ю.И. Почему Троцкий // Гражданская война в России: события, мнения, оценки. - М.: Раритет, 2002. - С. 295-305.
20. Краснов П.Н. Всевеликое Войско Донское // Архив русской революции. - Берлин, 1922. - С. 190-321. - Т. V.
21. Кузьмин-Караваев В.Д. Октябрьское наступление на Петроград и причины неудачи похода. Записки белого офицера. - Гельсингфорс: Акционерное общество Эвмунд и Петтерсен, 1920.
22. Ленин В.И. Письмо к съезду // Ленин В.И. Полн. собр. соч. - изд. 5-е., доп. - Т. 45. - С. 343-348.
23. Мамонтов С. Походы и кони. - Париж: YMCA - PRESS, 1981.
24. Милюков П. Россия на переломе. Большевицкий период русской революции. - Т. 1: Происхождение и укрепление большевицкой диктатуры. - Париж, 1927.
25. Милюков П. Россия на переломе. Большевицкий период русской революции. - Т. 2: Антибольшевицкое движение. - Париж, 1927.
26. Михайлов И.В. Гражданская война в современной историографии: виден ли свет в конце тоннеля? // Гражданская война в России: события, мнения, оценки. - С. 639-655.
27. Молодцыгин М.А. 120 дней наркомвоена. Из истории перехода к строительству массовой регулярной Красной армии // Военно-исторический журнал. - 1989. - № 8. - С. 46-62. - № 10. - С. 37-55.
28. Панцов А.В. Лев Давидович Троцкий // Вопросы истории. - 1990. - № 5. - С. 65-87.
29. Пономарев Л.Я. «Нельзя строить армию без репрессий...» Л. Троцкий // Военно-исторический журнал. - 1989. - № 8. - С. 46-62. - № 10. - С. 36-55.
30. Родзянко А.П. Воспоминания о Северо-Западной армии. - Берлин, 1920.
31. Троцкий Л. Доклад во ВЦИКе 7 ноября 1919г. // Троцкий Л. Как вооружалась революция. - М.: Высший военный редакционный совет, 1924. - Т. 2. - Кн. I. - С. 433-434.
32. Троцкий Л. Петроград обороняется и внутри // Как вооружалась революция. - С. 383-384.
33. Троцкий (Бронштейн) Лев Давидович // Военный энциклопедический словарь. - М.: Воениздат, 2007. - С. 734.
34. Шевоцуков П.А. Революционный военный совет Республики // Реввоенсовет Республики (6 сентября 1918 г. - 28 августа 1923 г.). - С. 7-18.

**L.D. TROTSKY'S MILITARY AND POLITICAL ACTIVITIES
DURING THE CIVIL WAR: HISTORIOGRAPHICAL ESSAY****Baklanova I.S.**

We consider the point of view represented in the national historiography and Russian literature abroad on individual aspects of the military-political activity of L.D. Trotsky during the civil war: the construction of the Red Army, the defense of Petrograd in 1919, participation in the development of military operations.

Key words: L.D. Trotsky, the Civil War, the construction of the Red Army, the defense of Petrograd, the onset of the Eastern Front in the spring of 1919.

Сведения об авторе

Бакланова Ирина Семеновна, окончила МГУ им. М.В. Ломоносова (1980), кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных и социально-политических наук МГТУ ГА, автор более 80 научных работ, область научных интересов – военная история, история Гражданской войны в России, историография.

УДК 629.7.621.396 (083)

ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ФОРМИРОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ НАРОДОВ РОССИИ В V-XVII ВЕКАХ

В.Н. ШЕЛОМЕНЦЕВ

В статье анализируется история и эволюция правовой базы формирования государственности народов России, а также описываются правовые этапы и юридические факты, которые напрямую связаны и послужили базой для формирования построения и развития государственности народов России.

Ключевые слова: Вече, печать Великого Новгорода, крестоцелование, Новгородская и Псковская судные грамоты, самодержавие, судебная власть, кормлений, земское и губное управление, приказно-воеводское управление в сочетании с самоуправлением.

Становление российской государственности охватывает период более тысячелетней истории - это неотъемлемая часть развития мировой цивилизации. На этом пути она преодолела ряд крупных исторических и правовых этапов, претерпевала различные преобразования и изменения. Опираясь на исторические и правовые исследования видных ученых, в том числе на работу «Золотая Летопись России» Александра Мясникова [12], приходим к определенным выводам и суждениям об этапах становления и формирования государственности народов России.

В V в. начался период Великого переселения народов, оказавшего большое влияние на массовые передвижения славянских племен. Произошло основание Киева как столицы славянского государства братьями Кием, Щеком и Хоривом. Славянские отряды впервые перешли Дунай и вторглись в Византийскую империю в 495 г.

VI в. ознаменован тем, что произошло заселение славянами восточной, центральной и юго - восточной Европы и ряда других обширных территорий. Согласно летописям на востоке они достигли берегов средней Оки и верхнего Дона, на севере Ладожского озера. В 517 г. был совершен второй поход на Византию.

В начале VII в. продолжают преобладать небольшие, порой перемещающиеся поселения славян и иных народов, происходит формирование территории будущей Киевской Руси, осваивается культивационное земледелие, где применяются пахотные орудия с железными лемехами, усиленно развивается торговля, приводящая к образованию поселений в Малой Азии, выступающих как оплот торговых интересов и защиты торгующего люда.

В VIII в. начинается строительство городов, осуществляется торговля, главным образом, натуральными изделиями и продуктами - мехами, медом, воском. Устанавливаются контакты с соседними государствами, развивается внешняя торговля, появляется сословие военно-служилая знать – дружинники князей, в Северной Руси строится и развивается город Ладога и как крепость, и как главный торговый и перевалочный пункт славянских племен.

В первой половине IX в. восточные славяне объединяются, появляются племенные образования, на севере – с центром в Новгороде, на юге – с центром в Киеве. Идет освоение новых земель, насаждаются славянские обычаи и культура, а поэтому мелкие слабые неславянские племена вынуждены их принимать и воспринимать как свои, становясь частью славянского государства. Так начинается процесс формирования государственности. Важную роль при этом начинают играть стратегические опорные пункты и многонациональные отряды воинов и делового люда, которых называли «русью» или «руссам». Разрозненные славянские территории объединяются под властью княжеской династии Рюриковичей, и вся территория, занятая восточными и южными славянами, получает название «русская земля».

В X в. на Руси большое распространение получила кириллица, которой был придан официальный статус письменности. Начинаются набеги кочевников, а следовательно, строятся на стратегических направлениях укрепительные объекты и крепости, тем самым появляются центры славянской культуры и письменности. Начинают развиваться дипломатические отношения и к середине века завязываются мирные отношения с Византией и Болгарией, с Германским Королевством. В конце века начинается ведение русской летописи, единой денежной единицей становится гривна, выпускается первая русская монета – златник князя Владимира, вес ее около 4 граммов, при князе Владимире на Руси было официально введено христианство, а также входит в обиход понятие «село», оно трактуется как обжитой, освоенный участок земли, в большинстве случаев это укрепленный район славянами.

В XI в. Ярославом Мудрым создана первая библиотека, а также собрана одна из крупнейших библиотек при новгородском Софийском соборе, стали распространяться рукописные книги, в исторических летописях уже упоминается около 100 русских городов, в которых идет бурное строительство каменных монастырей и церквей, как культурных и оборонительных центров земли русской.

К середине XII в. ослабевает роль Киева как объединяющего центра и возникает множество удельных княжеств (на территории Киевской Руси образуется уже 15 независимых княжеств). Это послужило толчком для объединения земель вокруг более сильного и перспективного Владимира – на Клязьме, Великий Новгород становится вечевой республикой и обретает политическую независимость. Начинает формироваться культура домонгольского периода, наступает расцвет русской культуры. Набирает силу «безмонетный» период в истории страны, деньгами становятся слитки серебра, а также связки шкурок пушных зверей, скрепленные свинцовыми пломбами с княжескими эмблемами, получает развитие торговое мореплавание на Балтике.

Начало XIII в. территория Руси включает в себя более 50 княжеств, в русской геральдике появляется изображение льва как символа силы и власти. Одним из первых историко-правовых форм становления и развития национальной государственности народов России было Вече. О древности русского Вече свидетельствуют иностранные и отечественные источники. Например, византийский историк VI в. Прокопий, наблюдавший жизнь современных ему славян, писал, "что они не управляются одним лицом, но издавна живут при народоправлении" [1, с. 297]. Другой писатель того же времени византийский император Маврикий отмечал в славянском характере любовь к свободе и неприязнь к неограниченной власти. По его словам, "славян трудно склонить к рабству или повиновению" [1, с. 297]. Таким образом, иностранные писатели VI-XI вв. характеризуют наших предков - славян как свободолюбивый и самоуправляющийся народ. Русские источники тоже отмечают древность Вече. По словам летописца, "новгородцы бо изначали, и смоляне, и кыяне, и полочане, и вся власти (области), яко же на думу, Вече сходятся" [2, с. 344-345].

Вече возникло задолго до появления на Руси князей и продолжало существовать при них. По мнению дореволюционных русских историков, на Вече могли собираться все свободные жители города. Не имели право принимать участия в нем закупы (полурабы) и холопы (рабы). Не могли участвовать в Вече также дети и взрослые, не выделенные из семьи. Посещение Вечевых собраний не было ни для кого обязанностью. Оно было скорее правом. Состав Вече был крайне изменчивым. Иногда в Вече участвовали бояре, духовенство и даже князья, а иногда – одно простонародье. Стабильную формулу полномочного Народного собрания выработали новгородцы. Она часто с различными изменениями встречается в летописях и грамотах. Приведем ее содержание по Жалованной грамоте Великого Новгорода Соловецкому монастырю: "И по благословению господина преосвященного архиепископа Великого Новгорода и Пскова владыки... господин посадник Великого Новгорода степенный... и старый посадник, и господин тысяцкий Великого Новгорода степенный... и старые тысяцкие, и бояре, и житьи люди, и купцы, и черные люди, и весь господин Государь Великий Новгород, все пять

концов, на Вече на Ярославле дворе пожаловавша" [4, с. 52].

Согласно этой формуле, чтобы Вече было полномочным, на нем должны были присутствовать:

1) высшие должностные лица - посадники и тысяцкие: об их присутствии свидетельствуют печати, подвешенные к Вечевой грамоте (без печати грамота была недействительна). Ряд Вечевых грамот скреплены и печатью владыки. Он не всегда участвовал в Вече, но его согласие при решении важнейших вопросов было обязательно;

2) представители всех пяти концов Новгорода - на хорошо сохранившихся Вечевых грамотах имеются печати концов;

3) представители всех социальных групп - собрание одних только городских низов (черные люди, простая чадь) не признавалось правомочным.

В Новгороде для письменного оформления решения существовала вечевая канцелярия - изба с секретарем-дьяком. К грамоте прикладывалась свинцовая печать со шнурками. На договорных грамотах имелась подпись "Печать Великого Новгорода". В летописях часто упоминается о крестоцеловании на Вече. Крестоцелование являлось присягой, которой скреплялось Вечевое решение. На Киевском Вече 1146 г. целовали крест князь Игорь и киевляне. Присягой скреплялось не только двухстороннее решение (например, между князем и народом), но и всякое другое (например, тверичи целовали крест, обязываясь сидеть в осаде до конца). Вече принадлежала законодательная, исполнительная и судебная власть. В его компетенцию входили: законодательство, суд, администрация, международные отношения.

Памятниками Вечевого законодательства являются Новгородская и Псковская судные грамоты. В первой говорится, что ее "покончили (то есть, утвердили) посадники Новгородские и тысяцкие Новгородские, и бояре, и житьи люди, и купцы, и черные люди, все пять концов, весь государь Великий Новгород на Вече на Ярославском дворе". В Псковской грамоте говорится, что она ("ся грамота") выписана "из Великого князя Александровы грамоты и из князя Константиновы грамоты и изо всех приписков псковских пошлин (преданий старины) всем Псковым на Вечи". Таким образом, оба законодательных документа были составлены на Вече.

Очень часто в летописях встречаются известия об объявлении войны и заключении мира на Вече. Так, в 997 г. белгородцы вели переговоры о мире с печенегами. В 1186 г. полочане заключили на Вече мир с новгородцами. По вопросам войны и мира нередко возникали разногласия между князем и Вечем. Например, в 1067 г. киевляне требовали войны с половцами, а князь Изяслав не хотел ее и поплатился за это лишением престола. А в 1185 г., наоборот, князь Святослав обратился за помощью против половцев к смолянам и получил отказ на том основании, что они уже "изнемогли от рати". На судебную власть Веча указывает требование владимирцев (в 1177 г.) от князя Всеволода казнить пленных ростовцев и суздальцев. Слепленный князь Василько обратился к Владимирскому вечу за судом над ослепившим его.

На Вече решались вопросы и о налогах. Народ ревниво оберегал себя от всяких посягательств в этом отношении. Когда князь Ярополк в 1176 г. повысил пошлины и конфисковал церковное имущество без согласия Веча, то был изгнан вместе со своими судьями.

Важным актом Вечевой деятельности было избрание князя и заключение с ним "ряда", т.е. договора. Это право прямо признавалось за народом князьями. Князья договаривались с народом даже в тех случаях, когда занимали престол оружием. Они это делали, желая обеспечить себе прочное положение на престоле. Так, князь Володарь Глебович Городенский в 1167 г. разбил полоцкого князя Всеслава. Однако, по словам летописи, он "целовал крест с полочанами".

Исключительную роль в государственной жизни играл глава новгородской церкви - владыка. Церковная самостоятельность (автокефалия) была важной частью новгородского государственного строительства. Выборы первых владык проводились на Вече. На трапезу Софийского Собора положили три жребия и, совершив службу, послали с Вече слепца, чтобы

он вытянул один, "которого бог даст" [5, с. 232]. Указанное в нем лицо становилось владыкой. Этот способ применялся в случае выдвижения разных кандидатур и в дальнейшем. Таким образом, княжеская власть имела свои источники народного волеизъявления.

Древнерусское государство (Киевская Русь) возникло на основе слияния восточно-славянских племенных союзов вокруг наиболее крупных городов: Киева, Новгорода, Смоленска, Рязани и других. По форме власти Киевская Русь была княжеской раннефеодальной монархией, которая состояла, в основном, из княжеств, имевших большую автономию, но признававших верховную власть Киевского княжества. Сегодня будет справедливо отметить, что в истории Российской государственности большую роль сыграла православная церковь. Известный историк С.Ф. Платонов писал: "Через свою иерархию и примером ревнителей новой веры церковь действовала на нравы и учреждения Руси. Проповедью и церковной практикой она показывала, как надо жить и действовать в делах личных и общественных. Церковь старалась поднять значение княжеской власти" [6, с. 33].

Московское княжество, основателем которого был Юрий Долгорукий, возникло во второй половине XIII в., а с 1328 г. Московский князь Иван I (Калита) стал Великим князем Всея Руси. В начавшейся между отдельными княжествами борьбе за политическое обладание выявлялся общерусский политический центр, возглавивший борьбу за объединение разрозненных русских земель в единое государство и за свержение золотоордынского ига. Победителем в этой борьбе вышло Московское княжество, столица которого - Москва.

Княжество Дмитрия Донского стало общепризнанным политическим национальным центром формировавшегося Русского государства [7, с. 95-96]. Царю принадлежала высшая законодательная, исполнительная, судебная и военная власть. Тогда и утвердили термин "самодержавие" (сам держу власть, а не через князей и бояр). Усиление власти Великого князя (царя) проходило параллельно с формированием новой системы государственного управления - приказное ведомство. Приказы были отраслевыми органами центрального управления (Посольский, Казенный, Разбойный, Поместный и другие), совмещавшие административные и судебные функции. Постоянным органом с совещательными функциями при Великом князе (царе) была Боярская Дума. В Думу входили князья, бояре, дворяне, дьяки, которые назначались и смещались главой государства. Дума обсуждала важнейшие вопросы внутренней и внешней политики, но решающее слово оставалось за Великим князем (царем).

Общим итогом этого периода было утверждение самодержавной власти главы государства. При этом иногда допускалось существование представительных органов с совещательными функциями. Получили развитие органы центральной исполнительной власти и местного управления. Судебная власть находилась в ведении главы государства и подчиненных ему исполнительных органов. После свержения ордынского ига централизованное Русское государство встало на путь самостоятельного развития. К середине XVI в. в России, в основном, складываются основы государственности, которые многие исследователи определяют как сословно-представительную монархию [9]. Каждый подданный принадлежал к определенному сословию, исполнявшему свои обязанности - службы или тягла. У нас центральная политическая власть закрепила под собой "военно-служилый класс... а этот служилый класс закрепил под собой крестьянство" [8, с. 114]. Взаимодействие между верховной властью и сословиями осуществлялось посредством советов всея земли - Земских соборов и Челобитной деятельности. Правовые основы становления государственности народов России в XV- первой половине XVII вв. можно разделить на три эпохи: эпохи "кормлений" - управление через наместников волостей (до середины XVI в.); земское и губное управление (самоуправление) - вторая половина XVI - начало XVII вв.; приказно-воеводское управление в сочетании с самоуправлением (XVII в.).

Первоначально, когда какое-либо княжество или удел присоединялись к Москве, взамен прежних князей, которые становились слугами Великого князя, назначались наместники (в

городах) и волостели (в волостях) с тем же объемом полномочий, что и прежние князья. Назначение наместника называлось пожалованием; часто пожалование получали прежние князья. Иногда наместничество было наследным. При этом для сына прежнего наместника нужно было пожалование великого князя (позже царя). Подчинение наместников Великому князю (царю) в XV в. продолжалось, но сроки наместничества сократились до 1-3 лет. Бывало и так, что в город назначалось два наместника, а в волость - два волостеля. "А на котором городе будут два наместника или на волости два волостеля, и им плати пошлины по сему обе за одного наместника, а тиуном их за одного тиуна, и они себе делят по половинам" - сказано в Судебнике 1497 год (статья 65) [11, с. 24].

Доход наместника или волостеля ("корм") был определен в уставных грамотах для каждого уезда. Составлялись особые "доходные списки". За превышение установленного Корма могло последовать наказание. Являясь представителем верховной власти, наместник осуществлял, одновременно, административные и судебные функции. Суд отправлял через своих холопов - тиунов и доводчанов. Их число и срок службы определялись уставными грамотами. Уже в конце XV в. судебные полномочия кормленщиков начинают постепенно ограничиваться. По Белозерской уставной грамоте наместник и тиуны должны были судить с помощью "сотских" и "добрых людей" из местного населения. То же самое сказано и в других грамотах. Так, например, Уставная грамота переяславским рыболовам 1506 г. гласит: "А без старосты и без лучших людей волостелю и его тиуну суда не судить никакого" [10, с. 93]. Затем этот порядок был закреплен Судебником 1497 г. Ст. 38 Судебника гласит: "А боярам или детям боярским, за которыми кормления с судом боярским, имуть судити, а на суде у них быти и старосте, и лутчим людем. А без дворского, и без старосты, и без лутчих людей суди наместником не судити..." [11, с. 24].

В середине XVI в. была проведена радикальная реформа становления и развития национальной государственности народов России. Верхний этаж этой системы (наместники и волостели, сидевшие на кормлениях) был полностью снесен, а ушедший глубоко в недра народного обычая фундамент общественной самодеятельности поднят и превращен в главный элемент обновленного здания местной администрации. Народный институт "излюбленных голов" и старост был признан официальным институтом и приспособлен к общему механизму государственного управления. Суть преобразований заключалась в том, что главные уголовные дела о "ведомских людях" изымались из ведения наместников и волостелей и передавались выборным органам. Губные учреждения создавались параллельно системе кормления, с тем, чтобы постепенно выяснить наместничье управление, вообще.

Дальнейшим началом в становлении государственности России была проведенная Иваном IV земская реформа. Важнейшим среди указов, провозгласивших ее, был "Приговор царский о кормлениях по службам" (1555-1556 гг.). Отмена кормления привела к повсеместному учреждению земских властей. Таковыми являлись "излюбленные головы" - старосты и целовальники. Земские власти избирались всеми сословиями (кроме служилого) на неопределенный срок. Правда, население могло и переизбрать выборных. Протокол выборов утверждался в Москве, в соответствующем областном или финансовом приказе. Там же земские власти давали присягу. Кроме того, население избирало земского дьяка для записи судебных дел. Все эти лица составляли земельную избу, все властные полномочия распространялись на тех, кто ее избирал, т.е. на тяглое население - посадских людей, крестьян. В компетенцию земских изб входили денежные, хозяйственные, судебные дела. Они заведовали доставкой в Москву всех прямых налогов. Объем судебной власти земских изб был равен объему прежней власти наместников и даже выше. Так, они могли неограниченно решать даже дела о холопстве и смертной казни. Крупным нововведением в государственном строительстве России XVII в. явилось учреждение должности воеводы. Его компетенция простиралась на весь уезд. Выборная мирская служба приняла характер отбывания повинности под властным и принудительным руководством правительственных властей.

Ведению воеводы подлежали все органы местного управления: охрана уездного округа от внешних врагов; мобилизация служилых людей при вызове их на службу; прием на службу стрельцов, пушкарей и других служилых людей; заведование местными городскими укреплениями; возведение казенных построек; суд по гражданским и уголовным делам; преследование воров и разбойников; пожарная полиция; ремонт дорог; регистрация приезжих и проезжих людей; надзор за торговлей; наблюдение за благочестием и нравственностью обывателей; сбор податей и пошлин; управление казенными оброчными статьями, промыслами и казенными имениями. Суд целиком перешел к воеводе.

В ведении земских старост остались следующие сферы деятельности: запись в тягло; распоряжение тягловой землей; раскладка и сбор податей; местная полиция.

Таким образом, период воеводского управления в Московском государстве в XVII в. стал временем превращения выборных мирских органов в инструмент правительства. На смену боярской монархии в России пришла дворянская монархия с абсолютной властью царя-императора. Дворянство стало главной опорой главы государства и российской государственности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Прокопий из Кесарии. Война с Готами. - М., 1950.
2. История СССР с древнейших времен до наших дней. - М., 1966. - Т. 1.
3. **Алексеев В.** Народовластие в Древнейшей Руси. - Ростов-на-Дону, 1904.
4. Грамоты Великого Новгорода и Пскова. - М., 1959. - С. 52.
5. Новгородская первая летопись старшего и младшего извода. - М., 1960.
6. **Платонов С.Ф.** Учебник русской истории. - СПб., 1994.
7. Отечественная история / Ш.М. Мунчаев и др. - М., 1994.
8. **Милюков П.Н.** Очерки по истории русской культуры. - СПб., 1896. - Т. I.
9. **Зимин А.А.** Реформы Ивана Грозного. - М., 1960.
10. Акты Археологической экспедиции. - М.-Л. 1958.
11. Судебники XV-XVI вв. - М.-Л., 1952.
12. **Мясников А. Л.** Золотая летопись России. -М.: «РООССА», 2008.

THEORETICAL-LEGAL FOUNDATIONS OF FORMATION AND DEVELOPMENT OF THE STATEHOOD OF THE PEOPLES OF RUSSIA IN V-XVII CENTURIES

Shelomentsev V.N.

This paper reviews the history and evolution of the legal framework, as well as describes the legal steps and legal facts, which are directly related to and served as the basis for the formation of structure and development of statehood of the peoples of Russia.

Key words: Veche, Veliky Novgorod seal, Krestotselovanie, Novgorod and Pskov Skye Judicial Charter, Autocracy, Judicial power, feeding, management of rural and Lipstick, Writ-Voivodship Office in conjunction with the local government.

Сведения об авторе

Шеломенцев Виталий Николаевич, 1957 г.р., окончил РАГС при Президенте РФ (1996), почетный работник водного транспорта, доктор юридических наук, профессор, декан факультета транспортного права МГАВТ, автор более 80 научных работ, область научных интересов - конституционное право.

УДК 930.2

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ КОНЦЕПЦИИ ИСТОРИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

О.В. АВЕРЬЯНОВ

Статья представлена доктором философских наук, профессором Панферовым К.Н.

В статье рассматриваются методологические подходы к изучению истории, дается характеристика ряда методологических концепций, получивших развитие в XX в. Отмечаются их преимущества и недостатки.

Ключевые слова: методология истории, цивилизационная концепция, формационная концепция, концепция «осевого времени».

Методология науки – это учение о методах и технология научной деятельности, а также раздел общей теории познания, в том числе эпистемологии и философии науки. В прикладном значении – это система принципов и подходов исследовательской деятельности, которые использует ученый в ходе получения и разработки знаний в рамках своей научной дисциплины. Изменение принципов методологии истории неизменно сопровождало развитие и научного знания в целом, и исторической науки. Известный историк В.О. Ключевский, изучая практическое значение исторических знаний, писал: «Каждому народу история задает двустороннюю культурную работу – над природой страны, в которой ему суждено жить, и над своею собственной природой, над своими духовными силами и общественными отношениями» [4, с. 61]. Однако изучение истории только тогда в полной мере соответствует «своему высокому назначению» для общества, когда исторические исследования выполняются в рамках системы строго выверенных принципов и основываясь на проверенных методологических приемах.

Главная задача методологии науки заключается в обеспечении эвристической формы познания системой строго выверенных принципов, методов, правил и норм. Эта система формируется на основе объективных законов и закономерностей действительности. Для достижения успеха в исследовательской деятельности ученый должен изучить определенные методы и владеть эвристической технологией научного мышления [2, с. 92-106]. Это важно, поскольку не каждый исследователь может создать оригинальную методологию научного исследования. Следовательно, основной части исследователей следует выбрать существующие направления, используя проверенные методологические приёмы для обоснования результатов своих научных исследований.

Для выявления объективной картины исторического процесса историческая наука опирается на общие принципы, которые позволяют упорядочить накопленный исследователями материал, создавать эффективные объясняющие модели. Принципы получения исторических знаний – это главные основные положения науки. Они основаны на изучении объективных законов истории, являются результатом этого изучения и в этом смысле отвечают закономерностям. Однако между закономерностями и принципами есть существенные различия: закономерности действуют объективно, а принципы – это логическая категория, они существуют не в природе, а в сознании людей. Принцип можно рассматривать как основное правило, которое необходимо соблюдать при изучении всех явлений и событий в истории. Основные принципы следующие: принцип историзма, принцип объективности, принцип социального подхода и принцип альтернативности.

Следует отметить, что задача теоретического обоснования и идентификации гуманитарного знания, как строго научного, выходит на первый план именно в XX в. Одним из первых свою работу, посвященную этой проблеме, опубликовал в 1910 - 1913 гг. А.С. Лаппо-Данилевский.

В работе «Методология истории», которая ставила своей задачей формирование строгой научной логики, он сформулировал основные требования к работе ученого в данной области, которая «всегда должна быть насквозь сознательной и планомерной». Это важно, поскольку совершенствование принципов методологии истории как в XX в., так и ранее, неизменно сопутствовало развитию и научного знания, и исторической науки. И, разумеется, ни одна методологическая концепция не может быть универсальной. Сложность исторического развития человечества, многообразия мировоззренческих позиций ученых привели к разработке ряда равно значимых методологических подходов:

- формационного;
- цивилизационного;
- естественно-научного;
- религиозного;
- мир-системного.

Кроме того, помимо общих методологических принципов, в историческом познании применяются и конкретные методы исследования: общенаучные, собственно исторические, специальные (заимствованные у других наук). Метод в данном случае – это способ изучения исторических закономерностей через их конкретные проявления – исторические факты, способ извлечения из фактов новых знаний [7, с. 100-102].

Каждая из названных методологических концепций наряду с преимуществами содержит и определенные недостатки и ограничения. Формационный подход, который в середине XIX в. был сформулирован немецким философом и экономистом К. Марксом, синтезировал рационалистическую логику философии истории Гегеля и натуралистические концепции истории. К. Маркс видел в историческом процессе эволюцию видов взаимодействия человека и природы в трудовой деятельности. Производительные силы и производственные отношения составляют основу каждой формации, а движущей силой общества, по его мнению, является классовая борьба. Таким образом, переход от одной общественно-экономической формации к другой осуществляется на основе социальной революции.

Безусловная значимость этой концепции состоит в том, что она создаёт чёткую модель исторического развития. История человечества рассматривается в ней как объективный и закономерный процесс поступательного развития. Однако данный подход к изучению истории имеет ряд важных недостатков, на которые указывают его критики в зарубежной и отечественной историографии. Так, отдавая приоритет объективным факторам, формационный подход принижает значение личностных и духовных факторов в историческом развитии. Кроме того, он преувеличивает роль насилия в историческом процессе, представляя классовую борьбу в качестве основной движущей силы истории, одновременно являясь по своей сути социальной утопией по причине абсолютизации идей справедливости в некотором идеальном обществе.

В настоящее время широкое распространение получил цивилизационный подход к истории. Методология цивилизационного подхода начала складываться еще в XVIII в., одним из первых понятие «цивилизация» в научный оборот ввёл философ Адам Фергюсон, который подразумевал под данным термином стадию в развитии человеческого общества, характеризующуюся существованием общественных классов, городов, письменности.

Дальнейшее развитие этот подход получил в конце XIX – начале XX вв. в трудах М. Вебера, А. Тойнби, О. Шпенглера в зарубежной историографии и в работах Н.Я Данилевского и Н.А. Сорокина в российской исторической науке. На этом этапе под общим понятием «цивилизации» стали также подразумеваться «локальные цивилизации». Согласно этой методологии мировое развитие рассматривается как история возникновения, развития и взаимодействия различных цивилизаций. В 1918 г. в работе «Закат Европы» немецкий философ и культуролог О. Шпенглер отказывается от общепринятой условной периодизации истории, предлагая альтернативный взгляд на мировую историю как на независимые друг от друга культуры, равно

проходящие через различные периоды существования, как: зарождение, становление, умирание. По его мнению, западная цивилизация переживает такой же кризис, который пережили и древние культуры – египетская, античная и др. «Вместо монотонной картины линейнообразной всемирной истории ... я вижу феномен множества мощных культур, с первобытной силой вырастающих из недр породившей их страны, ... и у каждой своя собственная идея, собственные страсти, собственная жизнь, желания и чувствования и, наконец, собственная смерть», – писал он [10, с. 29].

Значительный вклад в изучение локальных цивилизаций внёс английский историк Арнольд Тойнби. В своем обширном труде «Постижение истории» он подразделил историю человечества на ряд локальных цивилизаций, которые обладают общей внутренней схемой развития. Важной составляющей его работы является использование эмпирического метода исследования. Как пишет сам Тойнби, описывая отличия своей теории от теории цивилизаций Шпенглера в работе «Цивилизации перед судом истории»: «если германский априорный метод потерпел неудачу, стоит попробовать, чего можно добиться при помощи английского эмпиризма». Многие сущности, вводимые Тойнби, не имеют четких формулировок и становятся понятными только в процессе изучения значительного количества исторических материалов.

Согласно мнению Тойнби, цивилизация представляет собой общность людей, проживающих на общей территории, имеющих общие духовные традиции и сходный образ жизни. Продолжая идеи Н.Я. Данилевского и О. Шпенглера, Тойнби также сравнивает цивилизацию с биологическим видом, имеющим свой ареал обитания. В данном случае для человека – это среда его жизнедеятельности и творческой активности. Культура представляется в качестве основной части цивилизации и создается человеком, изменяясь вместе с цивилизацией и по общим с ней принципам. Подлинными объектами истории являются общества, цивилизации, но, изучая цивилизацию, фактически А. Тойнби изучает культуру, неразрывно связывая их в своей работе. Всего он выделяет двадцать одну цивилизацию, когда-либо существовавшую на Земле. В дальнейшем, по ходу исследований А. Тойнби сокращает это число до тринадцати [8, с. 418-420].

В целом концепции Данилевского, Шпенглера, Тойнби были неоднозначно встречены научным сообществом. Несмотря на фундаментальность исследований, слабость методологии цивилизационного подхода в неразработанности чётких критериев выделения типов цивилизаций. Кроме того, в научном сообществе нет единодушия в вопросе количества типов самостоятельных цивилизаций, обладающих особыми, неповторимыми свойствами. Как правило, ограничиваются сопоставлением западной и восточной цивилизаций. Показательна критика Л.Н. Гумилева, который писал: «Я сознательно не касаюсь социологических построений А. Тойнби, хотя они в не меньшей мере противоречат хронологии и реальному ходу событий. Но это ясно большинству читателей, тогда как географическую концепцию «вызова и ответа» еще многие принимают всерьез. И самое досадное, что после таких опытов всегда появляется тенденция вообще отказаться от учета и рассмотрения данных географии, молчаливо считая природу стабильной величиной, не влияющей на исторические процессы. Развитие произвольно взятого постулата путем спекулятивных построений заводит науку в тупик» [3, с. 423-424]. Однако следует учитывать тот факт, что цивилизационный подход, несмотря на неоднозначность концепций и объективную критику, не является в полной мере законченным и устоявшимся – его осмысление и разработка продолжают и сегодня.

Критиковал цивилизационный подход, а точнее непосредственно метод О. Шпенглера, и немецкий философ К. Ясперс. Он был убежден, что этот метод позволяет истолковывать явления духовной жизни, стили в искусстве, но не более того, поскольку не дает возможности установить закономерности их изменения и развития. Также он считал важной составляющей исторического процесса личностный фактор, которым пренебрегает цивилизационная концепция как в теории культурных циклов О. Шпенглера, так и позже в работах А. Тойнби, представляя человека в качестве биологического вида. Кроме того, в отличие от цивили-

зационной теории К. Ясперс предполагал единое происхождение человечества и единую историю культуры.

К. Ясперс был уверен, что человечество имеет единые истоки и общую цель, но «эти истоки и эта цель нам неизвестны, во всяком случае, в виде достоверного знания». К истории относится все то, что, будучи неповторимым, прочно занимает свое место в цельном, единственном процессе человеческой истории и является реальным и необходимым во взаимосвязи и последовательности человеческого бытия. Критикуя абстрактные конструкции всемирной истории, получившие распространение в немецкой философии, по причине их пренебрежения бытием человека, он полагал, что события задают «историческую уникальность определенной человеческой судьбы», формируют «болевы́е точки» отдельно взятой личности, «её радости и надежды, её горе и её вину». Это является содержанием времени, эпохи в понимании К. Ясперса, а мир – это «фактическая действительность во времени». Предлагая учение об экзистенциальном существовании человека в качестве альтернативы цивилизационной и материалистической концепциям, он полагал, что в своем существовании индивид неизбежно занимает предназначенное ему место [1, с. 294-296].

Важно, что изучение прошлого может показать скрытые возможности для современного развития. Он четко понимал, что «по широте и глубине перемен во всей человеческой жизни нашей эпохе принадлежит решающее значение». И поскольку вопрос о том, что станет с человечеством в дальнейшем, остается открытым, так как будущее, опосредованное человеческой свободой, не может быть научно предсказано, именно обращение к прошлому может дать столь необходимые человечеству ответы, понимание происходящего с ним сегодня. В работе «Смысл и назначение истории» К. Ясперс писал, что «лишь история человечества в целом может дать масштаб для осмысления того, что происходит в настоящее время. Взор, обращенный в прошлое, погружает нас в тайну человеческого бытия. То, что у нас вообще есть история; что история сделала нас такими, какими мы кажемся сегодня; что продолжительность этой истории до настоящего момента сравнительно очень невелика» [11, с. 29].

Таким образом, концепция К. Ясперса предлагает довольно актуальный подход к изучению истории, акцентируя внимание на социальной и духовной сущности человека. Вместе с тем его метод содержит определенные недостатки. Так, Л. Гумилев отмечал, критикуя методологию К. Ясперса: «философская часть учения экзистенциализма, рассуждения о настоящем и будущем и попытка пояснить смысл истории могут быть интересны только в том случае, если фундамент построения достаточно надёжен. А это-то и кажется сомнительным». И далее он акцентирует внимание на том, что «отмеченный Ясперсом параллелизм развития нескольких культур древности действительно имел место, но он не был ни единственным, ни столь плодотворным, чтобы выделить китайцев, индусов, иранцев, иудеев и греков в особую категорию людей; и он затух, как и прочие пассионарные взрывы этногенеза» [3, с. 175].

Рассмотренные методологические концепции изучения истории не лишены определенных недостатков. Исследователь, какого бы подхода он не придерживался – формационного, цивилизационного или концепции осевого времени, должен учитывать их в своей работе. Сложно сказать, насколько возможен синтез этих подходов в единую методологическую концепцию, но очевидно, что историческое исследование в равной степени не может быть построено как без учета личностных и духовных факторов, так и без чёткой модели исторического развития, построенной на объективных и закономерных процессах.

Вместе с тем нельзя пренебрегать значением роли в истории личности, акцентируя внимание исключительно на объективных составляющих исторического процесса. Опасность установления приоритета экономических, политических, географических или иных факторов над культурой нельзя недооценить, поскольку «все, что происходит, безусловно зависит от людей. Нет ничего, что можно было бы считать неизбежным. Вся человеческая деятельность, прежде всего духовная, состоит в том, чтобы найти свой путь среди открытых перед нами возможностей. От нас, от каждого из нас зависит то, что произойдет, хотя отдельный человек никогда не предпринимает ход исторического развития» [11, с. 167].

ЛИТЕРАТУРА

1. Губин В.Д., Стрелков В.И. Власть истории: Очерки по истории философии истории: курс лекций. - М.: РГГУ, 2007.
2. Гуляихин В.Н. К вопросу о методологии диссертационных работ в юридической науке // Вопросы права и политики. - 2012. - № 1.
3. Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. - СПб.: Кристалл, 2001.
4. Ключевский В.О. Курс русской истории: соч. в 9 т. - М.: Мысль, 1987. - Ч. 1.
5. Коломийцев В.Ф. Методология истории. - М.: Российская политическая энциклопедия, 2001.
6. Рассел, Бертран. История западной философии. - М.: Академический Проект, 2009.
7. Рузавин Г.И. Методология научного познания. - М.: Юнити-Дана, 2009.
8. Семёнов Ю.И. Философия истории. - М.: Современные тетради, 2003.
9. Смоленский Н.И. Теория и методология истории. - М.: Академия, 2012.
10. Шпенглер, Освальд. Закат Европы: очерки морфологии мировой истории. - Т. 1. Образ и действительность. - Минск: Попурри, 1998.
11. Ясперс К. Смысл и назначение истории / пер. с нем. - М.: Политиздат, 1991.

METHODOLOGICAL CONCEPTS OF HISTORICAL RESEARCH

Averyanov O.V.

This article discusses the methodological approaches to the study of history, and describes a number of methodological concepts, developed in the 20th century. In addition, the article focuses on the advantages and disadvantages of these methodological concepts.

Key words: historical method, formation theory, civilization theory, theory of an Axial Age.

Сведения об авторе

Аверьянов Олег Викторович, 1986 г.р., окончил МГТУ ГА (2009), аспирант МГТУ ГА, область научных интересов – теория коммуникаций, средства передачи информации, информационные технологии.

ФИЛОСОФИЯ

УДК 316.3:601

ПРОЦЕССЫ САМООРГАНИЗАЦИИ В ПРИРОДНЫХ, СОЦИАЛЬНЫХ И КОГНИТИВНЫХ СИСТЕМАХ

А.Н. КОЧЕРГИН

Дана характеристика открытых систем, характеризующихся неустойчивостью, разнообразием, нелинейностью; раскрыты механизмы самоорганизации на примере развития объектов неживой и живой природы; обоснован вывод о самоорганизации как способе перехода системы на новый уровень развития. Продемонстрированы возможности синергетического подхода в исследовании социальных систем.

Ключевые слова: самоорганизация, система, синергетика, бифуркация, порядок, хаос, энтропия, история, организация, структура.

Этот космос, один и тот же для всего существующего, есть и будет вечно живым огнем, мерами загорающимися и мерами потухающими.

Гераклит Эфесский

Непрестанная жизнь вселенной, которую я понимал как жизнь и эволюцию, сделалась для меня источником высокой поэзии, и мало-помалу чувство единства человека с одушевленной и неодушевленной природой – поэзия природы – стало философией моей жизни.

П.А. Кропоткин

Закрытые системы являются весьма малой частью действительности. Большинство систем, имеющих место в действительности, являются системами открытыми, способными обмениваться с окружающей средой веществом, энергией и информацией. Если закрытые системы характеризуются устойчивостью, порядком, равновесием, однородностью, то системы открытые – неустойчивостью, разупорядоченностью, неравновесностью, разнообразием. Поэтому поведение открытых систем невозможно понять на основе закономерностей, которым подчиняются системы закрытые.

В тех случаях, когда в силу определенных условий внутреннее производство системой энтропии оказывается больше ее уменьшения вследствие действия внешних факторов (обмена с внешней средой веществом, энергией и информацией), в системе возникает неупорядоченное состояние, появляются флуктуации, приводящие из-за внутренней перестройки системы к возникновению упорядоченных (диссипативных) структур, способствующих уменьшению энтропии. Данный процесс, названный самоорганизацией, выступает источником развития систем любой природы. С формированием идей самоорганизации появилась возможность объяснять процессы развития без привлечения сверхъестественных сил типа энтелехии и т.д.: диссипативные структуры раскрывают механизм развития в системах любой природы [5; 6-12; 14-16]. Примеры самоорганизации можно зафиксировать в природных, социокультурных и когнитивных (познавательных) системах. В системах неживой природы примерами самоорганизации являются: переход от ламинарного движения (при котором слои движущейся жидкости перемещаются параллельно, т.е. не перемешиваясь) к турбулентному (при котором происходит сильное перемешивание жидкости), неустойчивость Бенара, реакции Белоусова-Жаботинского и т.д. Турбулентное движение ранее характеризовалось как хаотическое. Оказалось, что это не так. Хотя оно в макроскопическом масштабе выглядит хаотическим, на микроскопическом уровне является высокоорганизованным - часть энергии системы, находившейся при ламинарном течении в тепловом движении молекул, переходит в макроскопическое организованное движение. С этой точки зрения переход от ламинарности к турбулентности является процессом самоорганизации.

Другим примером (взятым из гидродинамики) неустойчивости, которая приводит к спонтанной самоорганизации, является неустойчивость Бенара [1], возникающая в горизонтальном слое жидкости с вертикальным градиентом температуры (изменение температуры с высотой). Речь идет о системе в виде слоя жидкости, в котором поддерживается разность температур между нижней (подогреваемой) поверхностью и верхней (находящейся при комнатной температуре). При малой разности температур (т.е. вблизи равновесия) перенос тепла производится за счет теплопроводности (т.е. столкновения молекул), без конвекции. Выше определенного порога разности температур перенос тепла осуществляется за счет конвекции. Конвективное движение (как установил Х. Бенар в 1900 году) приводит к образованию устойчивых структур - ячеек Бенара (в форме правильных шестиугольников, напоминающих пчелиные соты).

В области химии примером возникновения самоорганизации является реакция Белоусова-Жаботинского [1] (открытая в начале 50-х годов), которая состоит в окислении лимонной кислоты броматом калия при использовании в качестве катализатора цезия, марганца или феррона. При сливании веществ в сосуд образовавшийся раствор (в котором началось совместное действие молекул всех фракций) периодически меняет окраску (явление «химических часов»). Данная реакция является примером нелинейных каталитических реакций, приводящих к бифуркациям, она была использована И.Р. Пригожиным в качестве экспериментальной основы концепции диссипативных структур [11, с. 208].

Предпринимаются попытки представить рождение нашей Вселенной в виде примера неустойчивости, благодаря чему преодолевается представление о конце Вселенной за счет тепловой смерти (в случае ее непрерывного расширения) или в результате сжатия, т.е. выдвигается предположение о возможности появления новых неустойчивостей, развивающихся в различных масштабах [10]. Для синергетики представляет интерес концепция Геи-Земли, выдвинутая Д. Лавлоком и Л. Маргулис [15]. С позиции данной концепции Земля есть саморегулирующая система, которая способна сохранять химический состав своей атмосферы и поддерживать благодаря этому постоянные климатические условия, удовлетворяющие потребностям живых существ. Сохранение химической неравновесности объясняется совокупной деятельностью жизненных процессов. Изменение яркости солнечных потоков света обуславливает разнообразие живых форм, что, в свою очередь, влияет на рост биомассы. Но способности к саморегуляции Земли ограничены, поэтому достижение предела является той бифуркационной точкой, за которой следует или гибель планеты, или переход ее в новое стабильное состояние.

Живая природа с позиции синергетики рассматривается как высшее проявление происходящих в природе процессов самоорганизации. Раннее зарождение жизни на Земле является подтверждением идеи о том, что жизнь есть результат спонтанной самоорганизации, протекающей при благоприятных условиях (хотя количественной концепции здесь еще нет). Представление о процессах самоорганизации в живой природе дают многие примеры. Для биологии важное значение имеют автокаталитические реакции, особенностью которых является то, что для получения (синтеза) определенного вещества требуется присутствие в реакции того же вещества. Молекулярная биология, вскрыв детали цепей метаболических реакций, установила логику регулирования, ингибирования и активации каталитической функции ферментов, связанных с критическими стадиями метаболических цепей, что способствовало выявлению на микроскопическом уровне основы неустойчивостей, происходящих в сильно неравновесных условиях.

Примером самоорганизации в биологической системе, в которой важная роль принадлежит биологическим часам, является образование колоний у коллективных амёб. Амёбы, выйдя из спор, растут и размножаются как одноклеточные организмы до тех пор, пока пищи достаточно. Когда запасы пищи истощаются, воспроизводство у амёб прекращается и наступает промежуточная фаза. К концу этой фазы (длящейся около 8 часов) амёбы сползаются и образуют вокруг клеток, выполняющих функции центров агрегации, многоклеточную колонию, функционирующую как единый организм. Образование многоклеточных колоний осуществляется под влиянием хемотаксических сигналов (хемотаксис - движение микроорганизмов, растений, животных

и отдельных клеток в виде сперматозоидов, лейкоцитов и т.п. под влиянием химических веществ), испускаемых данными центрами. Далее колония мигрирует, пока не обнаружит новый участок с пищей. В этом месте клетки дифференцируются и образуют стебель, несущий множество спор. В данном случае образование колоний амёб является возникновением порядка через флуктуацию; возникновение центра притяжения - сигнал о потере устойчивости (исчерпание запасов пищи), а также возникновение центра притяжения - свидетельство случайного характера флуктуации (поскольку любая амёба может начать испускать химические сигналы о нехватке пищи). Таким образом, усиление флуктуации организует среду.

Другой пример усиления флуктуаций, предшествующих образованию новой структуры, - процесс самоорганизации в популяции насекомых. В эксперименте личинки распределяются случайным образом. Их скопление осуществляется под влиянием двух конкурирующих факторов: их случайных движений и реакции на феромон (химическое вещество, синтезируемое личинками). Личинки испускают феромоновые сигналы с частотой, которая зависит от степени насыщения личинок. Феромон распространяется в пространстве во все стороны. Личинки перемещаются в направлении, где концентрация феромона выше. Подобная реакция является автокаталитической, ибо скопление личинок усиливает притягательность данной области пространства. Чем выше в этой области плотность личинок, тем выше концентрация феромона и тем сильнее стремление личинок сползаться в место их скоплений. Эксперимент свидетельствует о том, что плотность популяции личинок определяет и скорость, и эффективность процесса самоорганизации (число личинок в скоплении на конечном этапе): при большей плотности скопление возникает и растёт быстрее, при малой плотности устойчивое скопление не образуется.

Еще один пример самоорганизации - первый этап постройки термитами термитника. На первой стадии строительства поведение термитов внешне беспорядочно - термиты принесенные комочки земли разбрасывают беспорядочно, но при этом каждый комочек пропитывают гормоном, привлекающим внимание других термитов. В данной ситуации начальной флуктуацией выступает несколько большая концентрация комочков земли, возникающая в какой-то точке области обитания термитов. Привлеченные большей концентрацией гормона, термиты увеличивают свою плотность в данной точке. Это приводит к нарастанию флуктуации. Число термитов вокруг этой точки увеличивается, что обуславливает увеличение вероятности сброса термитами комочков земли в окрестности точки, что, в свою очередь, увеличивает концентрацию в этой области гормона. В результате этого на первом этапе строительства термитника воздвигаются его опоры, расстояние между которыми определяется радиусом распространения гормона.

Важное значение для понимания и развития идей синергетики имеет изучение фракталов, открытых Б. Мандельбротом в 1980-х годах. Фракталами называют самоподобные объекты (множества, структуры), обладающие свойством самоподобия. Самоподобие означает, что меньший по размеру элемент структуры подобен большему по размеру элементу структуры или всей структуре в целом. В качестве наиболее понятного образа фрактала обычно приводят легкие человека, в которых каждый более мелкий бронх подобен более крупному. Фрактальную организацию имеют также клеточные популяции, коллоиды и т.д. Природа часто представляет себя в форме фракталов, свидетельствуя о масштабном подобии части своих объектов, которые описываются странными (хаотическими) аттракторами (или, по И.Р. Пригожину, «притягивающим хаосом»). Иначе говоря, странные аттракторы имеют место, когда детерминированная динамическая система при определенных условиях обнаруживает хаотическое поведение, т.е. детерминированный хаос.

Синергетический подход по своим требованиям оказывается наиболее соответствующим изучению социальных систем, поскольку им в полной мере присущи нелинейность, открытость, неравновесность. Еще А. Смит обращал внимание на то, что установление порядка на рынке, никем не планируемого, выступает результатом взаимодействия самых разных целей множества его участников. Его концепция «невидимой направляющей руки», управляющей на рынке, является выражением самоорганизации этой системы.

Возможность спонтанного возникновения порядка из хаоса в результате процесса самоорганизации может быть продемонстрирована примером с существованием племени, находящимся на низком уровне развития. При сбалансированности рождаемости и смертности в племени численность последнего неизменна. Незначительное повышение рождаемости над смертностью значительного влияния на племя не оказывает. При резком повышении рождаемости система (племя) сдвигается в сторону неравновесия, при котором на первый план выходят нелинейные соотношения. В состоянии неравновесия система становится чрезвычайно чувствительной к внешним воздействиям, а потому слабые сигналы на ее входе могут привести к весьма значительным эффектам – формированию новых структур. В этом случае система может перестроиться таким образом, что ее поведение будет казаться непредсказуемым.

Возрастание неустойчивости в социальной системе демонстрирует факт глобального ускорения исторического развития, сокращения длительности основных исторических фаз, отмеченный И.М. Дьяконовым [3]. Так, от появления *Homo sapiens* до конца первобытной фазы прошло около 30 тысяч лет. Первобытно-общинная фаза длилась около 7 тыс. лет. Фаза ранней древности насчитывает около 2 тыс. лет, фаза имперской древности – около 1,5 тыс. лет, фаза средневековья – около 1 тыс. лет, фаза абсолютистского средневековья – около 300 лет, капиталистическая фаза – немногим более 100 лет. (Сколько продлится посткапиталистическая фаза – сейчас сказать трудно.) Если эти фазы нанести на график, то, по оценке ряда авторов [2, с. 23], здесь мы имеем дело не просто с экспоненциальным развитием, а с гиперболическим (с режимом обострения), предполагающим переход к вертикальной линии (что равносильно переходу в бесконечность). И хотя бесконечность применительно к истории смысла не имеет, данный процесс рассматривается как появление катастрофической неустойчивости.

В обществе та или иная социальная организация является аттрактором. Богатство различных внутренних конфликтов (хаос) приводит рано или поздно к новой организации. Приложение концепции самоорганизации к социальным системам по своей сути имеет задачей изучение факторов, которые влияют на диссипацию социальных систем. В рамках классического обществознания хаос рассматривался как чисто негативное явление. Задача социального управления рассматривалась как управление на основе определенных идеалов (научно обоснованных, как это было характерно для марксизма, или следовавших из определенной традиции). Мир, таким образом, рассматривался в виде некоей несовершенной системы, которую необходимо на основе данных идеалов преобразовывать, улучшать. Отдавая решающую роль в историческом процессе массам, способам производства, базису и т.п. (т.е. факторам макроскопическим), оставляли в тени процессы на микроуровне. События XX в., выразившиеся в колоссальных конфликтах, продемонстрировали недостаточность такого подхода к социальным системам и необходимость рассматривать последние как системы самоорганизующиеся. Никакие даже самые превосходные по своим устремлениям проекты социальных преобразований не могут быть реализованы без учета самоорганизации. Насильственные преобразования выявили в XX в. свою несостоятельность и утопичность. Факторы, влияющие на диссипацию социальных систем, оказываются чрезвычайно важными – это имеет особое значение, если учесть масштабность современных социальных процессов и их последствий (как ближайших, так и отдаленных). Эпоха анализа социальных процессов с позиций равновесных, линейных систем себя изжила. Синергетический подход к социальным системам рождает новую социальную картину мира: общество есть самоорганизующаяся система. Самоорганизация является источником развития и социальных систем. Мысль, высказанная английским экономистом Ф. Хайеком [13] о том, что существующие социальные институты, будучи результатом человеческой деятельности, не являются результатом сознательного планирования, соответствующая синергетической парадигме, все больше входит в сознание обществоведов. Социальная синергетика как теория организации нелинейных процессов в открытых динамических системах, в которых неравновесность выступает не источником гибели системы, а основанием становления упорядоченности, новых структур, призвана стать эффективным средством, преодолевающим неадекватность традиционных обществоведческих концепций.

Взаимосвязанность и взаимозависимость современного мира, ускоренный характер его развития, возникновение глобальных проблем усиливают нестабильность, затрудняют адаптацию человека к быстро меняющимся условиям, увеличивают, как выразился один из современных футурологов, вероятность наступления маловероятных событий, ведущих к глобальному эволюционному кризису. Стадия развития современного мира, характеризуемая асимптотической неустойчивостью, работой всех его систем в режиме с обострением, усилением флуктуации, актуализирует вопрос о вариантах последующих событий – гибели цивилизации или возникновения новых структур с иным характером функционирования.

Идеи синергетики нашли свое применение и в исследовании когнитивных (познавательных) систем, которые также четко обнаруживают такие свойства, как открытость, нелинейность и самоорганизацию. Открытость когнитивных систем выражается в их принципиальной незавершенности, возможности снятия более совершенной системой; нелинейность - в многовариантности, альтернативности путей развития; самоорганизация - в жестком отборе полученных результатов и безжалостном выбраковывании всего, что не соответствует канонам научности и социокультурным предпочтениям, мировоззренческим установкам.

Становление когнитивной синергетики находится в самом начале. В ее защиту приводятся следующие аргументы [4, с. 66-77]. Синергетический подход дает возможность объяснить, как возникают новые научные идеи, а именно путем описания процессов их возникновения как переходов от информационного беспорядка к информационному порядку. В научном сообществе в процессе конкуренции различных теорий формируются парадигмы, утверждающиеся как истинные, что свидетельствует о важной роли кооперативных эффектов в науке. Далее парадигмы начинают жить собственной жизнью, проходят собственный путь развития, подчиняющийся закономерностям самоорганизации, которые могут быть сформулированы в терминах концепции информации. Научная работа связана с рождением новой информации (с переходом от информационного хаоса к информационному порядку), передачей информации, ее ростом, информационным взрывом. Таким образом, синергетическое представление когнитивных процессов помогает прояснить механизм возникновения нового знания и представить пути ее развития.

Итак, классическая наука изгоняла из своих теорий случайность, которая считалась фактором второстепенным, не имеющим принципиального значения и не оставляющим существенного следа в ходе событий. Мир представлялся независимым от микрофлуктуаций и космоса, а деятельность отдельного человека – несущественной для макросоциальных процессов. Явления неравновесности и неустойчивости считались досадными неприятностями, сбивающими процессы с верной траектории развития, которые должны быть устранены. Само развитие понималось как поступательное, не имеющее альтернатив – случайные отклонения от траектории, предписанной объективными обстоятельствами, в конечном счете укладывались в главное направление развития. Управление сложными системами основывалось на том, что управляющее воздействие приводит к предсказуемому желаемому результату, значимость которого зависит от величины прилагаемой энергии.

С позиции синергетики, развитие, рассматриваемое как управляемое внешними управляющими импульсами, уступило место пониманию его как саморазвития, определяемого внутренними импульсами, собственными тенденциями. При этом хаос, изгоняемый классической наукой как деструктивный фактор, стал представляться как фактор конструктивный, порождающий феномен самоорганизации, – связывая разные уровни организации сложной системы, он в моменты ее неустойчивости способствует разрастанию малых флуктуаций в макроструктуры. Применительно к социальным системам это означало, что действия отдельного человека в подобных ситуациях могут влиять на макросоциальные процессы (а это, в свою очередь, высветило глубочайшую ответственность человека за запускаемые им процессы). Согласно синергетике сложные системы имеют не один путь развития, а несколько альтернативных, при этом на определенных стадиях развития в точке бифуркации проявляет себя один из них (поскольку на выбор системой определенного пути ее дальнейшего развития могут повлиять факторы случай-

ные, то заранее предусмотреть, какой система выберет путь своего развития, невозможно). Синергетический подход к проблеме управления сложными системами позволил установить, что в управлении главным фактором является не мощность воздействия, а правильная конфигурация воздействия – слабые, но правильно организованные воздействия оказываются более эффективными с точки зрения получения нужного результата.

Синергетика принадлежит к числу тех областей знания, которые накладывают решающий отпечаток на формирование нового мировоззрения, постнеклассического стиля мышления. Традиция рассматривать мир, подобный автомату, подчиняющемуся принципу механического детерминизма, с позиции которого для любого события можно было указать его причину и следствие, ушла с классической наукой. Пришедший с квантовой теорией принцип статистической причинности не позволяет более выявлять динамическую причинность. Таким образом, произошла замена «прозрачной» картины мира «смутной» [11, с. 385]. Человек вместо определенности оказался перед лицом «поля возможностей» при определении собственной траектории. Случайность, хаос, фактор времени из маргинальных превратились в рамках синергетики в центральные понятия.

И. Пригожин и И. Стенгерс, оценивая значение синергетики, писали: «Ныне мы знаем, что человеческое общество представляет собой необычайно сложную систему, способную претерпевать огромное число бифуркаций, что подтверждается множеством культур, сложившихся на протяжении сравнительно короткого периода в истории человечества. Мы знаем, что столь сложные системы обладают высокой чувствительностью по отношению к флуктуациям. Это вселяет в нас одновременно и надежду и тревогу: надежду на то, что даже малые флуктуации могут усиливаться и изменять всю их структуру (это означает, в частности, что индивидуальная активность вовсе не обречена на бессмысленность); тревогу - потому что наш мир, по-видимому, навсегда лишился гарантий стабильных, непреходящих законов. Мы живем в опасном и неопределенном мире, внушающем не чувство слепой уверенности, а лишь ... чувство умеренной надежды...» [12, с. 5-6]. Идеи концепции синергетики оказались удивительно созвучны современным реалиям. Они быстро распространяются и проникают во все новые области, в том числе и социальные (в которых им, возможно, предстоит сыграть наиболее важную роль).

В настоящее время еще нет оснований говорить о синергетике как зрелой научной дисциплине. Синергетика сейчас – становящееся междисциплинарное научное направление, «питающееся» из различных «предметных источников», в которых рассматриваются открытые, нелинейные, самоорганизующиеся системы. Его значимость проявляется в том, что оно позволяет выявлять не только существование инвариантных характеристик эволюционных процессов разных типов, но и выражать их в форме, пригодной для математико-информационной обработки; дает возможность использовать мощь теоретических методов естественных наук и наметить пути единения с социально-гуманитарным знанием; ведет к изменению теоретико-познавательных установок; позволяет рассматривать природу не как пассивный объект, а как активный; инициирует создание средств описания внутренне эволюционирующей Вселенной, частью которой является и сам человек.

Вместе с тем, считается, что притязания синергетики на обобщение и толкование всего эмпирического материала, всей суммы фактов о мире человеческого познания и творчества являются неосновательными. Вопрос о месте синергетики в современной научной картине мира пока еще остается предметом исследований. Идея осуществления самоуправяемого развития должна пройти всестороннюю и глубокую проработку, равно как и принцип «чем больше свободы в самоорганизации, тем больше порядка». Важно, чтобы после «кибернетического механицизма» не возник «синергетический механицизм» - подобное обстоятельство только навредило бы новому направлению, ибо пока есть наивные сторонники, будут и вульгарные критики. Как известно, достижения науки связаны с преодолением ее претензий на универсальность.

ЛИТЕРАТУРА

1. Базаров И.П. Термодинамика. - М.: Высшая школа, 1991.
2. Белавин В.А., Князева Е.Н., Курдюмов С.П. Модели синергетики и развитие человечества [Электронный ресурс]. - URL: [http:// www/spkdyumov.narod.ru>ModelSin.htm](http://www/spkdyumov.narod.ru>ModelSin.htm) (дата обращения: 02.08.2013).
3. Дьяконов И.П. Пути истории: От древнейшего человека до наших дней. - М.: КомКнига, 1994.
4. Князева Е.Н. В эволюционных лабиринтах знания: синергетическое видение научного прогресса / Концепция самоорганизации в исторической ретроспективе. Опыт философского осмысления. - М.: Арто, 1994. - С. 162-186.
5. Курдюмов С.П., Малинецкий Г.Г. Синергетика – теория самоорганизации. - М.: Знание, 1983.
6. Николис Г., Пригожин И. Самоорганизация в неравновесных системах. - М.: Мир, 1979.
7. Николис Г., Пригожин И. Познание сложного. - М.: Мир, 1990.
8. Пригожин И. Введение в термодинамику необратимых процессов. - М.: Иностранная литература, 1980.
9. Пригожин И. От существующего к возникающему. - М.: Наука, 1985.
10. Пригожин И., Стенгерс И. Время, хаос, квант. - М.: Квант, 1994.
11. Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса. - М.: УРСС, 1980.
12. Самоорганизация в природе и обществе. - СПб.: Наука, 1994.
13. Хайек Ф. Пагубная самонадеянность. - М.: Новости, 1992.
14. Хакен Г. Синергетика: иерархия неустойчивостей в самоорганизующихся системах и устройствах. - М.: Мир, 1985.
15. Lovelock J. Gaia: A new look at Life on Earth. - Oxford University Press, 1979.

PROCESSES OF SELF-ORGANIZATION IN NATURAL, SOCIAL AND COGNITIVE SYSTEMS

Kochergin A.N.

The characteristics of open systems, characterized by instability, diversity, nonlinearity are given in the article; the mechanisms of self-organization following the example of development of objects of animate and inanimate nature are disclosed; the conclusion is based on self-organization as a way of transition of the system to a new level of development. The possibilities of a synergetic approach in the study of social systems are described.

Key words: self-organization, system, synergetic, bifurcation, order, chaos, entropy, history, organization, structure.

Сведения об авторе

Кочергин Альберт Николаевич, 1930 г.р., окончил ИВПУ (1959), заслуженный деятель науки РФ, академик Российской гуманитарной академии, Российской экологической академии, Академии космонавтики им. К.Э. Циолковского, Академии геополитических проблем, Международной академии информатизации при ООН и др., доктор философских наук, профессор МГУ им. М.В. Ломоносова, автор 570 научных работ, область научных интересов – философия и методология науки.

УДК 1/14:316.77

ФЕНОМЕН СОЦИАЛЬНОЙ ПАМЯТИ В ДУХОВНОЙ ЭВОЛЮЦИИ ОБЩЕСТВА

О.Д. ГАРАНИНА

Определены особенности трактовки социальной памяти в социогуманитарном знании, объяснено соотношение понятий «культура» и «социальная память», обосновано положение о возрастании влияния социальной памяти на духовный мир личности в процессе эволюции. Показаны особенности функционирования социальной памяти в глобализирующемся обществе: мультикультурность, интерсубъективность, открытость контента. Охарактеризованы негативные аспекты конструирования социальной памяти на основе информационных технологий: контроль и манипулирование содержанием духовной жизни общества.

Ключевые слова: социальная память, информационное общество, духовная культура, духовный мир личности, объективный дух, трансляторы социальной памяти в информационном обществе, манипулирование сознанием.

Важнейшее эволюционное противоречие человека заключается в том, что «недостаточность» его биологических качеств, проявляющаяся в «неспециализированности» действий, отсутствии развернутой инстинктивной программы выживания, делающей человека слабым в биологическом отношении существом, является предпосылкой возникновения таких свойств, которые дают основания о размышлении по поводу человека как надприродного существа. Обладая эволюционно ограниченной природной структурой, человек, тем не менее оказывается способным преодолеть свою биологическую ограниченность и приспособиться практически к любым условиям существования. Смысл адаптации человека к условиям внешней среды заключается не в изменении собственных биологических характеристик, а, во-первых, в изменении характеристик природной среды, переделывании ее «под себя» в соответствии со своими потребностями; во-вторых, в создании нового жизненного пространства - такого, которое является следствием приложения человеческих сил - пространства культуры. В пространстве культуры морфологическая телесная структура, заданная природой, становится для человека как бы вторичной, поскольку она перестает играть доминантную роль в освоении природного пространства. Филогенетическое становление человека в биологических телесных границах происходило в процессе адаптации естественных органов человека (рука, мозг, органы чувств и др.) к условиям природной среды и телесное изменение человека было тесно связано с процессом приспособления к природе. Данный процесс осуществлялся и осуществляется согласно программе биологического развития вида *homo sapiens*, закрепленной в генетической памяти (наследственности). Механизм социокультурной деятельности включает вследствие «неспециализированности» (А. Гелен), «безоружности» (Я.Я. Рогинский) человека как биологического существа, в результате чего возникает сложное, многонаправленное «неорганическое тело» человека - тело культуры, в котором закрепляется социальный опыт каждого поколения людей (В.С. Степин). Передача этого опыта осуществляется негенетическим путем (не биологически) через механизм социального наследования, каналом реализации которого является система «Учитель» (Н.Н. Моисеев), связывающая всех людей в единый социальный организм. Усваивая в ходе социального взаимодействия и обучения достижения человеческого духа, индивид «снимает», преодолевает узкобиологические телесные границы своего существования и получает возможности для творения собственного духовного мира. Когда преобразованная природа дала возможность человеку оторваться от биологической адаптационной зависимости, он стал приспособляться к изменениям внешней среды не путем изменения своей биологической организации, а за счет изменения и усложнения своего «неорганического тела». Человек всё активнее создает необходимую для существования реальность не столько силой своих биологических органов, сколько силой своих интеллектуально-духовных возможностей, реализуемых в разнооб-

разных действиях и формах. Эта новая реальность, объективирующая духовные, интеллектуальные силы человека, никоим образом не стыкуется с внешней природой как равной по смысловому значению ценности: природа рассматривается главным образом как пространство, поставляющее необходимые средства для удовлетворения разнообразных, прежде всего витальных потребностей человека. Все другие потребности начинают удовлетворяться за счет созданной социокультурной среды, которая становится важнейшим фактором духовного развития личности.

Идея синкретичной связи всех структур человека с культурным фоном его существования реализована в концепции генно-культурной коэволюции, в рамках которой японский ученый Й. Масуда разрабатывает версию появления в информационном обществе нового вида человека, называемого им «*homo intelligens*» [7, p. 479-494]. Масуда, опираясь на социобиологическую традицию (Ч. Ламзден, Е. Уилсон), утверждает, что человек развивается в русле развития культуры, которую он создает на основе развитого мозга и умственных способностей. Мозг и умственные способности человека являются основными для развития современной культуры, качественно преобразуемой в настоящее время под влиянием компьютерной техники и информационных коммуникативных средств. В свою очередь культура, оформленная под влиянием биологических, т.е. генетически наследуемых факторов, начинает воздействовать на генетическую эволюцию человека, прежде всего на развитие его мозга и умственных способностей. Новая культура, утверждает Масуда, вызовет радикальные изменения в генах существующего человечества, создавая возможность появления нового вида человека. Вместе с тем, замечает японский информатиолог, анатомически этот новый вид человека не будет иметь новых телесно-биологических свойств, так как не произойдет биологических изменений в органах или тканях нового человека. Но если в основных человеческих потребностях, ценностях и образе жизни возникнут значительные изменения, это станет свидетельством зарождения новой культуры, что, в свою очередь, согласно концепции генно-культурной коэволюции, может привести к изменениям в генах человека и рассматриваться как биологическое изменение нового вида на генетическом уровне. Этот процесс говорит о снижающемся значении природных и телесно-биологических факторов в развитии человека и возрастании роли духовных элементов. Одновременно происходит постепенное смещение субстанциального центра, вокруг которого концентрируются все проявления человека, с биофизиологических параметров к духовным, содержание которых составляют значимые для человека целеобразующие ценности и смыслы.

Сегодня еще рано утверждать реальность генного преобразования современного биологического вида *homo sapiens*. Вместе с тем существуют веские основания говорить о коренном преобразовании содержания духовных, когнитивно-мыслительных структур человека. Н.Н. Моисеев, обсуждая эту проблему, писал, что «если морфологически современный человек такой же, как и кроманьонец предледниковых эпох, то в духовной сфере наш современник качественно отличается от своего предка, даже не очень далекого» [3, с. 318].

Создавая культурные объекты, человек формирует пространство культуры, которое имеет тенденцию к развитию и расширению. Вместе с этим пространством развивается и расширяется пространство духовности человека, который осваивает наличные и создает новые культурные объекты. В этих объектах аккумулируется социальный опыт многих поколений людей, поэтому они становятся своеобразными носителями информации об этих поколениях, приобретая одновременно функцию сохранения и трансляции социального опыта. Овладевая культурными объектами, человек овладевает и способами действий с ними, причем это овладение осуществляется не биологически, через генетические механизмы, а духовно, через механизмы социального наследования, через социальную память. Овладение миром культуры «снимает» ограниченность телесно-биологической организации человека за счет выявления и развития ее потенциальных возможностей и предпосылок. Субъект, с одной стороны, творит социокультурный материальный и духовный мир, реализуя свои биологические и психические потенции. С другой стороны, овладевая этим миром в процессе социального наследования и сохраняя его в своем духовном мире, создает

условия создания социальной памяти и, следовательно, воспроизведения следующими поколениями в новых телесно-символических формах основных смыслов и значений.

Новая форма памяти, обеспечивающая сохранение и трансляцию социального опыта, выступает как надперсональный символический мир культуры, основой которого является, если использовать терминологию Гегеля, объективный дух, воплощающий в себе все достижения человеческой мысли. Язык, книги, традиции, техника и даже предметы быта позволяют каждому индивиду усвоить богатства духовного содержания, выработанного человечеством за всю его предшествующую историю, превратить потенциал природно-биологических предпосылок для осуществления мыслительной духовной деятельности (в виде генетической программы развития мозга) в реально функционирующее познающее творческое человеческое мышление, расширяющее сферу духовного бытия человека. Таким образом, философская трактовка социальной памяти в широком смысле тождественна гегелевскому объективному духу, неразрывно связанному с духовной культурой отдельного человека – субъективным духом. Однако как бы ни было привлекательным такое понимание, обстоятельно объясненное классиком немецкой философии, сегодня социальная память трактуется не только как духовная (информационно-культурная) система, но и как социальный опыт человечества, отождествляясь с понятием культуры (материальной и духовной). Если исходить из того, что все артефакты содержат в себе некую информацию о прошлом, следовало бы согласиться с такой трактовкой. Но, полагаем, что эти понятия не идентичны, поскольку культура составляет основу социальной памяти, но не сводится к ней, вследствие того что в онтологическом смысле выступает как духовное, т.е. идеальное образование. В данном контексте можно обратиться к авторитету П.А. Сорокина, образно называвшему социальные объекты «социальной психикой», поскольку они содержат в себе духовное (идеи, взгляды, мировоззрение), однако сами по себе эти объекты не идеальны. Культура – это способ создания социальной памяти, необходимой для хранения и трансляции ценностных смыслов, знаний и других духовных объектов. Кроме того, ценностно-смысловое содержание памяти выступает своеобразным вектором оценки прошлого, настоящего и будущего в культуре.

Сегодня социальная память общества функционирует в системе разнообразных информационных средств, что делает ее доступной для освоения практически каждым человеком. В данном контексте необходимо подчеркнуть, что в настоящее время новые информационные технологии, формирующиеся на базе компьютерной техники, рассматриваются как специфический вид символической реальности [4, с. 272]. Способность социальной памяти сохранять прошлое в информационных системах выражает фундаментальную потребность и способность человека как родового существа к духовному воспроизводству себя и расширению духовного пространства в глобальных масштабах. Соединяя различные информационные потоки, социальная память выделяет, сохраняет и транслирует сведения о социальных действиях и ситуациях, знания о мире и другие духовные образы. Однако можно полагать, что эта информационная реальность имеет не только виртуально-символический, но и вещно-материальный характер, и овладение новыми технологиями (включая технику) получения, обработки и передачи информации составляет основу жизни современного человека. Информационные технологии транслируют социальную память в содержание индивидуального сознания, создавая особый социальный феномен – социально-индивидуальное сознание, по существу соединяя объективное и субъективное (в гегелевском понимании). Необычайно возросла роль социальной памяти в развитии коммуникационных процессов. По мнению О.Т. Лойко «именно социальная память, с принудительной необходимостью возникающая в коммуникации, позволяет всем субъектам, активно участвующим в этом процессе, находиться в общем «ментальном поле», что значительно усиливает эвристические возможности общения, формируя общую мнемическую ауру. Соответственно идентичность понимания содержания социальной памяти всеми участниками коммуникативного процесса способствует достижению основной цели: адекватного понимания и точной интерпретации сущности коммуникативного сообщения» [2, с. 548].

Отмечая сложный, многоуровневый характер социальной памяти, исследователи выделяют в её структуре три основных уровня [5, с. 62-63].

1. Коммуникационный уровень, на котором социальная память функционирует как информационная система, подчиняющаяся особым закономерностям создания, хранения, переосмысления и воспроизведения информации о прошлом. В зависимости от носителей социальной информации (технические системы, социальные связи, предметы культуры, язык) выстраиваются мнемические программы социальной памяти, структурируются артефакты информационного пространства. Сохраняя информацию о прошлом, артефакты, помимо знаковых систем, содержат духовные матрицы исторического сознания своей эпохи. Особое значение приобретает доминирование определенного способа коммуникации, посредством которого человек обращается к информационным ресурсам.

2. Институциональный уровень, на котором социальная память функционирует как особая институциональная структура, создаваемая людьми для воспроизводства материальных и духовных ценностей цивилизации. Учреждения культуры, архивы, банки информации, социально закреплённые стандарты и другие институциональные формы социальной памяти пронизывают все стороны жизни общества, выражают порядок социальной жизни, без которого немислимо социальное пространство.

3. Ценностный уровень, на котором социальная память понимается как система ценностей, являющихся результатом социокультурного опыта. В опыте социального взаимодействия проявляется активное отношение человека к миру, формируется жизненное пространство человеческого рода и формируются основания культуры. Социокультурный опыт становится субстанцией социальной памяти, которая превращает его в достояние цивилизационного развития [5, с. 63].

В процессе культурной глобализации, охватывающей образование, науку, художественное творчество и другие формы духовной деятельности, социальная память человечества неизбежно глобализируется, т.е. охватывает результаты духовной деятельности всего человечества. Это утверждение базируется на основополагающем положении социальной философии, согласно которому социальная история вида «*homo sapiens*» рассматривается «не как поле неких безличных «сил» или «систем», реализующихся вне и помимо совместной социально организованной деятельности людей, а как процесс, целостность и единство которого обеспечивается «вплетённым» в него сознанием» [1, с. 80]. Активное развитие мировых (глобальных) информационных сетей, формирование сетевого общества, сетевой культуры даёт веские основания для утверждения о возникновении качественно новой системы хранения и передачи социального опыта – *глобальной социальной памяти*. Содержательной характеристикой этого фактора духовного развития человека в глобализирующемся обществе выступает мультикультурность, обусловленная планетарным характером духовной жизни современного человека. Именно в контексте глобальной памяти может идти обсуждение проблемы общечеловеческих ценностей, идеи космополитизма, экуменических движений в религии. В глобальной социальной памяти не может быть приоритетов по отношению к какой-либо культуре, её смыслам и ценностям. Вследствие этого ещё одной характерной чертой глобальной социальной памяти следует считать интерсубъективность, предполагающую толерантность по отношению к содержанию рассматриваемого феномена. В социальной памяти закрепляется не только позитивный, но и негативный для выживания человечества опыт. Вследствие этого человек, обращаясь к социальной памяти, должен доверять ей, как доверяет личной памяти, хранящей опыт личной жизнедеятельности и способы решения проблемных ситуаций. Надо отметить, что глобальная социальная память может играть роль фактора духовной эволюции человека и общества, если обладает открытостью контента, обеспеченного информационной доступностью, предполагающей высокое технологическое развитие глобальных информационных сетей.

Глобальная социальная память формируется как во времени, закрепляя социальный опыт каждого поколения людей, так и в пространстве, накапливая результаты культурной деятельно-

сти разнообразных социальных общностей. Отсюда её важная характеристика - преемственность социокультурного опыта, обеспечение непрерывности существования культуры во времени.

Рассматривая феномен глобальной социальной памяти, отметим некоторые негативные аспекты его формирования и функционирования в условиях развертывания коммуникативных информационных технологий. Общество для обеспечения эффективного руководства и организации социальной жизни должно знать личные обстоятельства жизни каждого субъекта. По мнению Ф. Уэбстера, информация, которой располагает урбанизированное общество об отдельной личности, гораздо более детальна, касается более чувствительных сторон жизни и более прицельна, чем все сведения, которыми располагала доиндустриальная община. «Чем больше за нами следят (тем самым неизбежно ограничивая нашу личную свободу), тем больше возникает структур, которые хотели бы ограничить и нашу независимость» [6, с. 284-285]. В информационном обществе актуализирован образ «Большого брата», который следит за каждым нашим шагом – с момента рождения в течение всей жизни в разных структурах накапливается информация о каждом человеке. Тотальный контроль – вот характерная черта информационного общества, не вызывающая, впрочем, отторжения, поскольку целевая (государственная) функция этого контроля направлена в конечном итоге на удовлетворение потребностей личности и ее развитие. Надо признать, что обогащение социальной памяти обстоятельствами личной жизни выполняет, таким образом, не только функцию контроля, но и функцию воспитания.

В информационном обществе возможно искажение информации, предлагаемой разными информационными каналами, формирующими соответствующее общественное мнение. В литературе для обозначения этого феномена возникло словосочетание «управление восприятием» [6, с. 292], традиционное же название этого процесса – манипулирование сознанием. Эта особенность информационного общества нашла отражение в литературе (С.Г. Кара-Мурза). Отметим следующее. Во-первых, огромные (избыточные) информационные потоки практически лишают своего массового потребителя возможности уловить какую-либо тенденцию, поэтому большое значение в оценке предлагаемой информации приобретают суждения экспертов, консультантов и т.п. В результате личность становится все более склонной к догматизму (в смысле подчинения чужому мнению) в принятии решений. Во-вторых, недостаток информации («дозированная информация») или определенным образом поданная информация становится основой для формирования и распространения разнообразных мифов, верований, иных иррациональных представлений. Не естественные (реально существующие), а искусственно культивируемые образы становятся материалом для дальнейшего манипулирования смыслами. Образцом качественного «управления восприятием» называют освещение в средствах массовой информации войны в Персидском заливе в 1991 г. Это событие привлекло внимание огромного количества СМИ, которые передавали информацию «стерильную» до такой степени, что некоторые публицисты писали: утверждение о том, что «войны в заливе никогда не было» - истинно (это при том, что в этой войне погибло в общей сложности до 60 тыс. человек) [6, с. 295]. Отмеченная особенность социальной памяти, особенно отчетливо проявляющаяся в информатизированном обществе, обусловлена тем, что любая память, в том числе социальная, не нейтральна к прошлому. Социальные группы, объединяющие людей с разными интересами, под влиянием которых они постоянно меняют образы своих воспоминаний, наполняют их ценностно-смысловым содержанием, связанным с современными ситуациями. Иными словами содержание социальной памяти – конструируемый феномен. При этом происходит манипуляция – придание забвению одного и акцентуация другого. Это манипулирование отражает интересы и политические устремления отдельных классов, социальных групп и индивидуумов. В результате конструирования социальной памяти меняется общественное мнение, формируются коллективные образы, детерминирующие духовное развитие как отдельной личности, так и целых народов.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Гранин Ю.** «Глобализация» или «вестернизация»? Pro & contra / Человек вчера и сегодня. Междисциплинарные исследования. - М.: ИФРАН, 2012. - С. 76-92.
2. **Лойко О.Т.** Социальная память как предмет философской дескрипции // Вестник науки Сибири, серия 8. Общественные науки. - 2011. - № 1 (1). - С. 544-550.
3. **Моисеев Н.Н.** Человек во Вселенной и на Земле // Наука. Общество. Человек. - М.: Наука, 2004.
4. **Новикова Л.И.** Информация как фактор социального развития // Новые идеи в социальной философии. - М.: ИФРАН, 2006. - С. 261-280.
5. **Устьянцев В.Б., Аникин Д.А.** Социальная память в обществе риска: опыт философской концептуализации // Философия и общество. - 2011. - № 11. - С. 58-69.
6. **Уэбстер Ф.** Теории информационного общества. - М.: Аспект Пресс, 2004.
7. **Masuda Y.** Hypothesis on the genesis of Homo Intelligens // Futures. 1985. - Vol. 17. - № 5.

THE PHENOMENON OF SOCIAL MEMORY IN THE SPIRITUAL EVOLUTION OF SOCIETY

Garaniina O.D.

The peculiarities of interpretation of social memory are certain in socio-humanitarian knowledge are described, the correlation of concepts «culture» and «social memory» is explained, position about growth of influence of social memory on the spiritual world of personality in the process of evolution is grounded. The peculiarities of social memory functioning are described in global society. The negative aspects of constructing social memory are described on the basis of information technologies: control and manipulation of the content of spiritual life of society.

Key words: social memory, the information society, social consciousness, the spiritual world of personality, social memory compilers in the information society, translators of social memory in informative society, consciousness manipulation.

Сведения об авторе

Гаранина Ольга Денисовна, окончила МГУ им. М.В. Ломоносова (1973), почетный работник науки и техники РФ, действительный член Международной академии информатизации, член Европейской академии естественной истории, доктор философских наук, профессор кафедры гуманитарных и социально-политических наук МГТУ ГА, автор более 160 научных работ, область научных интересов – социальная философия, философская антропология, философия науки и техники, социология управления.

УДК 37:008

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И ПРОБЛЕМЫ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ

А.В. ПАНИБРАТЦЕВ

В статье рассматриваются основные проблемы глобализации высшего образования, дается определение глобализации. Отмечено, что глобализация явилась основой начатой трансформации профессионального образования. Указывается, что основное назначение глобализации высшего образования – ориентация на построение общества, основой которого должен стать высокообразованный человеческий капитал. Выявлены основные направления глобализации – интернационализация, интеграция и информатизация высшего образования. Показано, что глобализация образования – это концепция, ориентирующая учащегося на выработку планетарного сознания.

Ключевые слова: высшее образование, глобализация, информатизация, интернационализация, интеграция, университет, единое образовательное пространство.

Мировая система современности характеризуется общностью многих процессов, которые происходят в различных сферах и протекают во многом одинаково, независимо от каких-либо особенностей страны.

Основным двигателем прогресса и самой большой ценностью в мире признаются знания, поэтому высшая школа каждого стремящегося к поступательному развитию государства должна отвечать некоторым общим для всего мира требованиям, чтобы соответствовать тем условиям, которые на образование возлагают и новая система экономики, и новая система международного устройства. Все эти требования воплотились в тех направлениях глобализации, которые сейчас оказывают влияние на развитие и существование высшего профессионального образования во всем мире, несмотря на то, насколько естественны эти направления развития для каждой системы образования.

Глобализация высшего образования и ее основные направления нуждаются в классификации, осмыслении и анализе всех возможных положительных и отрицательных черт, последствий их реализации в российской высшей школе, а также в обосновании их целесообразности. Выявление этих направлений, их характеристик и особенностей, возможных трудностей, степеней и форм влияния на общество будет способствовать прояснению терминологической составляющей понятия глобализации в сфере высшего образования, поскольку в этом аспекте существует путаница и неправомерное замещение одних определений другими в силу неясности и размытости понятийного аппарата.

К термину «глобализация» по этой причине не одно десятилетие приковано огромное внимание, так как при его помощи научные деятели пытаются обобщить и объяснить повсеместно происходящие в мире процессы [7, с. 4]. Самым общим считается определение, данное Генеральным секретарем ООН Кофи А. Аннаном, утверждающим, что «глобализация является общим термином, обозначающим все более сложный комплекс трансграничных взаимодействий не только между физическими лицами, предприятиями, институтами и рынками, но и между государствами» [10, с. 64].

«Глобальное образование» – это созданная во второй половине XX в. в Америке концепция образования, применяющаяся преимущественно в средней школе, ориентированная на воспитание толерантной, восприимчивой к другим культурам личности, человека мира, способного разобраться в мировых процессах и уважающего противоположные точки зрения, а также осознающего неизбежность глобальных преобразований и умеющего адаптироваться к ним.

Согласно определению, это концепция, «ориентирующая учащихся на выработку планетарного сознания, но не форма или организация получения образования» [11, с. 203], т.е. глобальное образование не является результатом глобализации в сфере высшего образования, поэтому заменять одно понятие другим в данном контексте, несмотря на частоту употребления и понят-

ную семантику, не представляется правильным в большинстве случаев [6, с. 45]. Учет сложившейся тенденции в исследованиях на данную тему и фактическое расширение семантики этого термина скорее всего приведут к закреплению дополнительного значения за этим понятием. Примененный в данной работе термин «глобализация образования» будет приравнен к «глобальному образованию» и означать идентичные процессы.

Исследуя направления и некоторые последствия глобализации в высшей школе и влияние их на общество, провоцирующее изменения в нем, можно сделать вывод, что под ней подразумеваются следующие основные направления деятельности в вузах - это интернационализация, интеграция, информатизация. Но к этим направлениям, которые считаются все-таки не основными и не столь очевидны и революционны для высших учебных заведений, добавляются еще два общемировых направления изменений в высшем образовании - Болонский процесс; изменение экономических условий существования университетов Российской Федерации после вхождения страны во Всемирную торговую организацию (ВТО) [8, с. 28].

Основным признаком глобализации образования, в отличие от интернационализации, является то, насколько сильны национальные интересы в глобальном мире. Только благодаря существованию национальных систем высшего образования с их отличительными особенностями может осуществляться процесс интернационализации высшей школы, подразумевающей разработку и реализацию национальных образовательных учебных программ. Этими программами можно обмениваться с другими странами, они будут привлекательны для иностранных студентов, приезжающих учиться в другую страну, а также можно будет производить обмен сотрудниками, организовывать совместные научные исследования, разработки [15, с. 82].

Существует мнение, что интернационализация уходит от своего исконного значения и начинает рассматриваться с точки зрения ресурса по форсированию глобализации [20, с. 3] или же определяется как одна из ее фаз, так как во многом их основные направления влияния идентичны [21, с. 64].

Для национальных высших школ, и для российской в том числе, для сохранения своей культурно-исторической идентичности, участвуя в процессе интернационализации, так как она несет значительные черты глобализации, не стоит забывать об истории своего государства, о его национальных интересах и пропагандируемой идеологии. В противном случае университет перестанет быть важнейшим общественным институтом [5, с. 3-4]. Процесс интернационализации с исторической точки зрения не является следствием глобализации, так как он является намного более ранним процессом, который существует практически со времени создания первых университетов, и с увеличением их количества только набирает обороты [6, с. 46].

Но с развитием академической автономии вузы могут определять направления взаимодействия и выбирать университеты для сотрудничества самостоятельно, исходя из своих индивидуальных интересов. Для российских вузов, которые за редким исключением отстают от мирового уровня высшего образования, тенденция интернационализации высшей школы является одним из престижнейших и перспективных направлений [16, с. 19].

Уже сегодня многие учащиеся вузов участвуют в подобной деятельности, но говорить о массовости в этом направлении, к сожалению, пока не приходится, так как в этой сфере существуют серьезные проблемы не только финансового порядка, но и личностного, когда студенты не хотят использовать предоставленные возможности или просто не знают о них [12, с. 10]. Этот пробел в восприятии студентами своей образовательной траектории должны заполнять высшие учебные заведения, различными способами стимулируя интерес и вовлеченность учащихся в международные программы. Те возможности, которые дает для студентов интернационализация, трудно переоценить, так как подобный опыт в студенческие годы не только обогащает образовательный уровень, но и формирует в учащихся положительное отношение к подобной деятельности. Кроме того, высшим учебным заведениям очень важно вести работу по информированию потенциальных абитуриентов о предоставляемых образовательных возможностях, участвовать в международных выставках и конференциях, ярмарках и встречах [3, с. 50].

Интернационализация высшего образования, что очевидно, процесс не новый, но при этом его актуальность совершенно не утратила смысл, особенно в условиях современных требований к производству знаний и качеству обучения. Интернационализация помогает российским университетам гармонично существовать в мировых академических образовательных пространствах, активно в них развиваться и совершенствоваться, что может помочь не только с достижением максимально высокого уровня образования в Российской Федерации, но и с опережением уровня образования других государств. В наше время любой стремящийся к качеству и престижу университет обязан иметь в партнерах хотя бы один иностранный вуз и реализовывать совместно с ним исследовательские или образовательные программы [20, с. 28].

В плотной связке с интернационализацией идет следующий аспект глобализации – интеграция. Этот процесс значительно за последние десять лет затронул российскую систему высшего образования. Интеграция трактуется как совершенно закономерный, предсказуемый и естественный процесс, свойственный системе образования различных государств.

Таким образом, интеграция – направление намного более серьезное и сложное, нежели интернационализация, поскольку в данном случае речь идет уже не просто о сотрудничестве при обмене знаниями и студенческой мобильности, а о развитии этих связей на государственном уровне, в итоге ведущих к интеграции основ национальных систем образования. Исходя из этого, интеграция более близка по сути к термину «глобализация», так как согласно ее особенностям соотносятся не некоторые, интересные нескольким сторонам, учебные программы или процессы, а происходит некоторое уподобление и гармонизация основных, самых главных черт систем образования [13, с. 46]. В таком случае еще больше стираются, а иногда даже теряются полностью, в зависимости от степени желания государства влиться в предоставленную структуру, национальные черты образовательной сферы.

Становится очевидным, что интеграция образования – направление развития намного более высокого уровня, нежели интернационализация, так как задействует еще и государственный уровень. Это не значит, что при интеграции сфер образования сами университеты имеют роль статичную, являясь просто исполнителями государственной воли, наоборот, у высших учебных заведений появляются дополнительные возможности для сотрудничества – объединенные диссертационные советы, объединенные университеты, что постепенно реализуется государством [9, с. 4].

Более актуальной и злободневной является интеграция высшего образования в единое общемировое пространство, инициированная на государственном уровне, ориентированная на принципы общеевропейских или общемировых систем, не просто затрагивающая структуру высшего образования Российской Федерации, а значительно ее меняющая. Поэтому в рамках этого аспекта глобализации становится необходимым согласование международной политики в сфере образования, сближение, взаимодополняемость и взаимозависимость национальных образовательных систем, «синхронизация действий, достигаемая на основе регулирования их наднациональными институтами, постепенное перерастание национальными образовательными системами своих государственных рамок и зарождение тенденций к формированию единого образовательного пространства как наиболее эффективной формы реализации задач будущего» [6, с. 42].

Приоритетным направлением интеграции в последние годы считается принятие образовательных стандартов Европейского Союза и вхождение в общеевропейское образовательное пространство. Из-за вхождения в общеевропейское мировое пространство система высшего образования России претерпевает значительные и серьезные изменения не только в структуре, но и в подходах к образованию.

Те структурные изменения, которые происходят сейчас в рамках гармонизации образовательной системы Российской Федерации с европейской: приведение нормативной базы в соответствие с общими требованиями, общие программы и соотносимые степени, все это поможет сформировать адекватный требованиям рыночной экономики единый рынок труда [14, с. 35].

Известно, что в Европе ценятся единицы наших высших учебных заведений и такие же единицы направлений профессиональной подготовки, поэтому ожидать большой приток студентов из европейских стран после структурных изменений в соответствии с требованиями Болонской декларации было бы очень оптимистично и неосмотрительно [19, с. 30]. В то время как привлечение студентов из бывших республик СССР было бы как раз очень разумно и рационально.

Ориентация на международную интеграцию высшей школы позволит российским вузам не только сотрудничать с мировыми лидерами профессионального образования, повышая таким образом свой рейтинг на региональном рынке образовательных услуг, но и привлекать в свои стены тот слой потенциальных студентов, которые хотят получить конвертируемый в европейских странах диплом и при этом не уезжать далеко от своего места жительства [2, с. 13]. Опыт, хоть и не очень глубокий и продуктивный, полученный Россией при формировании общего образовательного пространства в СНГ может помочь стране хотя бы теоретически проанализировать возникающие сложности и пути их решения при вхождении в общеевропейское образовательное пространство.

Формирование идеи о постоянном обучении в течение всей жизни по различным причинам в рамках существующей системы высшего образования у учащейся молодежи практически не формируется. Идея непрерывного образования должна быть воспринята всеми учащимися, так как только благодаря ей они смогут быть конкурентоспособными и квалифицированными работниками, от чего зависит не только их будущее социальное положение и уровень его престижа, но и будущее развивающейся российской экономики, нуждающейся в качественном человеческом капитале. Следовательно, концепция непрерывного образования является одной из составляющих глобализации образования [1, с. 42].

Еще одним процессом, характерным для высшего образования и относящимся к процессам глобализации, является всеобщая информатизация всей сферы образования вне зависимости от ее уровня. Информационная обеспеченность – это и доступ к общемировым знаниям, и техническое оснащение, и развитие интернет-технологий. Информатизация университетов является динамично развивающейся только потому, что развиваться это направление начало совсем недавно, когда у вузов появилась возможность самостоятельно оснащать свои исследовательские лаборатории, центры, аудитории и библиотеки информационной техникой и технологиями [18, с. 16-17].

Переход развитых мировых держав от индустриального к информационному обществу показал, что самой большой ценностью стали не природные ресурсы и не развитость экономики, а знания, новые технологии, уровень образованности и способность эти знания создавать. Это привело страны к необходимости расширять потоки знаний, доводить их до всех желающих, где бы они не находились и какие бы формы образования ни выбирали, тем самым гарантируя себе формирование высококлассного человеческого капитала, способного не только поддерживать то положение, которое занимает страна на мировой арене, но и поднять его на еще более высокий уровень.

Не только академическая мобильность и совместные учебные планы характеризуют глобализацию. Многие из направлений информатизации образования являются не менее, если не более глобальными процессами, происходящими сейчас во многих странах, в том числе и в России. Одним из таких новых, эффективных и перспективных направлений в рамках информатизации является развитие дистанционного образования.

Несмотря на то что ярких противников эта форма образования, за очень редким исключением, не имеет, тем не менее она не признается на данном этапе панацеей для тех групп населения, на которые в большинстве своем оно рассчитано. При том что дистанционное образование имеет огромное количество несомненных плюсов: индивидуальный темп обучения, образование без отрыва от дома или работы, более низкая стоимость обучения, отсутствие привязанности к местонахождению высшего учебного заведения и т.д.; объективных минусов у него не меньше [4, с. 17]. Все-таки высшее образование – это не просто полученный диплом и опреде-

ленное количество усвоенных знаний, университет еще несет и функцию воспитания, возможность поговорить и обсудить интересующие вопросы в коллективе, услышать противоположную точку зрения и научиться аргументированно ее защищать, формулировать мысль и грамотно, понятно ее подавать. При том что дистанционная форма образования также предполагает и общение с преподавателем, и даже возможность участия в коллективных обсуждениях, отсутствие прямого контакта с коллегами не всегда помогает пробудить желание к ведению дискуссий или обмену мнениями. Это вовсе не значит, что дистанционная форма обучения хуже или менее продуктивна, чем форма очная, они фактически равноценны, но тот или иной вид получения знаний зависит от очень многих факторов, сочетание которых может значительно перевесить чашу весов в ту или иную сторону.

Еще одним плодом глобальной информатизации образовательной сферы стало появление интернет-университетов или виртуальных университетов. Для нашей страны подобный вид высшего учебного заведения крайне непривычен и вызывает вполне однозначную реакцию — опасение. Если в других странах такие университеты функционируют уже достаточно давно и не вызывают недоверия, то в нашей стране они пока в должной степени не прижились, хотя проект их развития существует.

Для российского населения, уставшего от неясностей, внезапных изменений и неопределенных состояний, университет, который, что называется, нельзя «потрогать» или увидеть, на психологическом уровне не вызовет доверия и желания там учиться, тем более что всегда найдется реальный государственный университет, реализующий такие же или близкие по смыслу образовательные программы. Виртуальные университеты в нашей стране в ближайшее время вряд ли получат распространение еще и потому, что недостатка в реальных университетах сейчас нет [17, с. 61].

Но основная проблема вовсе не в минусах такой формы, как дистанционное обучение или эфемерности виртуальных университетов, а в том, что на деле в России полезные информационные технологии не приобрели пока еще того спроса, который должен быть при стремлении к информационному обществу. Основная проблема информатизации состоит в том, что личный уровень людей в освоении информационных технологий все еще достаточно низок. Даже те, кто имеет для этого достаточный уровень технического оснащения, далеко не всегда умеют пользоваться теми ресурсами и возможностями, которые предоставляет информатизация. Попытки интегрировать образовательные ресурсы и социальные сети, которые предоставляют такую возможность, на практике не приводят к желаемым результатам, что сигнализирует в первую очередь о низком уровне вовлеченности студентов в информационную образовательную среду и неумении использовать предоставленные им информационные возможности [22, с. 135].

Обобщая все сказанное, можно сделать вывод, что ученые, чьей сферой интересов является глобализация сферы высшего образования, понимают под ней обычно один или сочетание нескольких более понятых общемировых тенденций в области профессиональной подготовки, которые упрощают понимание понятия глобализации. При этом далеко не все исследователи единодушны в том, что можно причислить к этому термину, а что нельзя.

Анализ материалов по данной теме показывает, что именно обозначенные направления наиболее полно характеризуют мировое явление, обозначаемое понятием «глобализация образования», и являются составными его частями. Из обозначенных вариантов России выбрать одно направление достаточно трудно, потому что в условиях необходимости модернизации образования аспекты глобализации как раз и могут стать основным ориентиром развития.

Таким образом, под глобализацией в сфере образования мы будем понимать такие характерные как для развитых, так и для развивающихся стран направления развития в системе высшего профессионального образования, как интернационализация, информатизация, интеграция, их сочетание, ориентированные на подъем престижа национального университетского образования путем повышения качества предоставляемых услуг и повышение уровня подготовки человеческого капитала до уровня мировой конкурентоспособности или превосходящего его, ко-

торые помогают вузам своевременно или даже заранее отвечать на существующие и появляющиеся требования информационного общества и знаниевой экономики, обеспечивая тем самым лидирующее положение государству на мировой арене.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Альтбах Ф.** Глобализация и университет: мифы и реалии в мире неравенства // *Alma mater*. - 2004. - № 11. - С. 41-56.
2. **Андреев А.Л.** Россия в глобальном образовательном пространстве // *Высшее образование в России*. - 2009. - № 12. - С. 11-21.
3. **Бобров Л.К.** В контексте интернационализации образования // *Высшее образование в России*. - 2009. - № 10. - С. 45-56.
4. **Волков А., Романенко И., Кузьминов Я., Рудник Б., Фруммин Н., Якобсон Л., Андрушак Г., Юдкевич М.** Российское образование 2020: Модель образования для экономики, основанной на знаниях // *Совет ректоров*. - 2008. - № 8. - С. 14-28.
5. **Гранин Д.Д.** Глобализация или «вестернизация» // *Вопросы философии*. - 2008. - № 2. - С. 3-21.
6. **Данильченко В.М.** Глобализация и образование в XXI веке // *Высшее образование сегодня*. - 2004. - № 3. - С. 44-57.
7. **Добренков В.И.** Выводы глобализации и перспективы человечества // *Вестник московского университета, серия 18. Социология и политология*. - 2004. - № 4. - С. 3-32.
8. **Жуковский И.В.** Всемирная торговая организация и развитие образования // *Высшее образование сегодня*. - 2001. - № 2. - С. 18-32.
9. **Захаревич В., Попов В., Гребнев Л.** Международная аккредитация образовательных программ // *Высшее образование в России*. - 2005. - № 12. - С. 2-8.
10. **Иноземцев В.Л.** Вестернизация как глобализация и глобализация как американизация // *Вопросы философии*. - 2004. - № 4. - С. 58-74.
11. **Качиева И.В.** Обогащение педагогической терминологии в 90-е годы XX века. - *Пятигорск*, 2004.
12. **Климанович О., Ганчеренок И.** Понятийно - терминологический аспект проблемы интернационализации высшего образования // *Alma mater*. - 2001. - № 1. - С. 9-19.
13. **Ларионова М.В.** Интеграционные процессы в образовании. Европейский опыт // *Высшее образование сегодня*. - 2006. - № 2. - С. 42-59.
14. **Медведев С.** Болонский процесс, Россия и глобализация // *Высшее образование в России*. - 2006. - № 3. - С. 28-41.
15. **Мещеряков Д.А.** Глобализация образования и общеевропейское образовательное пространство // *Философия образования*. - 2007. - № 1. - С. 72-90.
16. **Никольский В.** Глобальное образование: пределы либерализации // *Высшее образование в России*. - 2004. - № 8. - С. 15-28.
17. **Ракитянский Н.М.** Россия и вызов глобализации // *Социологические исследования*. - 2002. - № 4. - С. 54-69.
18. **Садлак Я.** Болонский процесс: региональный ответ на глобальные проблемы // *Высшее образование сегодня*. - 2007. - № 10. - С. 14-23.
19. **Сазонова З.** Болонский процесс: позиция российского преподавателя // *Высшее образование в России*. - 2004. - № 3. - С. 24-38.
20. **Слепухин А.** Высшая школа в условиях интернационализации // *Высшее образование в России*. - 2004. - № 6. - С. 3-12.
21. **Телегина Г.В., Штыкова И.В.** Университет в глобальном мире: новая миссия // *Университетское управление: практика и анализ*. - 2005. - № 5. - С. 62-75.
22. **Чисяева А.** Университетское образование на пути к новому самоопределению // *Высшее образование в России*. - 2007. - С. 130-141.

GLOBALIZATION AND HIGHER EDUCATION PROBLEMS IN RUSSIA

Panibrattsev A.V.

The paper deals with the main challenges of globalization of higher education, a definition of globalization is given. It is noted that globalization was the basis for the transformation of vocational education. The main purpose of the globalization of higher education is to focus on building a society that is based on well-educated human capital. The main directions of globalization are internationalization, integration and computerization of higher education. It is shown that the globalization of education is a concept that orients a student on the development of planetary consciousness.

Key words: higher education, globalization, informatization, internationalization, integration, university, unified educational space.

Сведения об авторе

Панибратцев Андрей Викторович, 1962 г.р., окончил МГУ им. М.В. Ломоносова (1984), профессор, доктор философских наук, профессор кафедры гуманитарных и социально-политических наук МГТУ ГА, автор более 100 научных работ, область научных интересов – история русской философии, современные проблемы образования в глобальном мире.

УДК 130.2

ТРАДИЦИИ В СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ

Н.М. МАМЕДОВА

Рассматриваются особенности возникновения и трансляции традиций в пространстве культуры. Показано, что социокультурная ретроспектива обнаруживает самые разнообразные социальные программы передачи накопленного опыта (миф, ритуал) и их организации в традиции. Сделан вывод о сложном переплетении демонстративных и императивных, невербальных и вербальных способов создания и поддержания традиций.

Ключевые слова: культура, ритуал, миф, вербальная рефлексия, традиция, язык, кодификация.

Проблема традиций – это проблема условий человеческой деятельности. Поэтому идеализация прошлого, с одной стороны, и рационалистический критицизм, протест против традиции как авторитета прошлого, с другой стороны, одинаково элиминируют проблему традиций как условий, предпосылок культурного творчества.

Человек каждым актом своей жизнедеятельности втягивает себя в поток определенного рода необходимости. М. Вебер вводит понятие традиционного действия как своеобразного автоматизма. Традиция исполняет роль клише в поступках, образе мышления, ценностных предпочтениях, поскольку в ней актуализирован предшествующий опыт. Не прошлое как таковое учит людей, а прошлое, организованное в традицию. Из практически неограниченных возможностей, какие содержит прошлое, традицией становятся только некоторые из них. Что именно из прошлого актуализируется, а что остается просто историческим фактом? В традиции опредмечивается опыт прошлых поколений, по крайней мере, двумя путями – в форме образцового единичного действия (прецедента) и в форме некоторого универсального закона (кодекса, ритуала, инструкций и т.п.). Каждый закон является своеобразной парадигмой для продуцирования истолковывающих ее образцов, а прецедент иллюстрирует идеальный образец, закон. Преемственность традиции обеспечивается, таким образом, различными и вместе с тем взаимосвязанными принципами – кодифицированием поступка и закона.

Первая форма трансляции традиции – это форма демонстрации, с помощью которой прямо и непосредственно показывается одним человеком другому какая-либо деятельность или использование какого-либо культурного артефакта. Это подражательная форма, возникшая в культуре для передачи значимого для сообщества эмпирического содержания. К демонстративным формам относятся примеры, образцы, эталоны, каноны, прецеденты, а также такие культурные образования, как привычки, обычаи, ритуалы. Они непосредственно вовлекают человека в деятельность, передают сложившийся в данном сообществе тип поведения, действия, отношений и т.д.

Вторая форма передачи традиций носит императивный характер. Это форма предписания, которая передает содержание путем инструкций, через побуждение, через приказ. Императивные формы возникают на базе демонстративных форм. Они являются социальной рефлексией по поводу идеальных образцов. Например, поучение, инструкция часто прямо выходят из форм демонстрации как их словесное описание, но эти формы развиваются в самостоятельную сложную систему в культуре – нормы, запреты, догматы, лозунги, призывы, законы, указы и т.п. Древние культуры, получившие название традиционных культур, пользовались прежде всего демонстративными формами трансляции своего содержания. Например, передача опыта нравственных отношений, опыта морального поведения начинались со следования образцам и прецедентам. Затем формируются нормы-запреты (табу, мифологические тексты древности или тексты пирамид). В античную эпоху и позже подробно обсуждается ценностное содержание нравственного сознания и систематизируются нравственные ценности (Сократ, Аристотель),

оформляются на основе универсальных предписаний нравственности, например, принципы христианской морали и других религиозных систем. Сложение различных религиозных традиций в культуре подтверждает эту закономерность. В результате некоторого эмоционального напряжения, возникшего вследствие какого-либо внешнего импульса (скрижали, явленные Моисею, потрясения Сидхартхи Гаутамы, творимые Христом чудеса и т.п.), пророк демонстрирует своей жизнью (или мученической смертью) эталонный образ существования. Затем происходит канонизация поведенческого образца в заповедях (Бенаресская проповедь, Нагорная проповедь и т.д.), т.е. формируется поведенческий императив. Эмпирический прецедент обретает устойчивую культурную форму, которая становится основой традиции, наделяется безусловным авторитетом. В целях сохранения священного смысла откровения все религиозные традиции приходили к необходимости кодификации и самих священных текстов. В истории религии кодификация предполагает два уровня:

- 1) установление «правильности» текстов, т.е. адекватность текста первоисточнику;
- 2) установление списка текстов, образующих канон.

В дальнейшем Писание сакрализуется, причем происходит сакрализация не только смысла, но и текста, языка Писания, формируется эмоционально напряженное отношение к духу, слову, букве Писания, которое характерно для религий Писания (иудаизм, христианство, ислам).

Учение в религиях Писания консервативно, любые модификации невозможны. Писание составляет смысловой центр, порождающий новые смыслы и новые тексты. В свою очередь культура, образуемая вокруг религий Писания, находится в огромной зависимости от него. Складывается разнообразная литература смешанного конфессионально-светского характера вокруг ядра основополагающих текстов вероучения. Все религии Писания приходят к необходимости определенного толкования, интерпретации сакрального текста, что связано с повышенным вниманием к авторитетному слову и стремлением сохранить его изначальный смысл. Со времен античности известен принцип аргументации со ссылкой на авторитет. Опора на авторитет, цитата в виде логического моста, принцип "сам сказал" (вождь, учитель, пророк), обретает в культурах Писания, основанных на святости слова, наделенного трансцендентной сущностью, особую значимость. Такие приемы доказательства, имеющие в истории культуры многовековую традицию, связаны с потребностью удерживать в коллективном сознании социально значимое знание. В коммуникации складываются определенные социокультурные, психологические приемы, закрепляющие авторитарные установки общения, что позволяет обществу сохранять и воспроизводить традицию.

Логика нравственного развития личности также повторяет логику развития основных культурных форм. Моральное становление личности начинается со следования образцам, с усвоения правил поведения – этикетных норм, затем формируется моральное сознание личности, которое содержит определенные моральные ценности, позволяющие принимать нравственные решения в сложных ситуациях, когда нет готовых правил действий.

Культура – это скрещивание всех элементов настоящего опыта с заданной, определяющей их структуру сюжетной формой, воплощенной в традициях. Способы передачи культурного наследия отражают сложную эволюцию культуры, форм познания мира от дорефлексивной невербализованной к рефлексивной вербальной модификации. Исследователи, ставящие вопрос о генезисе ритуала, мифа, языка, считают, что ритуальное действие было первым семиотическим процессом, на основе которого формировались мифологические представления и язык. Так, В. Иванов пишет: «Согласно новейшим исследованиям язык символических действий как в истории отдельного человека, так и в истории человечества предшествует словесному языку и служит базой для усвоения последнего» [2, с. 351]. В пользу таких теорий приводятся следующие аргументы:

- наличие невербальных ритуалов в архаических культурах;
- вербальная часть многих ритуалов носит вторичный характер.

Н.Б. Мечковская считает показательной в этой связи этимологию слов "клятва" и "присяга", которые обозначают, по ее мнению, древнейшие жанры фидеистического слова [3, с. 5]. Современное сознание воспринимает клятву и присягу как словесные ритуалы, однако этимология свидетельствует о том, что первоначально в их основе лежало не слово, а жест, телодвижение. Слово "клятва" (общеславянское) связано с праславянским глаголом *kloniti*: «славянин во время клятвы склонялся до земли, касаясь ее рукой» [8, с. 38]. Ритуал присяги состоял в прикосновении к некоторому значимому предмету – обрядовому символу (земле, жертвенному очагу, оружию, священному камню и т.п.). Ритуальный жест и телодвижение сохраняются и в поздних светских ритуалах, а также нередко при неритуальных обещаниях (целование знамени, присяга на своде законов или Библии в суде). Эти лингво-семиотические факты свидетельствуют о том, что в древнейших ритуалах жест предшествовал слову.

Первые мифологические представления, являющиеся, по К. Юнгу, формами «коллективно-бессознательного», также первоначально существовали в невербальной форме. Генетически исходными формами бытия мифа являются жест, ритуал, действие. Мифическое мышление обладает яркой кинестетичностью, связанной с ролью пластических средств в познании, общении, передаче знания. Объективной основой такой невербальной, кинестетической природы мифического сознания являлась органическая включенность первобытного человека в природу, подстраивание под ее ритмы. В мифическом сознании главную роль (при наличии зарождающейся и становящейся логико-понятийной сферы) играют телесно-перцептивные, невербальные и эмоционально-аффективные процессы, связанные с интуитивным видением. В основе кинестетичной, ритуальной практики лежат архетипы, врожденные и универсальные психические структуры, такие как: «я», «тень», «мать», «мудрый старик» и др. Возможно, именно такие генетически наследуемые и бессознательные психические образования мотивировали первые ритуальные телодвижения, жесты, становившиеся опорой для формирования как мифов, так и языка. В.Н. Топоров, анализируя этимологию слова «миф», писал, что миф – это «то состояние души, которое стучится в мир слова..., не довольствуясь ритуалом». Ритуал и протомиф предшествуют языку, выступают «и как последние шаги биологической эволюции, приведшей к антропогенезу, и как первые шаги человеческой культуры» [5, с. 60].

Ритуалу принадлежит особая роль как способу воспроизведения эталонных действий, осуществленных по преданию первым культурным героем, первопредком или богом, преобразовавшими беспорядок в гармонию. Считалось, что точное повторение этих действий позволяет возвратиться к моменту начала мира, когда еще не было зла, которое появилось позже в результате ошибок людей, и тем самым вывести общество из состояния хаоса к порядку и процветанию. В ритуале непостижимым образом любое освященное пространство совмещается с Центром Мира, а время начала ритуала – с Началом Мира. Поэтому тождество прецедента ритуалу является важнейшим фактором сохранения стабильности традиционных культур. Следование раз и навсегда установленным обычаям составляет тот стержень, на котором веками и тысячелетиями держатся их основные элементы. Представление о единстве микро- и макрокосмоса, имманентное для мифологии, в значительной степени обусловило жизнеспособность ритуала, его устойчивость. Поскольку Космос и общество регулируются одними и теми же законами, то ритуал призван поддерживать порядок не только в социуме, но и во всей системе мироздания.

Тэрнер В. [6, с. 110] анализировал структуру ритуала в аспекте четырех взаимосвязанных позиций – символической, ценностной, целевой и ролевой. Это позволило выявить три уровня смыслов, присущих ритуалу:

- 1) явный смысл, относящийся к очевидным целям ритуала и полностью осознаваемый исполнителями;
- 2) латентный смысл, находящийся на грани сознания субъекта, но способный быть полностью осознанным;
- 3) непроявленный смысл, полностью бессознательный и относящийся к базовому инфантильному опыту, общему для всех человеческих существ.

Полифункциональность ритуала объясняется его обращенностью к различным уровням организации внутренней жизни субъекта. Таким образом, ритуал предстает как самый древний способ передачи традиций в бесписьменных культурах. Информация, запечатленная и сберегаемая в ритуале, содержала в себе некую картину мира, образцы поведения, способствовала сохранению культурной идентичности этноса.

Архаический миф или протомиф в значительной мере также был невербальной, наглядно-действенной формой познания. В ритуале и мифе проявляется не столько отражательная функция познавательного процесса, сколько интерпретирующая, с перенесением субъекта познания, себя на другого, с сопереживанием, подражанием. В мифе, ритуале человек совершает проекцию себя на чудодейственную силу предков. Мифические образы вызываются не только внешними физическими, но внутренними физиологическими условиями и влечениями, психическими структурами (по К. Юнгу); архаическое мышление является психологической проекцией собственных представлений на мир, от которых отказывается рациональное мышление. Мифическое мышление носит не операциональный формально-логический, а вероятностный характер, ему свойственна опытно-эмпирическая аналитичность, отсутствие развитой рефлексивно-критической установки, обход противоречия. Специфика первобытной логики состоит в том, что она идет к цели не прямо и непосредственно, а окольным путем, перетасовывая, переставляя имеющиеся символические элементы, выделяя противоположности («бинарные оппозиции»). Чувственно-эмоциональное, иррационально-физиогномическое отношение первобытного человека к миру, ощущение опасности некоторых явлений и вещей явились, очевидно, одной из причин возникновения запретов, предписаний, ритуалов, табу как предпосылок формирования первобытной культуры, т.е. становления человеческого общества. Мифы, обряды и ритуалы в архаическом обществе становились формами соотношения мифического субъекта с образцами первобытной культуры, они предписывали человеку определенные нормы и ценности. Табу, запреты, предписания начинают играть роль коллективной воли, зарождающейся морали как формы самосознания общества. Мифы выступали «средством» поддержания природного и социального порядка, утверждали принятую в данном обществе систему ценностей, санкционировали определенные нормы поведения. Поэтому миф является не просто аллегорическим, символическим рассказом или повествованием. Он переживается мифическим сознанием подобно устному «священному писанию», как действительность, влияющая на мир и человека.

Миф утрачивает свою социальную функцию по мере того, как перестает быть формой интеграции сообщества и способом передачи наследия. Тогда на смену ему приходят другие общественные регуляторы и формы трансляции традиций. Язык складывался как закрепление в звуке, «перевод» значений, которые наметились в мифологическом предсознании, и первоначально выражались в телодвижениях и жестах. Язык формируется как универсальная семантическая система передачи культурного опыта, норм и традиций, является одной из главных форм существования традиций в культуре, посредством которого мы ее усваиваем а priori. Язык определяет способ восприятия, мышления и действия.

Основоположник сравнительного языкознания, антрополог Вильгельм Гумбольдт считал, что «различные языки – это отнюдь не различные обозначения одной и той же вещи, а различные видения ее» [1, с. 349]. Это особый способ восприятия и мышления, который воздействует на характер народа и на духовную организацию человечества. Различия между языками – это не просто знаковые различия, слова и формы слов образуют и определяют понятия и являются различными «языковыми мировидениями». Через язык все созданное народом в прошлом воздействует на человека. Гумбольдт считал, что язык определяет не только мировидение, но и виды духовной деятельности, порождаемые своеобразием того или иного языка. Язык дает культуре и человеку предпосылки для развития внутренних сил. Он сохраняет традицию: «...прошлое и настоящее связано чередой поколений, между которыми в свою очередь создает духовную преемственность язык, но и сохранение духа в письменности также помогает преодолевать время и

расстояние» [1, с. 376]. В лоне языка покоится свернутая картина всех предметов, всех невидимых соединений и связей, форм восприятия и мышления.

Э. Кассирер, рассматривая язык как древнейшую символическую форму, в работе «Сущность человека» прослеживает этапы становления философии языка. Он отмечал начальную связь языка с магическими заклинаниями. Постепенно вера в магию претерпевает крушение, и человеком овладевает чувство беспомощности и одиночества. Он устанавливает новые отношения между языком и реальностью, заменяя магическую функцию слова его семантической функцией. Отныне слово, потеряв свою физическую силу воздействия, оказывается наделенным более высокой, логической силой. Логос становится принципом Вселенной и первым принципом человеческого познания. Этот переход прослеживается в ранней греческой философии. Так, для Гераклита Логос, еще не став выражением идеального чистого бытия, вместе с тем перестает быть феноменом чисто философского сознания. Философия природы начинает сменяться философией языка. Однако на этой ранней стадии развития философия языка, как считает Кассирер, разбивается об одну из самых трудных и спорных философских проблем – проблему «значения значения». На данной стадии этот вопрос может быть решен только исходя из той предпосылки, что познающий субъект и познаваемая реальность тождественны. Натурфилософы понимали это в чисто материальном смысле, считая, что микрокосмос точно соответствует макрокосмосу. Парменид считал, что невозможно отделить бытие от мысли. Но вскоре становится очевидным, что заполнить разрыв между вещами и их именами путем обнаружения общности их устройства не удастся, что признает уже Платон в своем диалоге «Кратил» [4, с. 413-496]. Однако мысль о наличии некоего сходства между вещами и обозначающими их звуками живет еще долгое время. Кассирер полагает, что на протяжении столетий препятствием для развития философии языка оставалось то, что вопрос о его природе постоянно подменялся вопросом о его происхождении. Этот способ объяснения присущ мифу, который способен трактовать явления настоящего только через события далекого (священного) прошлого. Анализ языка дает большой материал для изучения ментальных процессов, которые в целом восходят от восприятия конкретных состояний к все более высоким уровням абстракции. Самые ранние слова конкретны и выражают все нюансы конкретного сенсорного опыта при отсутствии родовых понятий.

В целом в примитивных обществах преобладает интерес к конкретным и частным аспектам вещей. Возникновение и развитие универсальных концепций и категорий в человеческой речи совершаются очень медленно, но каждый шаг в этом направлении ведет к лучшей ориентации и лучшей организации воспринимаемого нами мира, закреплению и передаче культурного опыта. Задача языка, как и мифологии, искусства, науки, по Кассиреру, – создание собственного человеческого мира – символической Вселенной, которая позволяла бы человеку интерпретировать, понимать, организовывать и синтезировать свой опыт. Как видим, язык в различных лингвистических и философских концепциях предстает как вербальный способ сохранения и передачи культурных традиций. В свою очередь, в различных культурах отношение к слову порождает те или иные культурные традиции.

Социокультурная ретроспектива обнаруживает самые разнообразные социальные программы передачи накопленного опыта, их организации в традиции. Это сложное переплетение демонстративных и императивных, невербальных и вербальных способов создания и поддержания традиций.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гумбольдт В. Язык и философия культуры. - М., 1985.
2. Иванов В.В. Примечания. Леви-Стросс К. Структурная антропология. - М.: Наука, 1985.
3. Мечковская Н.Б. Язык и религия. - М., 1998.
4. Платон. Сочинения: в 3 т. - М., 1968. - Т. 1.

5. **Топоров В.Н.** О ритуале: Введение в проблематику. Архаический ритуал в фольклорных и раннелитературных памятниках. - М., 1988.
6. **Turner V.W.** Symbols in African Ritual. - Scitnce. Wash. - 1973. - № 4078. - Vol. 179.
7. Этимологический словарь славянских языков / под ред. О.Н. Трубачева. - М., 1983. - Т. X.

TRADITIONS IN SOCIAL-CULTURAL RETROSPECTIVE

Mamedova N.M.

The article discusses the features of broadcast and traditions in the cultural space. Sociocultural retrospective reveals a wide variety of social programs transferring their experience, their organization in the tradition. The conclusion has been made about a complex tangle of demonstrative and imperative, nonverbal and verbal ways of creating and maintaining traditions.

Key words: culture, ritual, myth, verbal reflexion, tradition, language, codification.

Сведения об авторе

Мамедова Наталия Михайловна, окончила МГУ им. М.В. Ломоносова (1973), доктор философских наук, профессор РГТЭУ, автор более 80 научных работ, область научных интересов – философия культуры, философская антропология.

УДК 12

СОЦИАЛЬНЫЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ ТРАНСФОРМАЦИЙ МОДЕЛЕЙ УПРАВЛЕНИЯ В СОВРЕМЕННУЮ ЭПОХУ

О.Б. СКОРОДУМОВА

В статье рассматривается влияние информационного общества на стадии перехода к обществу знания на процессы управления. На основе выделенных особенностей информационного общества показаны новые потребности в структурах социального управления. Охарактеризованы современные организационные модели управления. Выявлены и охарактеризованы организационные структуры, соответствующие потребностям инновационного управления. Выявлены базовые принципы, лежащие в основе организации управления при формировании общества знания.

Ключевые слова: информационное общество, общество знания, глобализация, модели управления, инновация, сетевое предприятие, принцип доверия.

Возникновение современных организационных моделей управления тесным образом связано с совокупностью новых задач, выдвигаемой потребностями информационного общества. Соответственно, чтобы понять потребности современного управления, нужно иметь представление о специфике данного вида социума. Долгое время, опираясь на марксистскую методологию в историческом развитии общества, выделяли пять основных формаций: первобытно-общинную, рабовладельческую, феодальную, капиталистическую и будущую – коммунистическую. Современная классификация опирается на теорию стадий экономического роста, у истоков которой лежала концепция У. Ростоу. В дальнейшем модифицированная западными социологами данная концепция получила широкое распространение. С точки зрения данного подхода в историческом процессе выделяются аграрная стадия, индустриальная и постиндустриальная (та, в которой мы живем) стадии. Исследование постиндустриальной стадии позволило выделить в ней особый этап развития – информационное общество, которое возникает в третьей четверти XX в. Развитие новых информационных технологий рассматривается как условие рождения нового типа общества. В своем аналитическом обзоре «Теории информационного общества» Ф. Уэбстер обращает внимание на наличие конкурирующих концепций, каждая из которых выдвигает свой критерий динамики социального процесса. В зависимости от принятия той или иной концепции (подхода) будут решаться и задачи управления.

Первый подход связан с определением объема технологических новаций, который должен привести к социальному переустройству, ибо его воздействие на общество очень значительно. Выделяется три волны технологических инноваций. Первой была сельскохозяйственная революция. Второй – промышленная. Третья волна – информационная революция. Возникают новые технологии коммуникации. Они и рассматриваются как основной признак информационного общества. Происходит становление технологической инфраструктуры, которая обеспечивает мгновенную компьютерную коммуникацию в любое время и в любом месте, где имеется соответствующее оборудование. Крупные технологические инновации порождают «творческое разрушение». Паровой котел, двигатель внутреннего сгорания, электричество, роликовый челнок были нововведениями индустриального общества. Компьютерные технологии стали для информационного века тем же, чем была механизация для промышленной революции. При данном подходе возникают трудности эмпирических измерений: сколько информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) в этом обществе на данный момент? Сколько нужно ИКТ, чтобы иметь право назвать общество информационным?

Второй подход опирается на экономический критерий, который предусматривает учет роста экономической ценности информационной деятельности. Если увеличение доли информационного бизнеса преобладает в валовом национальном продукте (ВВП), то экономика стала

информационной. Если в экономической сфере информационная активность доминирует над деятельностью в области сельского хозяйства и промышленности, то можно говорить об информационном обществе. У него также есть свои недостатки. За статистическими таблицами скрыты субъективные интерпретации, что именно включать в информационный сектор и что из него исключать. Как, например, в нефтехимической компании вычлени для статистических целей долю ИКТ в производстве всей компании? При этом практически невозможно выработать качественные и количественные методы оценки признаков информационного общества.

Третий подход опирается на критерий, связанный со сферой занятости. Информация рассматривается как основной фактор развития общества. Изобретательность, способность налаживать и использовать «сети» есть ключ к успеху в новой экономике. Творческий успех связан с профессиями: программиста, дизайнера, дилера, имиджмейкера, эксперта и т.п. Движущей силой развития, с точки зрения данного подхода, являются люди, чья главная способность состоит в использовании информации. Сервис, сертификация и эффективность рассматриваются как «три кита» современного общества. Сертифицированная экспертиза провозглашается «организационным принципом послевоенного общества». Отмечается, что эксперты заменили прежде доминировавшие группы (организации рабочего класса, капиталистов-предпринимателей и земельную аристократию). Возник новый тип наемного работника, новый класс, из интеллектуалов и технической интеллигенции.

Четвертый подход опирается на пространственный критерий. Главный акцент делается на информационные сети, которые связывают различные места, а потому могут оказать глубокое воздействие на организацию времени и пространства. Пересмотр отношений времени и пространства, с точки зрения М. Кастельса, меняет организационные и управленческие структуры. Реальное время виртуальной реальности рассматривается как вечное настоящее или уничтожение времени. Коммуникации, в том числе коммерческие и управленческие, осуществляются в реальном времени. Происходит уничтожение субъективного восприятия длительности, времени дня и ночи, сезонов природы, стандартизованного времени трудовых ритмов. Информация, получаемая в реальном времени, т.е. одновременно со временем события, означает, что событие происходит повсюду одновременно. Информация в реальном времени означает выпадение получателей информации из круга нормальной повседневности и переход в виртуальную информационную реальность. Информационные сети рассматриваются как важная отличительная черта современных обществ. При принятии данного критерия также возникает ряд трудностей. Когда сеть становится сетью? Каким образом проводить различия между разными уровнями сетей? Как найти ту стартовую точку, после обнаружения которой можно сказать, что мы живем в сетевом (информационном) обществе?

Пятый подход опирается на критерий культуры. Информационное общество – это медианогруженное общество, цифровые услуги охватывают все сферы жизни. Резко возрастает символическое значение тела, одежды, вещей. Принадлежность к той или иной социальной группе в основном определяется на основе внешних показателей статуса: планшет, смартфон и т.п. Происходит символизация жизненного пространства. Жизнь проходит в процессах обмена и получения - или попытках обмена и отказа от получения - сообщений о нас самих и о других. Признание взрывного роста смыслов позволяет говорить о том, что мы вошли в информационное общество. Базовым принципом жизни общества становится культ информированности. Современное общество функционирует как общество, обнажающее себя. Снимаются запреты на любую информацию. Базовым принципом становится принцип: «Видеть все!». Недостатки данного подхода состоят в отсутствии критериев, с помощью которых можно было бы измерить рост количества значений, и субъективизме: из собственных ощущений выводится увеличение символических взаимодействий. Выделяются интересные особенности современной эпохи, но при этом не дается четкого определения информационного общества.

Констатируя многообразие подходов к пониманию критериев социального развития, можно выделить то общее, что их объединяет. Соглашаясь с позицией М. Кастельса [1], мы определя-

ем информационное общество как глобальное общество, в котором обмен информацией не будет иметь ни временных, ни пространственных, ни политических границ.

Если управление в индустриальном обществе характеризовалось командными формами, иерархической системой, при этом была крайне низкой роль индивидуальной инициативы, то управление в информационном обществе отличается гибкая система управления, децентрализация, высокая роль индивидуальной инициативы. Новые информационные технологии позволяют осуществить прорыв в совершенно иной мир, где доминируют децентрализованные способы организации труда, – отмечает Томас У. Малоун в своем исследовании «Труд в новом столетии» [3]. Одна из существенных проблем информационного общества: как не отстать в гонке модернизации и лавинообразном росте информационных потоков, как стать первым в гонке инновационных перемен? Данная проблема особенно актуальна для России.

Можно выделить потребности, которые связаны с формированием информационного общества в России. Если специалисту, получившему образование в XX в., в целом хватало имеющихся знаний для осуществления своей профессиональной деятельности, то динамизм информационного общества требует особых качеств, связанных с постоянным переобучением и своего рода «перепрограммированием» самого себя в зависимости от меняющихся потребностей интенсивно развивающейся деловой среды. Это приводит к необходимости непрерывного обучения: накопленный работником запас знаний и информации может расширяться и видоизменяться на протяжении всей трудовой жизни. В результате от специалиста требуется не просто освоение определенного знания, а в первую очередь владение методологией поиска нового: обучение тому, как учиться, поскольку большая часть специальной информации, как правило, устаревает в течение нескольких лет. Кроме того, успешность на рынке напрямую зависит и от владения методикой адаптации знания к профессиональным потребностям, наличия способности преобразовывать информацию, полученную за время обучения, в специальные знания. Востребованность работника нового типа обусловлена переходом от традиционных предприятий, где господствовали отношения иерархии к сетевым предприятиям, для которых характерна гибкость решений. Повышение заинтересованности через частичные выплаты посредством опционов акций, позволяющих воспользоваться результатами деятельности фирмы, телеработа, возможность формирования собственного капитала путем вкладов в акции компаний, на которые работают профессионалы нового типа, требуют от них предельной мобильности, самостоятельности в принятии решений и способности к инновациям. Гибкость системы занятости предъявляет особые требования и к системе образования. Она, в свою очередь, также должна быть мобильной, восприимчивой к инновациям, постоянной модернизирующей свои программы в соответствии с потребностями современного рынка.

Еще одна проблема, требующая модернизации и гибкости управления: как не потерять своего потребителя в жесткой конкурентной борьбе? Потребитель становится центральной фигурой экономических процессов. Бизнес ориентирован не на конечного потребителя, а на делового заказчика своей деятельности. Если прежняя экономика ориентировалась на усредненного потребителя – «человека толпы», то новая цифровая экономика старается выявить и удовлетворить индивидуальные потребности во всем их многообразии. Отсюда возникает потребность учета, в том числе и в управлении, своеобразия менталитета людей. Социокультурные характеристики, вступающие в экономический контакт, имеют прямые экономические последствия. Краеугольным камнем сетевой бизнес-модели является обратная связь между потребителями и производителями в режиме реального времени. Свобода, инициатива, нестандартность, мотивация и самореализация – базовые требования к сотруднику нового типа. Происходят возрастание роли ценностей и формирование новой профессиональной среды, основанной на принципах доверия, честности, открытости.

В современных исследованиях в связи с программным докладом ЮНЕСКО (2005) «К обществам знания» большое внимание уделяется разграничению понятий «информация» и «знание». Современный вектор движения – от информационного общества к обществу знания.

Можно согласиться с А.А. Стрельцовым [5], что информация представляет собой результаты отражения материального мира, которые запечатлены в организме и используются для адаптации к изменениям окружающей действительности. Разработка автоматизированных систем управления привела к тому, что информацию рассматривали только с точки зрения ее количественных характеристик. Словом «информация» стали обозначать все, что может быть закодировано для передачи по каналам связи от источника к получателю, вне зависимости от его семантического содержания. Это привело к тому, что два сообщения: одно - исполненное глубокого смысла, второе - полная ерунда, были уравнены. По мнению Т.И. Коваль, «современному обществу как информационному присуще не распространение интеллектуального продукта, а распространение сведений о нем посредством печатных изданий, телевидения, а теперь и сети Internet, в которой колоссально возрастают возможности осуществления коммуникаций, но это не тождественно приращению нового знания» [2, с. 110]. Возникла потребность в выделении осмысленной информации, которая стала классифицироваться как знания. Таким образом, знания – форма сведений о закономерностях изменения состояния отражаемых объектов материального мира. Знания дают возможность осуществлять прогнозирование. Знания – упорядоченная, осмысленная информация, отражающая закономерности и готовая к продуктивному использованию. Возникает новое направление исследований – управление знаниями. В свою очередь управление знаниями порождает специфические риски, связанные с утечкой значимой информации. В исследованиях в области информационной безопасности все чаще обращается внимание на значимость «человеческого фактора» [4, с. 34]. При значительном росте процессов автоматизации в управлении утечка информации зависит не столько от технических сбоев систем, сколько от невнимательности, излишней доверчивости, любопытства и т.п. людей, их использующих. Не случайно в мире компьютерной преступности при подготовке хакерских атак наблюдается ориентация на использование психологических методов, учет политической, религиозной ориентации людей, имеющих доступ к секретной информации. Знание становится стратегическим ресурсом, вследствие чего лозунгом современной эпохи стало выражение «Кто владеет информацией, тот владеет миром».

Новый этап в развитии информационного общества рассматривается как мегакапитализм, при котором формируется экономика нового типа как экономика знаний или инновационная экономика. Способность к продуцированию инноваций предполагает наличие следующих условий:

1. Наличие высокообразованной самопрограммирующейся рабочей силы, способной использовать новые знания для повышения производительности труда.
2. Генерирование новых знаний в области науки, техники и управления.
3. Наличие предпринимателей, способных к созданию инновационных бизнес-проектов.
4. Наличие предпринимательской культуры, прозрачности в деловых отношениях.

В соответствии с новыми потребностями возникают и новые организационные формы, предполагающие принципиально новые подходы к управлению. Среди них в первую очередь стоит отметить организации с внутренними рынками, для которых характерна общая тенденция в развитии управления: от иерархии - к организационным сетям, т.е. к созданию органической сети самоуправляемых предприятий, которая работает как отлаженная рыночная система. Сеть выступает в качестве организационной формы «B2B» сетевого предприятия. Для него характерно сотрудничество между различными компонентами разных фирм, которые объединяются в одну сетевую структуру на период работы над определенным бизнес-проектом, и реконфигурация своих сетей для реализации каждого из проектов. Среди особенностей управления сетевым предприятием выделяют следующие: а) децентрализация крупных корпораций и включение их отдельных компонентов в сетевые структуры; б) кооперация малого и среднего бизнеса в сетевую структуру; в) диверсификация деятельности; г) создание стратегических альянсов и партнерства между крупными корпорациями и их вспомогательными сетями.

По мнению М. Кастельса, сетевое предприятие - это дополнительный фактор для управления экономической деятельностью, ориентирующейся на конкретные бизнес-проекты, которые

реализуются через посредство сетей различного состава и происхождения. Помимо сетевых организаций в современную эпоху широкое распространение получают многомерные организации. Это модель организации, которая могла адаптироваться к изменениям без перестройки, используя внутренние резервы управления. Особую группу составляют интеллектуальные организации. Для них характерны полностью плюралистические организационно-управленческие структуры, допускающие столкновение конкурирующих точек зрения. Они формируются из большого числа мелких взаимодействующих предприятий по принципу «свободного общества».

Подводя итоги, среди значимых социальных детерминант, определяющих развитие процессов управления в современном обществе, можно выделить: повышение роли индивидуальной инициативы и возрастание значимости человеческого фактора, потребность в доверии, честности, открытости, роль инновации как системообразующего фактора.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Кастельс М.** Галактика Интернет. Размышления об Интернете, бизнесе и обществе. - М.: У-Фактория, 2004.
2. **Коваль Т.И.** От информационного общества к обществу знаний: реальность или отдаленное будущее? // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. - 2011. - № 6 (12). - Ч. 1.
3. **Малоун Т.У.** Труд в новом столетии: Как новые формы бизнеса влияют на организации, стиль управления и вашу жизнь. - М.: Олимп-Бизнес, 2006.
4. **Скородумов Б.И.** Безопасность информационных технологий: человеческий фактор // Экономика и производство. - 1999. - № 3.
5. **Стрельцов А.А.** Обеспечение информационной безопасности России. Теоретические и методологические основы. - М.: МЦНМО, 2002.

SOCIAL DETERMINANTS OF MODERN MANAGEMENT MODELS TRANSFORMATION

Skorodumova O.B.

On the basis of the single out features of information society new needs for structures of social management are shown. Modern organizational models of management are described. The organizational structures corresponding to requirements of innovative management are revealed and characterized. The basic principles underlying the organization of management in forming a society of knowledge are revealed.

Key words: information society, knowledge society, globalization, management models, innovation, network enterprise, trust principle.

Сведения об авторе

Скородумова Ольга Борисовна, окончила МГУ им. М.В. Ломоносова (1982), доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии, религиоведения и теологии РГСУ, автор более 100 научных работ, область научных интересов - социальная философия.

УДК 656.7.08.574

РИСКИ ГЛОБАЛЬНОГО ОБЩЕСТВА: ДВИЖЕНИЕ К НОВОЙ МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЙ ПАРАДИГМЕ

Т.В. НАУМОВА

Статья представлена доктором философских наук, профессором Гариной О.Д.

Выявляются исторические этапы рефлексии феномена риска. Рассматриваются особенности становления глобального мира как рискогенного этапа общественного развития, одновременно созидательного и разрушительного, производящего блага и бедствия.

Ключевые слова: глобализация, риск, общество рефлексивной модернизации, детерминация рисков, рискогенный социум.

В восприятии и осмыслении рисков в исторической ретроспективе прослеживается несколько значимых этапов. Концептуальное представление феномена риска во многом было связано с особенностями образа жизни той или иной эпохи: культурными и религиозными ценностями, государственным укладом, нравственными устоями и др. Предмет риска составляли доминирующие ценности конкретного исторического периода – предопределенность человеческого существования, всеобщее благо, достоинство и честь, возможность самореализации личности, законность, свобода и т.д.

В античной традиции интерпретации риска сочетались с категориями вероятности, возможности и действительности, случайности. Размышления о природе вероятности прослеживаются еще в трудах античных философов – Фалеса, Анаксимандра, Анаксимена, Гераклита, Эпикура, Гесиода, Демокрита, Платона, Аристотеля, Сенеки. Древнегреческая философская мысль, проясняя общую интенцию культуры мифологического мышления и не подвергая сомнению постулат об абсолютной предопределенности существования человека по воле богов, тем не менее связана с развитием идей о неопределенном, с понятиями «изменение», «движение к неизвестному», «случай». При всей своей склонности к теоретическому осмыслению мира, древние греки не применяли свои знания к технологиям, способным изменить их представления о возможности воздействовать на будущее. Образ жизни, занятия, формы труда эллинов оставались в основном теми же, что и у их предков, живших за тысячи лет. В этот исторический период в контекстном поле философии понятие риска замещалось понятиями судьбы, рока, фатума, кармы, фортуны, божьего промысла и т.д.

В осмыслении феномена риска, несомненно, выдающуюся роль сыграл процесс взаимного проникновения западной и восточной культур, в результате развития мореплавания, крестовых походов, распространения мусульманства. Философский и научный потенциалы арабской культуры, пополнившийся индийской системой счисления, привели к взрыву интеллектуальной активности, результатом которого стал качественный скачок в развитии математики. Новые методы вычислений, в том числе письменные, превратились в математический аппарат измерения в астрономии, навигации и торговле, стимулировали абстрактное мышление, давая путь развитию неизвестных в прошлом разделов математики. Следует отметить, что развитие теории риска во многом предопределено уровнем развития науки вообще и математики в частности. Позднее математические теории эпохи Ренессанса вплотную подвели к осознанию того, что человек может принимать решения в ситуации с неопределенным исходом и предвидеть будущее с помощью чисел.

Мировоззренческие основы феномена риска стали формироваться в эпоху Просвещения, когда люди вышли из-под гнета многовековых догм. Исторический переход от концепций предопределенности будущего к рациональной философии детерминизма – парадигмы рацио-

нального мышления, не предопределенного сверхъестественным началом, – стал возможен с осознанием неоднозначности будущего: поступки человека могут предопределить последующие события его жизни. Будущее перестало выглядеть чем-то необъяснимым, но еще не могло быть спрогнозировано.

Переворот во взглядах на феномен риска произошел в XVII-XIX вв. в рамках классических концепций риска (Н. Макиавелли, Т. Гоббс, Р. Кантильон, А. Смит, Й. Тюнен, Г. Мангольдт, Дж. Милль, Н.У. Сениор и др.) и был связан с представлением о человеке как о субъекте действия и выработки решений. Во многом этому поспособствовал настоящий математический бум, который прокатился по Европе (Бернулли, Ферма, Томас Байес, Абрахам де Муавр, Фрэнсис Гальтон). Успехи вычислительных методов привели к бурному развитию абстрактных математических понятий и обеспечили обоснование многих практических приложений вероятности – от страхования и инвестирования до таких, казалось бы, далеких от математики предметов, как медицина, наследственность, химия, военная стратегия и тактика, прогнозирование климата.

Классическая парадигма явила собой беспрецедентный скачок не только мировоззренческий, но и практический, сформировалось представление о риске как о состоянии, позволяющем в определенное время в определенном месте оценить последствия принятого решения. Это был прорыв в сферу вероятностных закономерностей, позволивший перейти к измерениям нашего знания о том, что что-то должно произойти.

Философская разработка концепции риска, осуществленная в конце XIX – начале XX вв. в ареале неклассической рациональности (А. Маршалл, А. Пигу, Э. Дюркгейм, А. Шютц, А. Тойнби, Дж. Кейнс, Ф. Найт, А. Тюнен, М. Хайдеггер, А. Гелен и др.), обращена к анализу активной роли субъекта в выборе средств и методов познания окружающего мира и причинно-следственных связей событий, в нем происходящих. Если приверженцы классической теории рисков связывали эту категорию исключительно с потерями, убытками, ущербом, то представители неоклассической школы – с отклонением полученной прибыли от ожидаемой, причем обе школы соглашались с тем, что риск возникает при наличии фактора неопределенности. Развитие идей рационализма позволили теории риска к XX в. окончательно оформиться как вероятностной.

Начавшийся с середины 70-х гг. XX в. процесс перехода от индустриализма и модерна к постиндустриализму и постмодерну вызвал глубокие социальные трансформации во всех сферах общественной жизни. Для осмысления происходящих общественных изменений и оценки перспектив развития разрабатывались новые социологические теории, составившие базу постклассической парадигмы концепции риска (Д. Белл, М. Дуглас, Н. Луман, Э. Гидденс, У. Бек, Дж. Ритцер, Э. Дюркгейм, О.Н. Яницкий, В.В. Радаев, А.В. Мозговая и др.).

Первоначально в подобных теориях преобладал явно оптимистический взгляд на происходящее. Так, основатель теории постиндустриального (информационного) общества американский социолог Д. Белл центральную роль в обществе, ориентированном в будущее, уделял научным исследованиям и разработкам, синтезу науки, техники и экономики. Он отмечает увеличивающуюся степень рисков в современном обществе и необходимость усиления контроля за технологиями, разработкой моделей технологического прогноза, но не рассматривает риски как системное явление, характерную черту постиндустриализма. Однако уже с середины 80-х гг. XX в. отношение к формирующемуся новому обществу заметно меняется. Прежний оптимизм уступает место все более сдержанным, даже критическим оценкам, в которых звучат разочарование, смятение, тревога. Новое общество квалифицируется не только как общество знания, информации, услуг, но и как общество угроз, страха, опасностей, риска. Риск – сложный социальный феномен, характер которого определяют не только технологические, экономические, политические, но и социокультурные факторы. Эволюция науки и техники, несомненно, снижает долю традиционных рисков, однако увеличивается доля рисков, порожденных переходом от

индустриализма к постиндустриализму, традиционные и современные риски вступают в противоречия друг с другом. Рисковые ситуации становятся имманентными для человека и социума, вызывают изменения в общественном сознании, определяющем оценку и восприятие тех или иных социальных норм и ценностей, детерминирующих социальное поведение, а соответственно меняется и понимание, и восприятие рисков. Специфику обществ рефлексивного модерна британский социолог Э. Гидденс видел в особом статусе риска. Этот статус состоит не просто в увеличении рисков, а прежде всего в том, что понимание риска и его оценки превратились в свойство и экспертного, и массового сознания [1, с. 119].

Постиндустриальное общество не оставляет видов деятельности, свободных от риска. С одной стороны, не существует абсолютной безопасности, с другой, нельзя избежать риска, принимая какие-либо решения. Немецкий социолог-теоретик Н. Луман утверждает, что «современный риск – ориентированное общество – это продукт не только осознания последствий научных и технологических достижений. Его семена содержатся в расширении исследовательских возможностей и самого знания» [2, с. 20].

Современная картина мира, с позиции постклассической парадигмы, существенно отличается от классической картины мира с устойчивыми причинно-следственными связями, которые имеют линейный характер, где действуют неизменные законы; явления и процессы автономны от воли и сознания человека и строго детерминированы. Постклассическая парадигма сформировала новое мировоззрение, связанное с исследованием нелинейности, неравновесности, самоорганизации, становлением порядка через хаос, бифуркационных трансформаций, неустойчивости как центральной характеристики эволюционных процессов.

Следует отметить, что обобщение и систематизация подходов, оперирующих понятием «риск» в классических, неклассических и постклассических концепциях, показали, что практически всегда объектом риска выступал человек. Он же с его несовершенством и слабостями одновременно является и фактором, т.е. источником риска. Исключение составляет эпоха господства мифологического сознания и период раннего средневековья, когда признавалось наличие высших сил, определяющих судьбу человека, не оставляя ему возможности выбора. Риск как социальный феномен часто в неосознанной форме присутствовал и рассматривался скорее как негативное явление, своеобразная дань человечества прогрессу. Классическая парадигма позволяет изучать корреляции между социальными фактами, выявляя те из них, которые способствуют производству рисков; неклассическая методология привнесла релятивистское понимание рисков, позволяющее учесть роль объективных и субъективных, рациональных и иррациональных, преднамеренных и непреднамеренных факторов производства рисков; постклассическая методология ориентирована на изучение самоорганизующихся систем, предполагает отрицание линейного детерминизма и введение недетерминированной, непредсказуемой случайности. Актуальными в науке становятся такие синергетические категории, как стохастичность, неравновесность, нелинейность.

Возникновение в обществе новых ценностных ориентаций способствует проявлению новых видов риска. Наблюдаемые, начиная со второй половины XX в., тенденции расширения и усложнения взаимосвязей и взаимозависимости народов и государств, изначально в социологии, а затем и в других сферах общественной жизни, стали обозначать понятием «глобализация». Глобальное мировое пространство, несмотря на существующие в нем различия, становится все более целостным за счет взаимопроникновения и интенсификации экономических, политических, социальных и культурных связей, усиления взаимозависимости между государствами. Наблюдаемые столкновения национальных интересов, разного рода противостояния, экономические конфронтации, геополитические коллизии тем не менее не отрицают тенденции к установлению целостного мирового сообщества.

Важность всестороннего изучения закономерностей развития глобализирующегося мира обусловлена как теоретико-познавательной, так и прикладной значимостью проблемы. В отечественной и зарубежной литературе исследовательский поиск направлен на самые разнообраз-

ные аспекты глобализации – от политических до социокультурных (Р. Инглхарт, М. Кастельс, Ф. Бродель, И. Валлерстайн, Ф. Фукуяма, Дж. Гаррет, Г.-П. Мартин, А. Мартинелли, Дж. Стиглиц, С. Хантингтон, Х. Шуманн, А.П. Бутенко, В.И. Иноземцев, В.Б. Власова, М.Г. Деягин и др.). В ряде теорий глобализации (постмодернистской, миросистемной, неолиберальной и др.) научную проработку получили аспекты, связанные с причинами, сущностью и характером изменений, вызванных глобализацией, а также проблемы становления и развития глобальной ойкумены, процессы регионализации и интернационализации в мировой экономике, модификация капитала и финансовых рынков, социальные преобразования.

Глобализация рассматривается как закономерность развития современной цивилизации, исторический процесс, неоднозначный и противоречивый. Преобразуя экономическую, политическую, социальную и культурную структуру современных обществ, глобализация, с одной стороны, приводит к трансформации традиционных форм бытия, устоявшихся ценностей, распространению стереотипов. С другой стороны, глобальные преобразования сказываются на формировании новых идеологий, повышении толерантности, гармонизации межличностных отношений. Характерные для глобализации универсализация, унификация, стандартизация способствуют углублению международных связей, формированию глобальной этики, активизируют взаимный обмен инновациями, но при этом наблюдаемые явления локализации и фрагментации сопровождаются усилением интереса к национальным ценностям и традициям.

Сочетание взаимоисключающих процессов объединения и разобщения, противоречивость этих тенденций придает глобализации характер неравномерности развития и неоднозначности вызываемых последствий, что, несомненно, обостряет состояние неопределенности, неуверенности перед лицом потенциальных угроз. В результате формируется обширное пространство, обозначенное как поле риска. Рискам подвержена вся социальная действительность, все социальные слои и группы, риски стали неотъемлемой частью бытия, что делает современное общество «обществом риска».

Феномен рискогенного социума, в частности, проявляется в том, что риски регулярно производятся обществом, это производство закономерное, наблюдаемое во всех сферах жизнедеятельности. Они распространяются, трансформируются, накапливаются и в совокупности формируют среду жизни настоящего и будущих поколений (инверсия рисков). В XXI в. интенсивность проявления рисков нарастает, обуславливая готовность индивидов распределять риски и действовать в условиях риска, прогнозировать возможность его проявления, просчитывать его последствия. Поскольку в условиях «общества риска» производство благ неотделимо от производства рисков, индивид вынужден пересматривать свои жизненные позиции и выработать новую систему ценностей, способы мышления, адаптированные стратегии существования, стили жизни и специфические навыки существования в среде, в которой риск является интегральным компонентом. По словам Э. Гидденса, формируется некая «культура риска», система социокультурных ценностей, детерминирующих понимание риска, принадлежность к которой требует от людей готовности к постоянным изменениям, происходящим как на индивидуальном, так и на общественном уровнях. Согласно У. Беку и О.Н. Яницкому, должна произойти смена позитивной логики общественного развития на негативную. Нормативным идеалом общества риска должна стать безопасность. Новое общество ориентируется уже не на достижение лучшего, а на защиту и избежание худшего. Ценности традиционного общества, ориентированные на удовлетворение потребностей, основанные на такой позитивной идее социальных изменений, как рост богатства, признаются обоими авторами утопичными и трансформируются в ориентацию на их ограничение. Новый социальный проект имеет негативный и защитный характер [3; 4].

Спецификой глобальных преобразований современного общества является и то, что риски имеют собственную динамику, в которой отражаются не только негативные, но и позитивные аспекты. Риск может выступать как вид ресурса, как стимулирующий фактор развития общества. Риск мотивирует на поиск новых, нестандартных решений, что повышает эффективность деятельности и способствует раскрытию творческих возможностей человека [5, с. 138]. Спо-

способность рисковать - один из путей успешной деятельности лица, принимающего решения, она позволяет преодолеть консерватизм, догматизм, косность, психологические барьеры, препятствующие перспективным нововведениям. Человек и общество могут использовать риск как инновацию, позволяющую преодолеть неопределенность и совершить качественный скачок в своем развитии.

Противоречивость феномена глобализации ставит перед философской наукой задачу переоценки путей дальнейшего цивилизационного развития через призму рациональной деятельности самого человека, к поиску новых методологических установок, способных направить эволюционные процессы по пути устойчивого развития.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гидденс Э. Судьба, риск и безопасность // THESIS. - 1994. - № 5.
2. Луман Н. Понятие риска // THESIS. - 1994. - № 5.
3. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. - М.: Прогресс-традиция, 2000.
4. Яницкий О.Н. Социология риска. - М.: LVS, 2003.
5. Наумова Т.В. О некоторых функциях риска // Научный Вестник МГТУ ГА. - 2013. - № 191.

THE RISKS OF A GLOBAL SOCIETY: MOVING TO A NEW METHODOLOGICAL PARADIGM

Naumova T.V.

The historical stages of reflection of the risk phenomenon are identified. The peculiarities of formation of the global world as a risk stage of social development, constructive and at the same time destructive, producing the good and disasters are considered.

Key words: globalization, risk, society pondering modernization, the phenomenon of risky society.

Сведения об авторе

Наумова Татьяна Владимировна, окончила МИИГА (1988), кандидат философских наук, доцент, докторант МГТУ ГА, автор 65 научных работ, область научных интересов - экологические аспекты проблемы безопасности, методология исследования экологических рисков.

УДК 57:165

ПОСТНЕКЛАССИЧЕСКИЙ ЭТАП КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ ПОНЯТИЯ НАСЛЕДСТВЕННОСТИ*

А.А. КОЧЕРГИН

Статья представлена доктором философских наук, профессором Гараниной О.Д.

Выявляются особенности концептуализации понятия наследственности в контексте философских категорий «свойство - вещество», «внутреннее - внешнее» и др., характерные для современного периода постнеклассического этапа развития генетики. Предложено определение гена как наследуемой части генома, оказывающей влияние на какой-либо фенотипический признак. Охарактеризованы научные открытия в биологии, позволившие уточнить содержание понятия «наследственность».

Ключевые слова: наследственность, ген, генотип, фенотип, ДНК, РНК, мутация, признак, вещество, свойство, внутреннее, внешнее, диалектика, эпигенетика, концептуализация, А. Гаррод, Б. Макклиток, М. Грин, М.Д. Голубовский, Г. Хогнес, Г.П. Георгиев.

Прорыв в концептуализации понятия наследственности на постклассическом этапе стал возможен благодаря новому исследовательскому инструментарию с использованием последних достижений цитологии, химии, биохимии, физики и даже палеонтологии. Сфера взаимодействия внутреннего и внешнего при изучении феномена наследственности постоянно расширялась за счет вовлечения в изучение наследственности научных дисциплин. Здесь следует напомнить, что до начала 1930-х гг. (когда еще почти не было молекулярно-биохимических «подступов» к генетическим явлениям) господствовало представление о гене как о единице наследственности, ответственной за какой-либо **признак**, т.е. еще в ходу была первоначальная «формула» «1 ген – 1 признак». Далее (в 1930-1940-е гг.) был сделан ряд открытий (касающихся в первую очередь явлений ступенчатого аллелизма, псевдоаллелизма), указывающих на то, что ген не является элементарной единицей, «атомом» наследственности – стало очевидным, что ген состоит из структурно-функциональных субъединиц. Это определило направленность дальнейших исследований – в сторону выявления этих субъединиц и механизма их функционирования, а также вообще установления вещественно-химической структуры гена. По ходу этих исследований попутно трансформировалась и «формула» гена. Первый шаг к этой трансформации был сделан еще в 1902 г., когда английский врач А. Гаррод, придя (на основании анализа родословных) к выводу о том, что алкаптонурия (болезнь, связанная с «биохимическим сбоем») носит **наследственный** характер и вызывается находящимся в гомозиготном состоянии рецессивным аллелем, фактически предложил формулу «1 ген – 1 биохимическая реакция». Однако его работа осталась незамеченной биологами, поскольку была опубликована не в биологическом, а в медицинском журнале. Но после работ Бидла, Эфрусси и Тэтума (2-я половина 1930-х гг.) по исследованию ряда мутаций генов, ответственных за некоторые биохимические реакции (объектами исследований были дрозофилы и плесневый грибок), восторжествовала формула «1 ген – 1 фермент»; а после опубликования работ Бензера по картированию гена (1953 г.) данная формула приобрела вид «1 ген – 1 полипептидная цепь». Но и эта формула оказалась не окончательной. Далее обнаружилось, что есть гены, вообще не кодирующие полипептидных цепей (гены транспортной и рибосомной РНК). Затем последовал ряд фундаментальных открытий, включающих расшифровку генетического кода, открытие не транскрибирующихся регуляторных последовательностей ДНК и мозаичной структуры эукариотического гена. Последняя со-

* Статья является продолжением статьи А.А. Кочергина «Постклассический этап развития понятия наследственности», опубликованной в Научном Вестнике МГТУ ГА. - 2013. - № 191. - С. 56-60.

стоит в том, что эукариотические гены содержат кодирующие (экзоны) и некодирующие (интроны) области. Первичный транскрипт (про-мРНК) содержит оба вида последовательностей, но далее, при формировании зрелой мРНК, интроны подвергаются сплайсингу (вырезанию). Причем один эукариотический ген может кодировать сразу несколько (и даже множество) пептидов. Это достигается за счет того, что путь стыковки экзонов, принадлежащих одному гену, может быть множественным, и некоторые экзоны могут удаляться вместе с интронами. Явление получило название *альтернативного сплайсинга*, за счет которого образуется множество различных мРНК [2]. Из указанных открытий следует, что ген стало целесообразно, на наш взгляд, трактовать как «участок геномной (или внегеномной) ДНК, несущий ту или иную функцию – кодирующую или сигнально-регуляторную». Исходя из вышесказанного, ген целесообразно определить как *наследуемую часть генома, оказывающую влияние на какой-либо фенотипический признак*. Эта формулировка по смыслу близка к классической - "один ген - один признак" [3]. Если классическая формулировка включала только визуально фиксируемые морфологические признаки, то современная трактовка стала включать и физиологические, и биохимические, и функционально-регуляторные признаки. Таким образом, представления о гене как системе постоянно углубляются за счет выявления новых структурных образований гена и их связей.

На представление о наследственности в целом повлияли результаты исследований последних десятилетий в области не только генетики, но и эпигенетики. Известно, наследственность связана со свойством организмов обеспечивать материальную и функциональную преемственность между поколениями. Она реализуется в процессе наследования или воспроизведения в ряду поколений специфического характера индивидуального развития и биохимических реакций в определенных условиях внешней среды. Проявление наследственности осуществляется в непрерывности живой материи при смене поколений [1]. Во 2-й половине XX в. был сделан ряд важных открытий, благодаря которым пришлось пересмотреть представления о наследственности, обновить содержание данного понятия.

1. В 1980-е – начале 1990-х гг. были установлены факты адаптивных наследственных изменений на клеточном уровне, т.е. изменений, связанных не со случайными мутационными событиями, а с адаптивной перестройкой генома в ходе отбора. Примером здесь служит наследственная адаптация к клеточному яду жгутиконосца лейшмания, который при воздействии на него цитостатика метатрексата реагирует амплификацией (умножением копий) гена фермента ДГФР (дигидрофолатредуктазы), инактивирующего метатрексат. В результате клетка приобретает повышенную устойчивость к метатрексату и передает это свойство (благоприобретенный признак) дочерним клеткам. Другой пример связан с адаптивными реверсиями (обратными превращениями мутантных особей в нормальные) бактерий-ауксотрофов (мутантов по какому-нибудь гену утилизации того или иного метаболита). В рассмотренных примерах фактически имеет место наследование благоприобретенного признака, что может показаться на первый взгляд противоречащим канонам генетики. Однако на самом деле противоречия здесь нет – изменения в рассмотренных случаях касались генетического, наследственного материала (в первом рассмотренном случае происходило умножение в геноме копий гена (многократная его репликация), в другом случае, очевидно, – изменение первичной структуры гена). Естественно, такие изменения наследуются на клеточном уровне, и это наследование не имеет чего-либо общего с ламаркистским наследованием благоприобретенных признаков. А более принципиальное значение в приведенных примерах имеет установление фактов активного реагирования клетки в ответ на вызов среды, в результате которого клетка приобретает адаптивные наследуемые изменения. Ранее предполагалось, что клетка, ее наследственный аппарат просто «пассивно ожидают» полезной мутации.

2. В последние десятилетия было сделано также немало важных открытий, касающихся эпигенетики и эпигенетического наследования. Эпигенетическим (приставка эпи- означает в дополнение) наследованием являются наследуемые изменения в фенотипе или экспрессии генов, вызываемые механизмами, отличными от изменения последовательности ДНК (т.е. в слу-

чае эпигенетического наследования не происходит изменения последовательности ДНК). Такие изменения могут оставаться видимыми в течение нескольких клеточных поколений или даже нескольких живых существ [2]. А под эпигенетикой в настоящее время понимают раздел биологии, изучающей процесс взаимодействия генотипа организма со средой при формировании фенотипа. Она изучает механизмы, при помощи которых на основе генетической информации, заключенной в одной клетке (зиготе), за счет различной экспрессии генов в различных типах клеток может осуществляться развитие многоклеточного организма, состоящего из дифференцированных клеток. К эпигенетическим феноменам относят эффект положения, парамутацию, трансвекцию, косупрессию (или РНК-интерференцию), супрессию транспозонов, геномный импринтинг и инактивацию X-хромосомы [9, с. 82-93].

Под эффектом положения (Position-effect Variegation – PEV) понимают изменение фенотипического эффекта гена в зависимости от места его локализации в хромосоме. (Этот эффект был обнаружен А. Стёртевантом еще в 1925 г. у дрозофилы, у которой часто наблюдается изменение экспрессии эухроматинового гена в результате его перемещения в гетерохроматинную область генома; уменьшение экспрессии или выключение какого-либо гена в результате перемещения его в гетерохроматинную область генома объясняется формированием репрессивной структуры хроматина данного локуса под влиянием гетерохроматина, обладающего такой конденсированной нуклеосомной структурой) [12, р. 1611-1618].

В 1980-х гг. в экспериментах с трансплантацией ядер половых клеток у мышей было показано, что *андрогенетические* или *гиногенетические* эмбрионы (развившиеся из яйцеклеток с пересаженными в них ядрами соответственно *самца* или *самки*) не могли нормально развиваться в ходе эмбриогенеза. В участках генома, подверженных импринтингу, экспрессируется *только один* из двух аллелей – отцовский или материнский, т.е. наблюдается *моноаллельная* экспрессия генов. Второй аллель, вследствие наличия на нем некоего отпечатка, *импринтирован* (выключен или подавлен) и не экспрессируется. Импринтинг осуществляется преимущественно путем метилирования (осуществляется специальным ферментом) цитозина в цепи ДНК. Обычно «рисунок» метилирования «стирается» при образовании зародышевой ткани и гамет, но иногда во время образования гамет (мужских или женских) снова осуществляется метилирование по тому же «рисунку», и тогда впоследствии оказывается супрессированным (неактивным) мужской либо женский аллель (т.е. фактически оказывается передан по наследству приобретенный признак – «импринтированность» гена). Такой способ регуляции работы генов свидетельствует о **неэквивалентном** вкладе родителей в геном потомков. Еще один механизм супрессии генов – деацетилирование гистоновых (ответственных за «укладку» ДНК в хромосомах) белков, что ведет к уплотнению хроматина и торможению транскрипции (что также наследуется на клеточном уровне) [7].

Парамутация – это такое взаимодействие аллельных генов, находящихся в гетерозиготном состоянии, которое приводит к наследуемому изменению экспрессии одного из аллелей. (Данное явление наблюдал Р.А. Бринк в 1956 г. – на примере уменьшения активности отдельных г-аллелей у кукурузы под влиянием других г-аллелей, контролирующих образование пигмента антоциана [10, р. 872-889]).

Трансвекция – такое взаимодействие генов, при котором один ген оказывает прямое влияние на функцию другого путем спаривания гомологов. (Пример трансвекции – влияние *энхансера* (усилителя) одного из аллелей локуса *yellow* у дрозофилы на *промотор* другого гомолога) [7]. У некоторых млекопитающих наблюдается такое эпигенетическое явление, как *инактивация одной из двух X-хромосом* у самок. При этом хромосома переходит целиком в конденсированное состояние (происходит ее *гетерохроматизация*). Таким способом происходит «выключение» одной из половых хромосом (у самок их 2), если клетка «решает», что для ее функционирования достаточно только одной активной X-хромосомы. Примечательно, что бывают случаи *неслучайной* инактивации X-хромосомы. Так, у австралийских сумчатых инактивируется *отцовская* X-хромосома [4, с. 94, 107].

Кроме рассмотренных выше примеров **ядерной** эпигенетической наследственности, существует также и **цитоплазматическая** эпигенетическая наследственность. У растений известно такое явление, как *косупрессия* (или *РНК-интерференция*), состоящая в посттранскрипционном выключении гена, которое связано с посттранскрипционной цитоплазматической модификацией двуспиральной РНК (dsRNA) [11, p. 373-382]. Двуспиральная (преимущественно вирусная) РНК нарезается специальным ферментом (Dicer) на короткие фрагменты – интерферирующую РНК (siRNA), которая запускает деградацию соответствующей матричной РНК – связывается с еще одним специальным белком (AGO), далее образовавшийся комплекс находит участок мРНК, комплементарный одной из цепей siРНК, и эта цепь «приклеивается» к мРНК, образуя двуцепочечный фрагмент, а белок AGO отрезает образовавшийся дуплекс, в результате чего мРНК деградирует. По данному механизму работает «клеточный иммунитет» (против вторгшейся вирусной РНК), и, кроме того, осуществляется контроль над активностью транспозонов (мобильных последовательностей ДНК (или РНК – ретротранспозоны), способных перемещаться внутри генома в результате процесса и тем самым вызывать мутации). РНК-интерференция была найдена у растений, а также у простейших, грибов и круглых червей – нематод [9].

Итак, все указанные эпигенетические явления характеризуются тем, что клетка, в которой включается тот или иной эпигенетический механизм, далее при делении передает этот включенный механизм дочерним клеткам. Этот механизм обычно работает только в ряде последующих поколений клеток (эпигенетические явления, в отличие от большинства мутаций, *обратимы*), а иногда работа механизма «затягивается» до образования гамет, т.е. имеет место опять же передача по наследству *благоприобретенного свойства*.

3. В 1950-1960-е гг. Б. Макклиток (США) осуществила пионерные работы по изучению мобильных генетических элементов (объект исследования – кукуруза), способных перемещаться по геному, встраиваться в некоторые локусы (равно как и удаляться из них) и способствовать резкому увеличению частоты (по сравнению с обычной) их мутирования, причем мутации имели *упорядоченный* характер. Далее последовали работы по выявлению инсерционных элементов и индуцированных ими мутаций – у дрозофилы (М. Грин (США), 1967-1969 гг.; М.Д. Голубовский (СССР), 1974 г.; Г. Хогнес (США), 1978 г.) и млекопитающих (Г.П. Георгиев (СССР), 1978). Результаты данных работ свидетельствуют о том, что геном может проявляться в форме «взрывной» изменчивости, имеющей не стихийный, а «целенаправленный» характер. Такие «взрывы» могут иметь (в т.ч. серьезные) эволюционные последствия. Подводя предварительный итог результатам данных исследований, Макклиток в 1984 г. высказала следующее суждение: «...геномы некоторых организмов лабильны... резкие их изменения могут происходить с большой частотой... эти изменения... могут дать начало новым видам и родам» [1, с. 90, 107] (здесь весьма примечательно то, что данный тезис противоречит канонам синтетической теории эволюции, согласно которым образование новых видов и более крупных таксономических единиц – процесс длительный и постепенный).

Другим значительным феноменом, могущим также иметь серьезное эволюционное значение, является *горизонтальный перенос генов* (ГПГ). Его примерами являются **трансформация** у бактерий (состоящая в передаче одной бактерией другой генетического материала; наблюдалась О. Эвери на примере пневмококка в 1944 г.), а также **трандукция** и **лизогения** (перенос генов у бактерий с помощью вируса-бактериофага и последующее встраивание ДНК фага в геном бактерии) [5, с. 48, 98, 430]. Горизонтальный перенос может также осуществляться посредством **плазмид** – внегеномных генетических кольцевой формы, способных к автономной репликации [1, с. 107]. Плазмиды могут содержать различные гены, например, устойчивости к антибиотикам. Эти плазмиды (а с ними и устойчивость к антибиотикам) могут горизонтально распространяться [1, с. 75, 107]. ГПГ может происходить как у прокариот, так и у эукариот; как в пределах одного вида, так и между особями *разных* видов.

4. В 1980-х гг. прошлого столетия были открыты *прионы* (первооткрыватель – С. Прузинер [7]) – инфекционные агенты белковой природы, вызывающие смертельные заболевания у жи-

вотных и человека. Прионы представляют собой неправильно свернутые молекулы прионного белка PrP, способные «размножаться», превращая нормальные молекулы PrP в подобие самих себя. Земная жизнь основана на размножении репликаторов определенного типа – полинуклеотидов РНК и ДНК. Оказалось, что – не только. К «нестандартным» биологическим репликаторам и относятся прионы, представляющие собой особым образом свернутые молекулы прионного белка PrP. Этот белок в норме присутствует на мембранах нейронов и выполняет какие-то полезные функции, связанные с передачей сигналов (какие именно – пока еще не вполне ясно). Но в результате «неправильного сворачивания» он приобретает патогенные свойства (вызывает нейродегенеративные болезни, такие как, например, коровье бешенство). Более того, он заставляет «здоровые» молекулы «неправильно перезакручиваться» (благодаря чему и развивается болезнь). Таким образом, прионовый белок размножается в клетке (сначала в одной, а далее инфицируются другие клетки).

Прионы по свойствам напоминают вирусов тем, что могут размножаться только за счет ресурсов, предоставляемых хозяйской клеткой. Вирусу необходимо, чтобы клетка синтезировала для него вирусные белки согласно «инструкциям», записанным в вирусной ДНК или РНК. Приону же необходимо, чтобы клетка синтезировала для него нормальные молекулы прионного белка, а прион уже сам превращает их в свои копии. И в этом принципиальная разница между вирусом и прионом – размножение последнего происходит *без участия нуклеиновых кислот*.

Итак, рассматриваемый (продолжающийся поныне) период развития науки о наследственности может квалифицироваться как заключительная стадия проникновения внутрь сущности феномена наследственности – установления на элементарном (вещественно-молекулярном) уровне того, что есть «наследственное вещество» и какова «конструкция» «биохимической машины» (включающую в себя как «наследственное вещество (ДНК, РНК), так и вещества белковой и прочей природы»). Соответствующие исследования, очевидно, являются заключительным отрезком исследовательского пути «от свойства к веществу», «от внешнего к внутреннему». Расшифровка же наследственной программы и установления механизмов ее реализации характеризуются обратной направленностью – «от вещества к свойству» и «от внутреннего к внешнему». По мере проникновения вглубь «святая святых» – наследственности человека – все острее встают вопросы морального плана (допустимо или нет вмешательство в наследственность). То есть современная генетика демонстрирует погруженность проблемы наследственности не только в естественно-научный, но и социокультурный контекст, что характерно для постнеклассической науки.

В задачу данной статьи не входил детальный анализ проводящихся в настоящее время исследований, тем более что однозначных их результатов во многих случаях еще нет. В контексте данной работы важно то, что в постнеклассический этап исследование феномена наследственности определяется и характером использования его результатов, что зависит от мировоззренческих установок, общего состояния культуры современного общества. В этих условиях уровню концептуализации принадлежит важная роль, обеспечивающая понимание развивающихся объектов с позиции гуманистических идеалов и в диалектической взаимосвязи всех аспектов исследования, т.е. с позиции понимания развивающихся феноменов как целостных систем. Учение о наследственности постнеклассического этапа своего развития шире естественно-научной его интерпретации, смысл его дальнейшего развития – в синтезе знаний о неживом, живом и социальном. Резкое возрастание этических (и правовых) проблем науки, ответственности ученых за характер использования полученных результатов объясняется опасностью их использования в антигуманных целях. Поэтому попытки вмешательства в наследственность, стремление усовершенствовать человеческую природу могут осуществляться только с позиции «не навреди жизни». Истина утратила абсолютно самодовлеющий характер – надо знать цену ее использования, которую может заплатить человечество. Погружение учения о наследственности в контекст его гуманистического предназначения превращает генетику из науки естественной в науку и гуманитарную, науку о человеке. На примере развития учения о наследственно-

сти начинает сбываться предвидение: «Впоследствии естествознание включит в себя науку о человеке в такой же мере, в какой наука о человеке включит в себя естествознание: это будет одна наука» [6, с. 596].

ЛИТЕРАТУРА

1. Биологический словарь On-line. [Электронный ресурс]. - URL: <http://bioword.narod.ru/N/N025.htm>.
2. Вельков В.В. Опять актуален вопрос: что такое ген? [Электронный ресурс]. - URL: http://lib.theo-club.ru/index.php?action=show_article&a_id=25 (дата обращения: 24.05.2013).
3. Ген: современное определение [Электронный ресурс]. - URL: <http://www.medbiol.ru/medbiol/genexp/0004b92c.htm#0004264d.htm> (дата обращения: 06.10.2012).
4. Голубовский М.Д. Век генетики: эволюция идей и понятий. Научно-исторические очерки. - СПб.: Борей Арт, 2000.
5. Лобашев М.Е. Генетика. - Л.: Изд-во ЛГУ, 1967.
6. Маркс К., Энгельс Ф. Из ранних произведений. - М.: Госполитиздат, 1956.
7. Назаренко С.А. Эпигенетическая регуляция активности генов и ее эволюция [Электронный ресурс]. - URL: <http://www/evolbiol.ru/nazarenko2002.htm>.
8. Назаров В.И. Эволюция не по Дарвину: смена эволюционной модели. - М.: КомКнига, 2005.
9. Эволюционная экология // Проблема вида и видообразование: материалы II междунар. конф. - Томск: ТГУ, 2002. - Т. 2 [Электронный ресурс]. - URL: <http://Наука.1972.www/evolbiol.ru/nazarenko2002.htm> (дата обращения 12.08.2013).
10. Brink R.A. A genetic change associated with the R Locus in maize which is detected and potentially reversible // Genetics. - 1956. - Vol. 41. - P. 872-889.
11. Depicker A., Montagu M. van. Posttranscriptional gene silencing in plants // Cur.Op.Cell. - 1957. - Vol. 9. - P. 373-382.
12. Kleinjan D.-J., Jeiningen V. van. Position effects in human genetics disease // Hum. Mol. Genet. - 1998. - Vol. 7. - P. 16-18.

THE POST-NONCLASSICAL STAGE OF CONCEPTUALIZATION OF THE TERM «HEREDITY»

Kochergin A.A.

The peculiarities of conceptualization of the inheritance notion in the context of philosophical categories "property-substance", "internal-external" and other categories characteristic of the current period of post-non-classical stage of development of genetics are identified. The definition of a gene inherited as part of the genome that affects any phenotypic trait is proposed. Scientific discoveries in biology, which helped to define the concept of "inheritance", are described.

Key words: heredity, gene, genotype, phenotype, DNA, RNA, mutation, sign, substance, property, interior, exterior, dialectics, epigenetics, A. Garrod, B. McClintock, M. Green, M.D. Golubovsky, T. Hogness, G.P. Georgiev.

Сведения об авторе

Кочергин Алексей Альбертович, 1963 г.р., окончил НГУ (1985), МГУ им. М.В. Ломоносова (1999), Московский институт переводчиков (2011), соискатель МГТУ ГА, автор более 40 научных работ, область научных интересов – философия и методология науки.

УДК 316.346.36

МЕСТО И РОЛЬ РЕЛИГИОЗНОГО ДОГМАТИЗМА В ИСТОРИИ ОБЩЕСТВА И КУЛЬТУРЫ

Д.В. КАНАКОВ

Статья представлена доктором философских наук, профессором Некрасовым С.И.

В статье дается краткий абрис той роли, которую играл религиозный догматизм в истории общества и культуры. Обосновано, что влияние догматизма получило одностороннюю негативную характеристику в научной литературе, поставлена задача комплексного анализа проблемы, выявлены позитивные моменты, связанные с ролью религиозного догматизма в истории общества.

Ключевые слова: религиозный догматизм, история, общество, культура.

В литературе влияние религиозного догматизма получило односторонне негативную оценку, в то время как диалектический подход требует выделить негативные и позитивные моменты рассматриваемого явления. Негативные моменты достаточно подробно освещены в научной литературе. В частности, отмечается, что референты группы высокого уровня догматизма (the High-dogmatic group) отличаются нетворческим (uncreative), шаблонным (routine) и консервативным (conventional) характером мышления [26, p. 1235]. Это объясняется тем, что установленные в соответствии с религиозным мировоззрением догмы, доктрины сковывают творческую деятельность человека в познании, препятствуют преобразованию природы и общества. Догматизм как консервирование устоявшихся представлений оказал отрицательное влияние на динамику духовной культуры, духовное производство; формируемая религиозная доктрина рассматривается как универсальная, соответственно альтернативные, конкурирующие точки зрения рассматриваются как отступление от истины, инакомыслие и ересь, а потому отбрасываются. В истории критической мысли претензия на универсализм справедливо рассматривается как элемент догматизма [8, с. 13]. М.А. Попова, раскрывая такие признаки религиозной картины мира, как «элементарность» и «универсальность», обоснованно обобщила: «Религия является наиболее доступной формой идеализма, дающей “объяснения” всем явлениям действительности и обладающей видимостью убедительности» [12, с. 19]. Ряд авторов рассматривает религиозный догматизм как общую неразвитость сознания. Так, Г. Зиммель, формулируя проблемное поле социальной науки, отмечает: «... В пользу того, что вера в известные религиозные догмы является причиной духовной несамостоятельности и оглуления, приводят не менее основательные доводы и примеры, как и в пользу противоположного утверждения, что духовная несостоятельность людей является истинной причиной того, что они хватаются за веру в сверхъестественное» [7, т. 2, с. 305]. Догматизм формирует слепую уверенность в правоте избранного пути и в этом смысле религиозный догматизм способствует закреплению религиозного авторитаризма и противостоит свободомыслию в отношении религии [14, с. 961].

Крайней формой религиозного догматизма при определенных психологических условиях становится религиозный фанатизм, который может привести к массовым психопатическим эпидемиям [2, с. 55-60]. В.М. Бехтерев в известной своей работе приводит случаи негативного воздействия религиозных догм и религиозного догматизма в форме фанатизма на психологию личности и общества, поскольку «господствующие воззрения» способствуют передаче (индукции) психопатических состояний, демонстрируя в качестве примера многочисленные средневековые эпидемии бешености и др. заболевания [2, с. 56]. В западной литературе догматизм в крайних формах сопоставлялся с мышлением параноика, поскольку в обоих случаях отсутствует процедура проверяемости (lack of testability); однако признается, что не критичность в

случае паранойи проистекает из других в отличие от догматизма логико-познавательных особенностей мышления больного человека [25, р. 347-349].

С другой стороны, признается целесообразным использовать догматические представления и идеи с целью развития и воспитания неразвитого массового сознания [2, с. 140, 146]. Что не лишено основания. В самом деле, можно ли утверждать наличие в религиозном догматизме положительных моментов? Представляется, что положительные моменты религиозного догматизма связаны с возникновением религиозных понятий и ценностей (догм), играющих определенную роль в воспитании, обучении и развитии вообще человека (прежде всего верующего), а через это религиозный догматизм оказал влияние на развитие общества, государства и культуры.

Очевидно, что религиозные понятия как результат интериоризации обусловлены определенной познавательной потребностью, возникшей в целесообразной деятельности человека. Без целесообразной деятельности, как справедливо отмечается отечественными психологами, не может возникнуть и воспроизводиться ни одно понятие [3, с. 117]. Возникновение религиозных понятий связано с религиозной деятельностью. Развитие общества на определенном этапе выдвигает на передний план новый тип социальной деятельности, общения и трансляции культуры – религиозный. Поскольку на начальных этапах развития общества «религиозная деятельность составляет неперенное звено общей цепи [социальной] деятельности», то «религиозные отношения налагаются на другие связи в обществе, а его институты соединяют в себе власть религиозную и светскую» [20, с. 214]. Таким образом, религиозная деятельность как разновидность социальной выступает духовно-практическим способом освоения мира, но это освоение действительного мира связано с особым, догматическим способом отражения и восполнения действительности. Религиозный догматизм проявляется на определенном этапе развития общества в связи с усложнением социальной деятельности, увеличением объема социальной памяти и потребностью в передаче информации последующим поколениям.

Одним из способов ориентировки в окружающем мире являются религиозные понятия и ценности, которые человек усваивает в своем социальном опыте. Дело в том, что религия хоть и в иллюзорной форме, но отображает в общественном сознании общую картину мироздания, его законы. Религиозные понятия и ценности как неотъемлемые части человеческой культуры являются продуктами общественного развития и в этом смысле исторически способствовали развитию абстрактного мышления, высших психических функций, культуры и общественного сознания, выделению человека из мира природного (биологически детерминированного существа) в мир социальный. Очевидно, что на ранних этапах развития общества религиозные понятия и ценности способствовали социализации личности и выработке социальных норм поведения в древнем обществе. Механизмом усвоения этих понятий и ценностей выступал догматический способ мышления, т.е. догматизм в религиозной психологии. В этом проявилась позитивная роль религиозного догматизма на ранних этапах развития человека и общества. В филогенезе человека в процессе присвоения индивидом религиозных понятий и ценностей, культурных по своей природе, т.е. продуктов человеческой культуры, происходило преобразование природных функций в функции высшего порядка, психические функции, т.е. осуществлялось культурное развитие человека и развитие высших психических функций. Подтверждением этому могут служить работы отечественных психологов о влиянии общих понятий и культурных ценностей на развитие человека и общества.

Психическое развитие идет в направлении изменения функционального строения сознания, изменения и усложнения межфункциональных связей и отношений [3, с. 201]. Высшие психические функции не даны биологически а priori, а развиваются в ходе исторического развития [4, т. 3, с. 5-328]. Характеризуя историческое развитие психических функций, Л.С. Выготский особенно подчеркивал: «... Все дело не в изменениях только внутри функций, а в изменениях связей и в бесконечно разнообразных формах движения, возникающих отсюда, что возникают на известной стадии развития новые синтезы, новые узловые функции, новые формы связей между ними, и нас должны интересовать и их судьба» [4, т. 1, с. 131]. Сознание развивается в

целом, Л.С. Выготский особо подчеркивал, что речь идет о развитии в целом, а не о развитии отдельных психических функций [3, с. 200]. В ходе психического развития складывается система знаковой регуляции поведения человека, в которой специфическим (человеческим) способом регуляции деятельности выступают понятия как знаки-символы. Понятия складываются постепенно в ходе познания действительности. Как показали экспериментальные исследования процессов развития понятийного мышления в онтогенезе [3, с. 252-254], усвоить высшее понятие означает овладеть отношением общности, определить его место в системе других понятий, появление первого высшего понятия является симптомом прогресса в развитии. Усвоение понятий образует содержание процесса обучения и развития. Здесь надо иметь в виду, что общая связь между развитием человека и процессом обучения подтверждена данными психофизиологии [13, с. 397-398]. Характер обучения может носить и усвоение религиозных понятий, что связано со следующими обстоятельствами. В ходе обучения во многом усваиваются те понятия, которые образованы на основе коллективных представлений, возникших в общественном опыте какого-нибудь народа. Такие представления, как общие для всех членов данной группы передаются из поколения в поколение (в том числе конкретному индивиду) в уже сложившемся, сформированном виде, человек их сам не вырабатывает. В этом смысле такие коллективные представления предшествуют опыту отдельного индивидуума и имеют не зависящее от него существование подобно другим явлениям социальной природы, например, таким как язык. На ранних этапах развития общества человеку были свойственны религиозные представления, поэтому мир осмысливался также в религиозных понятиях, вырабатывались религиозные ценности. Исторически консервировались уже сложившиеся представления. Хотя религиозные понятия и ценности складывались в процессе фантастического осмысления действительности, но как абстракции они возникают в результате механизма интериоризации. Благодаря религиозным понятиям мир отражается как система упорядоченных связей, что становится инструментом развития и обучения на раннем этапе развития социума.

Религиозные понятия обладают одним важным, с точки зрения развития и обучения, свойством. Как наиболее широкие понятия, стремящиеся к абсолютным характеристикам (например, понятие «бога»), религиозные понятия по «закону эквивалентности» облегчают выстраивание их отношения к другим понятиям. Так, например, теизм, т.е. признание существования бога-творца, совмещающего в себе также характеристики абсолютного бытия, предполагает, что все сущее производно от него, что облегчает осмысление (в иллюзорной форме) человеком связей и отношений в мире как производного от бога-творца и имеющего общее основание с человеком в таком боге-творце и промыслителе. Поскольку религиозные представления и прежде всего признание духовного абсолюта выступают в религиозной системе наиболее общими понятиями, то, будучи выраженными в понятийной форме, они облегчают систематизацию и обобщение других понятий. В развитой форме религиозные понятия образуют систему категорий, отражающих наиболее существенные, с точки зрения верующих, свойства и отношения предметов, явлений объективного мира; устанавливается зависимость и иерархия между понятиями. Общеизвестно, что представления о божественном прошли длительный путь эволюции и являются продуктом абстрагирования, которое само по себе не является религиозным, но может войти и в сферу религиозного сознания. «... Христианский Бог является продуктом длительного процесса абстрагирования, квинтэссенцией множества прежних племенных и национальных богов...» [15, с. 126].

В этом смысле религиозные понятия способствуют психическому развитию личности не только в религиозном направлении, но также стимулируют развитие абстрактного мышления. Например, гроза и другие атмосферные явления объясняются действием какого-либо небесного бога. Мир предстает в сознании человека не как хаос неизвестного, а как упорядоченный космос. Э. Кассирер пишет о значении «слова» (что в научном отношении нужно понимать как «религиозные понятия») в «упорядочении мира»: «Религии, основывающие свой образ мира ... на дуализме доброго и злого, почитают в слове языка исконную силу, посредством которой

хаос только и мог превратиться в нравственно-религиозный космос» [9, с. 356]. М. Элиаде также отмечает религиозно-ритуальную природу преобразования «жизненного пространства» «... из “хаоса” в “космос”...» [18, с. 25]. Американский социолог П. Бергер определяет религию «... как человеческое отношение к космосу (включая сверхъестественное) как к священному порядку» [16, с. 348]. «Религия, – справедливо отмечается социологом – связывает “зыбкие конструкции эмпирических обществ” с высшей реальностью, помещая их в “священный космос”, который спасает человека от хаоса» [16, с. 713]. В свое время В.И. Ленин, говоря о важности понятийного мышления, писал, что «... самое простое *обобщение*, первое и простейшее образование *понятий* (суждений, заключений etc.) означает познание человека все более и более глубокой *объективной* связи мира» [11, с. 161]. Религиозное мышление, будучи специфическим (связанным с гипостазированием и атрибутизированием), способно оказывать влияние не только на религиозную сферу, но и способствовать общепознавательному процессу.

Так же обстоит дело с религиозными ценностями, являющимися собой конкретные императивы, побуждения к действию, сформулированные в понятийной форме. Дело в том, что в жизнедеятельности человека религиозные понятия приобретают аксиологический характер. Религиозные понятия становятся ценностями и уже как ценности настраивают верующего на приобретение качеств сверхъестественного, трансцендентного, выходящего за пределы конкретной личности, идеала. Например, к числу таких идеальных ценностей, имеющих обязательное психопрактическое значение для развития личности верующего, можно отнести уподобление, «со-распятие» Христу, сознательное культивирование качеств *Будды*, *Бодхисаттвы* и т.д. Религиозные ценности, выраженные в понятиях как религиозные догмы, способны сформировать как идеал, так и нравственный императив одновременно. Примером этого может служить идея божественного как вечного, непреходящего, неподвижного блага [5, с. 169]. В таком виде соответствующие религиозные догмы выступают в качестве духовных ценностей. В этой своей роли принятые верующим религиозные догмы как духовные ценности выражают абсолютные характеристики бытия и полностью поглощают личность, определяя ее специфическую тотальную религиозно-познавательную деятельность. Разумеется, такое усвоение не происходит, так сказать, абстрактно, а связано неразрывными узами с непосредственным участием верующего в религиозной деятельности своей общины.

Таким образом, в обучении и развитии верующего значительную роль играет усвоение религиозных «истин» (догм). Религиозное образование и воспитание на начальном этапе развития общества способствовало ориентировке человека в его жизнепрактической деятельности, наделяло деятельность самополаганием, придавало деятельности целенаправленный характер. Христианство, например, как религия с представлением об уникальности человеческой личности, способствовало развитию самосознания конкретного человека. Таково, например, обоснованное мнение американского социолога Д. Белла, который писал, что «... все исторические религии универсалистичны. <...> [Поэтому благодаря им] впервые оказалось возможным увидеть человека как такового» [16, с. 668]. Другими словами, посредством догм (понятий и ценностей) религиозный догматизм как специфически религиозный способ мышления определяет «зону ближайшего развития» верующего, поскольку именно в религиозном самополагании, т.е. в его стремлении обрести высшее благо и в личном индивидуальном опыте пережить состояние единения с божественным состоит духовная реализация верующего. Мысль о том, что религиозный догматизм способен играть положительную роль в обучении и культурном развитии верующего, согласуется с данными клинической психологии. В частности, отмечается, что «библейские заповеди» и религиозные представления наряду с нерелигиозными могут служить показателями психологической нормы при анализе взаимодействия человека с окружающей средой во «внутренней картине здоровья»: религиозные ценности, принятые осознанно, задают целостность внутреннего мира, что и определяет психологическое (духовное) здоровье человека [1, с. 267-271]. В этом смысле следует, очевидно, понимать отмечаемое иногда в западных исследованиях положительное влияние личной религиозности на воспитание, обучение и развитие

личности [23, р. 339-348]. В этом смысле религиозный догматизм может способствовать воспитанию нравственных качеств, выгодных с точки зрения общества. Можно согласиться с американским социологом Д. Беллом, который писал: «Исторически религия – как способ сознания, связанный с исходными ценностями, – послужила основой общепризнанного морального порядка» [16, с. 699]. Эту мысль целесообразно дополнить замечанием отечественного психолога С.Л. Рубинштейна об использовании религии в развитии человека. «...Субъект в своих деяниях, – писал психолог, – в актах творческой самодеятельности ... создается и определяется. Поэтому тем, что он делает, можно определять то, что он есть; направлением его деятельности можно определять и формировать его самого. На этом только и зиждется возможность ... педагогики в большом стиле. Большие исторические религии понимали и умели ценить эту определяющую силу действий. И [религиозный] культ был не чем иным, как попыткой ... породить соответствующее умонастроение (курсив наш. – Д.К.)» [17, с. 106].

Религия, как подчеркивается в литературе, затрагивает огромный пласт психической энергии [19, с. 78]. Эта психическая энергия может вести к благотворному преобразованию личности, а может привести к психопатическим состояниям. Американский социолог П. Бергер справедливо указывал, что «религиозная традиция удерживает “в берегах” те “ночи могущества”, которые иначе затопили бы всю нашу жизнь. Чем бы ни был религиозный опыт, он опасен. Эти опасности уменьшаются и рутинизируются посредством институционализации» [16, с. 352]. Дело в том, что важным элементом институционализации является не только учреждение единой системы управления общины верующих (церкви), но и формирование религиозного эксплицитного догматизма в общине, т.е. единой строго формализованной системы религиозных представлений, а впоследствии – догматики как систематического изложения и рационального обоснования основ вероучения. Институционализация религии, учреждение единой церкви и развитие единой, догматической по характеру системы представлений ограничивает возможности психопатизации личности; массовые помешательства развиваются вне единой церкви, хотя иногда и церковь может подпасть под их влияние. В специальной психиатрической литературе отмечается особая опасность представителей «так называемых тоталитарных сект», в которых «патология решения», его неадекватность реальной ситуации может привести к трагедии [6, с. 444-448].

Догматизм через религиозное целеполагание подчиняет все психические функции религиозной цели, психическая энергия аккумулируется для достижения цели. Это связано с тем, что религиозный догматизм с его представлением о высшем благе (боге и т.д.) способен подчинить всю психическую энергию на службу человеку. Такую позитивную психологическую особенность подчинения одной, единой цели справедливо отмечал Л.С. Выготский. «В самых высших случаях там, где мы имеем этически наиболее совершенные человеческие личности с наиболее красивой духовной жизнью, мы имеем дело с возникновением такой системы, где все соотносено к одному. <...> Для Спинозы единая идея является *идеей бога* или природы (курсив наш. – Д.К.)» [4, т. 1, с. 131]. В этом смысле религиозный догматизм выступает исторически преходящей формой мобилизации всей психической энергии человека в «единый кулак».

Общественно-историческое значение религиозного догматизма состоит также в том, что комплекс религиозных догм, ритуалов и обрядов на заре образования общества и государства создает единую интегративную форму социального бытия. Религия способствовала объединению различных народов под едиными верованиями, обычаями, социальными установками в сформировавшихся (благодаря развитию экономических, политических связей, завоеваний и т.д.) государствах. Важной составной частью этого процесса был догматизм как свойство религиозного сознания, посредством которого формировался стереотип поведения; происходило сплочение людей на почве представленных неизменными общих идей и представлений, ритуалов и обрядов, тем самым религиозный догматизм препятствовал хаотизации общественной жизни. В литературе отмечается, что религиозный догматизм выражает потребность в порядке, структурировании и интеграции [25, р. 186]. Особенно стоит отметить роль догматизма как системы общих религиозных верований, скрепляющих различные народы, при образовании древ-

них империй. В данном случае религиозный догматизм служил делу мобилизации общественных сил для решения задач, поставленных историей перед крупными государственными образованиями. «... Египетская цивилизация, – справедливо утверждал Г. Лебон, – средневековая европейская цивилизация, мусульманская цивилизация арабов – все они происходят из того небольшого числа *религиозных верований* (курсив наш. – Д.К.), которые наложили свой отпечаток на самонаименование элементов этих цивилизаций, вследствие чего можно с первого же взгляда распознать эти основные верования» [10, с. 257]. Мы бы могли добавить к этому списку следующие государства, имеющие относительно длительный период существования: Персидская империя (зороастризм, зурванизм), Гуптская империя (индуизм), империя Оттонов (католицизм), Британская империя (англиканство, король – глава церкви), Киевская Русь, Московское княжество и Российская империя (русское православие) и другие. Это связано, на наш взгляд, с тем, что религиозный догматизм способствует сохранению исторически накопленного культурного опыта. Исследования выявили положительную корреляцию (*positive relations*) между догматизмом и «культурным консерватизмом» (*cultural conservatism*) [21, р. 460]. Эти мысли получили свое фактическое обоснование в другой работе автора [22, р. 377].

Можно сделать вывод, что религиозный догматизм проявляется на определенном этапе развития общественного сознания, обусловленном материальными отношениями, историческим типом коммуникации, господства и подчинения в обществе. Обосновывая положение о том, что религиозный догматизм обладает чертами односторонности, недиалектичности познания, субъективизма, априоризма, абстрактности, абсолютизации данных сознания и, следовательно, играет негативную роль в развитии духовной культуры, следует учесть, что в нем содержатся и некоторые позитивные свойства, так как он содействует сохранению и передаче последующим поколениям тех или иных культурных традиций, связанных не только с теми или иными религиозными представлениями и категориями, но также с моральными и правовыми нормами, эстетическими ценностями, полезными мирскими обычаями и т.д. Кроме того, к числу положительных сторон религиозного догматизма можно отнести также определение «зоны ближайшего развития» верующего через специфически религиозный способ мышления; способствование на определенном этапе развитию мышления в филогенезе и обучению человека через формируемые религиозные понятия, которые по «закону эквивалентности» как наиболее широкие понятия облегчают выстраивание их отношения к другим понятиям. В целом феномен догматизма составляет импликацию установки поведения, предполагающую возможность концептуализации этой установки в сознательную позицию.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Абдуллаев А.А.** Внутренняя картина здоровья // «Зона ближайшего развития» в теоретической и практической психологии: материалы XI междунар. чтений памяти Л.С. Выготского. - М.: РГГУ, 2010. - С. 267-271.
2. **Бехтерев В.М.** Внушение и его роль в общественной жизни. - СПб.: Питер, 2001.
3. **Выготский Л.С.** Мышление и речь. - М.: Лабиринт, 1999.
4. **Выготский Л.С.** Вопросы теории и истории психологии: собр. соч. в 6 т. - М.: Педагогика, 1982-1984. - Т. 1-6.
5. **Давыдов Ю.Н.** Искусство как социологический феномен. К характеристике эстетико-политических взглядов Платона и Аристотеля. - М.: Наука, 1968.
6. **Ефремов В.С.** Индуцированные бредовые расстройства и смежные с ними феномены: историко-культуральный подход. - СПб.: Нестор-История, 2008.
7. **Зиммель Г.** Избранное. - М.: Юрист, 1996. - Т. 1-2.
8. **Ильин И.П.** Постмодернизм от истоков до конца столетия: эволюция научного мифа. - М.: Интрада, 1998.
9. **Кассирер Э.** Избранное: Индивид и космос. - М.- СПб.: Университетская книга, 2000.
10. **Лебон Г.** Психология народов и масс. - СПб.: Макет, 1995.
11. **Ленин В.И.** Философские тетради // Ленин В.И. Полн. собр. соч. - изд. 5-е. - М.: Политическая литература, 1977. - Т. 29. - XXIX.
12. **Попова М.А.** О психологии религии // Актуальные проблемы научного атеизма. - М.: Знание, 1969. - № 7.

13. Психофизиология: учеб. для вузов / под ред. Ю.И. Александрова. - СПб.: Питер, 2008.
14. Религиоведение: энциклопедический словарь. - М.: Академический проект, 2006.
15. Религиоведение: учеб. пособие и учеб. словарь-минимум по религиоведению. - М.: Гардарики, 2000.
16. Религия и общество: Хрестоматия по социологии религии / сост. В.И. Гараджа, Е.Д. Руткевич. - М.: Аспект Пресс, 1996.
17. Рубинштейн С.Л. Принцип творческой самостоятельности (К философским основам современной педагогики) // Вопросы психологии. - 1986. - № 4. - С. 101-108.
18. Элиаде М. Миф о вечном возвращении: Архетипы и повторение. - СПб.: Алетейя, 1998.
19. Юнг К.Г. Психология бессознательного. - М.: АСТ-ЛТД: Канон+, 1998.
20. Яблоков И.Н. Философия религии. Актуальные проблемы: Монография. - М.: РАГС, 2007.
21. Crowson H.M. Are all conservatives alike? A study of the psychological correlates of cultural and economic conservatism // The Journal of Psychology. - 2009. - Vol. 143, №5. - Pp. 449-463.
22. Crowson H.M. Does the DOG Scale measure dogmatism? Another look at construct validity // The Journal of Social Psychology. - 2009. - Vol. 149, № 3. - Pp. 365-383.
23. Francis L.J. The influence of religion, gender, and social class on attitudes toward school among 11-Year-Olds in England // JEE. - 1992. - Vol. 60, № 4 / Summer, 1992. - Pp. 339-348.
24. Rudnick A. Paranoia and reinforced dogmatism: beyond critical rationality // Philosophy of the Social Sciences. - 2003. - Vol. 33, № 3 / September 2003. - Pp. 339-350.
25. Saroglou V. Beyond dogmatism: the need for closure as related to religion // Mental Health, Religion & Culture. - 2002. - Vol. 5. - № 2. - Pp. 183-194.
26. Zagona S.V., Zurcher L.A., Jr. Notes on the reliability and validity of the dogmatism scale // Psychological Reports. - 1965. - Vol. 16, № 3 Part 2 / June 1965. - P. 1234-1236.

PLACE AND ROLE OF RELIGIOUS DOGMATISM IN THE HISTORY OF SOCIETY AND CULTURE

Kanakov D.V.

This article provides a brief outline of the role played by religious dogmatism in the history of society and culture. Influence of dogmatism received unilateral negative characterization of the scientific literature, so it is advisable to consider this issue comprehensively and identify positive aspects associated with dogmatism.

Key words: religious dogmatism, development, society, culture.

Сведения об авторе

Канаков Дмитрий Владимирович, 1975 г.р., окончил МГУ им. М.В. Ломоносова (2007), кандидат философских наук, доцент кафедры философии и культурологии МГУ ПС (МИИТ), автор 20 научных работ, область научных интересов – религиоведение, философия религии, востоковедение.

УДК 130.2:392

ГЕНДЕРНЫЕ МОДЕЛИ МИФОЛОГИЧЕСКИХ СИСТЕМ ЕВРОПЫ И СОВРЕМЕННОСТЬ

О.Ю. ШИБАРШИНА

Статья представлена доктором философских наук, профессором Гараниной О.Д.

Проведен анализ распределения доминирующих гендерных ролей в древнегреческой, славянской, кельтской мифологических системах. Показано влияние гендерных моделей, презентированных в европейской мифологии на формирование национального гендерного поведения. Проведенное исследование позволило сделать следующие выводы о распределении доминирующих ролей: древнегреческая мифология - мир был сотворен в результате союза богов; славянская мифология - в сотворении мира главенствующую роль играет мужской образ; кельтская мифология - мир сотворен женским персонажем. Показано, что мифологическая модель гендерного поведения в различных странах выступила в значительной степени архетипом национального гендерного поведения.

Ключевые слова: гендер, гендерное поведение, мифологическая система.

В современном обществе уже сложились определенные стереотипы гендерного поведения, и для каждой страны (или группы стран) они своеобразны. Это своеобразие обусловлено историческими, социокультурными, этническими, географическими факторами, а также традициями и обычаями, сложившимися в процессе жизнедеятельности людей определенных регионов. Развитие знания о контекстах спецификации гендерного поведения в разных странах предполагает обращение к глубинным пластам содержания человеческой культуры, отраженным в национальных мифологических системах.

Мифологическое сознание является древнейшей формой осмысления мира, понимания природы, общества и человека. Миф – способ обобщения мира в форме наглядных образов. С помощью мифов люди стремились объяснить различные природные, социальные и эмоциональные явления. Мифы были призваны упорядочить жизнь древних людей, объяснить смыслы предметов, событий, процессов мира как места бытия человека. Уже в те древние времена человечество разрабатывало содержание мифов не просто как совокупность сказок и выдумок, а как целостное мировоззрение. Современные специалисты говорят о мифологии как о многофункциональном феномене человеческой мысли, придавая мифотворчеству особую роль в формировании национальной культуры.

Национальная культура – это «иносказательный образ» идеала человеческого поведения той или иной страны. Благодаря мифологии в каждой стране сформировался свой менталитет, в котором особую роль играют гендерные взаимоотношения. Мужчины и женщины относятся друг к другу так, как завещали им предки через целые системы мифов, пантеонов, героев и существ. Можно предположить, что в соответствии с традициями древнего гендерного поведения, отраженными в мифах, во многом формировались и современные модели межполовых взаимоотношений.

Проведем анализ гендерного распределения ролей на примере наиболее развитых мифологических систем Европы. Все мифы условно можно подразделить на три группы [1]:

- **космогонические мифы** – это мифы о сотворении мира: здесь хаос противопоставляется упорядоченности;
- **эсхатологические мифы** – это мифы об окончании мира, «конце света»;
- **антропогонические мифы** – это мифы о сотворении человека.

Эти три группы выделены по нескольким причинам. Во-первых, они характерны почти для всех развитых мифологических систем. Во-вторых, гендерное распределение ролей в этих мифах проектируется на гендерную модель поведения людей: космогонические – на построение семьи как своего собственного маленького мира, антропогонические – на рождение и воспитание детей, а эсхатологические – на негативные и кризисные ситуации.

Каждая из мифологических групп будет обозначена маркером-буквой, которая будет означать главенствующую роль представителя определенного пола в мифических ситуациях:

- М – мужчина;
- Ж – женщина;
- С – союз мужчины и женщины;
- А – андрогин (существо либо бесполое, либо наделенное признаками обоих полов);
- Б – обезличенная категория (т.е. события или предметы появляются или случаются сами собой).

Анализ содержания европейской мифологии позволил провести маркировку основных мифологических групп (систем) в соответствии с эксплицированным в них распределением гендерных ролей.

1. Древнегреческая мифология:

- космогонические мифы – С;
- эсхатологические мифы – Б;
- антропогонические мифы – М.

2. Славянская мифология:

- космогонические мифы – М;
- эсхатологические мифы – Б;
- антропогонические мифы – М.

3. Кельтская мифология:

- космогонические мифы – Ж;
- эсхатологические мифы – Б;
- антропогонические мифы – Б.

Согласно проведенной маркировке можно сделать следующие выводы:

1. *Древнегреческая мифология*: мир был сотворен в результате союза богов (Геи – Земли и Урана – Неба), мир должен разрушиться, если погибнут все боги, люди были сотворены мужским образом (Прометей лепил людей из глины).

2. *Славянская мифология*: в сотворении мира главенствующую роль играет мужской образ (Бог, плавающий в лодке, по молениям Дьявола сотворил в бескрайнем океане Землю), наступление «конца света» обезличенно (следствие определенной цепочки событий), люди также были сотворены мужским персонажем (Богумир – бог, сотворивший людей).

3. *Кельтская мифология*: мир сотворен женским персонажем (Великая Мать существовала прежде начала мира, она же мир и сотворила), разрушение мира обезличенно (цепочка определенных событий), появление людей также обезличенно (они либо появились с сотворением мира, либо же пришли «с других земель»).

Среди различных богов в каждом пантеоне распределены обязанности. Определение «сфер влияния» богов и богинь также важно для характеристики распределения гендерных ролей. Анализ гендерного распределения основных «сфер влияния» в указанных мифологических системах позволил сделать следующие выводы:

1. *Древнегреческая*: близкая к патриархату модель, богам подвластны стихии подземного царства, богиням – чувства, репродуктивные функции.

2. *Славянская*: близкая к равенству модель, богам подвластно практически все, но часть функций передается женским образам.

3. *Кельтская*: близкая к патриархату модель, богам подвластны стихии, чувства и потусторонний мир (некоторые функции выполняют женские персонажи), богиням – репродуктивные функции и чувства (некоторые функции выполняют мужские персонажи).

Мифологическая модель гендерного поведения в различных странах явилась в значительной степени архетипом, прообразом национального гендерного поведения. Далее проанализируем традиции взаимоотношения полов в странах, которым принадлежат рассмотренные мифологические системы.

Греция

Мифологическая модель: близкая к патриархату.

Реальные гендерные отношения [2; 3].

Греция и по сей день остается страной с патриархальным укладом. Современные гречанки кажутся нам очень раскованными и гордыми, однако это лишь следование моде на эмансипацию. На самом же деле, женщины в Греции сильно зависимы от мужчин. Это происходит потому, что сформировавшийся архетип зависимой женщины продолжался в течение всей истории.

С давних времен греческая женщина попадает под мужскую «пьяту». Она не выходит из дома, ее жизнь заключается в служении мужу и детям. В наши дни мужчина в греческой семье является главным, женщина должна почитать и уважать своего мужа, но не пресмыкаться, как это принято в мусульманских семьях. Вопреки многим мнениям, греки – верные мужья. Мечта мужчины-грека – жить в огромной семье: жена, дети, мать, отец, бабушка и дедушка, теща, тесть, шурины, невестки (ассоциация с большой семьей богов Олимпа).

Права обоих супругов практически равны, кроме тех, которые касаются только женщины: все домашнее хозяйство лежит на плечах женщины. Мужчины, конечно, могут помочь женщине, когда на нее наваливается слишком много работы.

В воспитании детей оба супруга принимают участие, но если это мальчик, то отец проводит с ним намного больше времени, чем мать. Отец старается воспитать в мальчике настоящего мужчину, он берет на себя все обязанности, связанные с воспитанием малыша и разгружает свою супругу.

Греческая модель гендерных отношений сохранилась до сих пор. Патриархальный строй семьи, который можно наблюдать в современной Греции, во многом соответствует гендерной модели поведения, продиктованной примером жителей Олимпа. Также стоит отметить, что такая модель была поддержана современной религией Греции – христианством.

Россия, Украина, Белоруссия, Польша, Словения, Словакия (славянские страны)

Мифологическая модель: близка к равноправию.

Реальные гендерные отношения [4].

Славянская культура охватывает большую территорию, поэтому гендерные модели поведения могут различаться в тех или иных странах: в Польше, например, значительное влияние западной культуры привело к появлению «жестокое и деспотичное» патриархата, а в России и Украине мужчины всегда уважали и берегли не только невест, но и жен. Выделим общие тенденции в гендерных отношениях стран славянского происхождения.

Культура славянских народов в плане половых отношений своеобразна. В самом общем виде это своеобразие можно оценить как приверженность традиционным ценностям, более патриархальному типу устройства семьи в сравнении с другими европейскими культурами. Такое отношение сохраняется и сейчас: русская женщина мечтает видеть около себя «богатыря», за которым она будет как за каменной стеной, который будет её опорой, который поведет её за собой. Даже вступление женщины в брачные отношения звучит как «выйти замуж», т.е. быть за мужем. Это говорит о том, что в сознании славянской женщины закреплен положительный стереотип патриархальных отношений. С другой стороны, русские мужчины ищут среди женщин не только красивую, добрую и хозяйственную, но и ту, которая в любой ситуации будет «надежным тылом». Именно последнее свойство отличает славянских женщин от других. В этой связи можно сказать, что для славян характерно некоторое равноправие в отношении полов, с уклоном в сторону патриархата.

Мужской образ у славян многообразен. Настоящий мужчина — это «мужик», и не в крестьянском смысле, а по своей внутренней силе и независимости, имеющий на все свой взгляд и отстаивающий его, сильная и властная личность. Как правило, мужчины славяне должны обладать каким-либо особенным качеством: умом, силой или богатством. Причем если одно из них у него присутствует, то два других традиционно могут быть рудиментными. Предназначение

славянского мужчины – быть защитником. Именно не воином, а защитником. Однако такое позиционирование мужской роли могло появиться у славянских народов (преимущественно в России) после нападения татаро-монгольского ига. Также у славян большим уважением пользуется мужчина в возрасте. Многие боги, хранители тайн или демиурги изображались стариками.

Женский образ у славян односложен. Одно из главных качеств – ум. Но ум означает вовсе не интеллект или занятия умственным трудом, а скорее житейскую мудрость, умение понять другого человека, встать на его точку зрения, быть гибкой в принятии решений и проявлять толерантность, быть верным другом мужа, иметь сердечную доброту и внимание к другим людям. Иначе говоря, имеются в виду социально-этические характеристики человека, его способность адаптироваться в социуме, особенно в семье. Главное жизненное предназначение славянской женщины – быть «тылом», где мужчине можно отдохнуть от житейских бурь и волнений, прийти в себя, чтобы завтра снова быть готовым к бою.

Взаимоотношения полов можно наилучшим образом проследить в традиционном семейном укладе славянских народов. Традиционно социальная роль мужчины в славянской семье — это роль главы семейства, защитника, покровителя, добытчика, кормильца, помощника в тяжелом физическом труде. А жена обязательно должна родить детей, заниматься их здоровьем и воспитанием, хранить и беречь семейное тепло, создавать атмосферу любви. Стоит заметить, что в славянских семьях для мужчин нормальна физическая помощь жене в домашнем хозяйстве, но труд резко разделяется на мужской и женский. Мужчина женский труд выполнять не будет (даже при необходимости), но женщина мужской труд выполнить способна. Также славянская женщина – прежде всего мать, поэтому все родительские заботы падают на её плечи. При этом она может быть не только матерью своим детям, но и внукам. Помимо всего вышеперечисленного, необходимо подчеркнуть такую особенность славянской семьи, как неопределенность, размытость ее социальных границ, которая сохранилась и в наши дни. Издревле главной причиной вступления в брак являлась любовь, а не расчет, поэтому сейчас женщина с высшим образованием может быть женой мужчины, имеющего всего лишь среднее образование.

Особое внимание необходимо уделить эмоциональной и интимной стороне супружества славян. В этой культуре резко разделяются любовь и секс. При этом любовь понимается как отношения между людьми, а секс — это только физическая «связь». Вообще понятие любви у славян своеобразное, что также является характерной особенностью гендерных взаимоотношений. «Любовь» для славян часто включает в себя отказ от своего собственного «Я» ради другого и выражается в самоотдаче, самопожертвовании. Истинная любовь — это отказ от собственной свободы, от эгоистического самоутверждения личности, растворение себя в любимом человеке. Причем это присуще как мужской модели, так и женской модели гендерного поведения.

Славянская культура, можно сказать, одна из самых «мягких» в плане гендерных взаимоотношений. Патриархальные основы прослеживаются в семейном укладе, но в основе лежит желание взаимопомощи. Особой ценностью в гендерных отношениях славян является любовь.

Ирландия, Великобритания, Франция, Германия (кельтская мифология)

Мифологическая модель: близкая к патриархату.

Реальные гендерные отношения [5; 6; 7].

Прежде чем говорить о странах, на территории которых существовала кельтская культура, стоит сказать, что отголоски её слышатся по всей Европе, но именно кельтские традиции сохранились по большей части в Ирландии. Однако постараемся выделить общие элементы гендерных отношений кельтской культуры.

Отношения мужчин и женщин у кельтских народов формировались необычно. В основе всего находится женщина, но её власть всегда оспаривалась мужчинами, которые впоследствии побеждали. Таким образом, патриархальные традиции взяли верх над правами женщин у самого начала времен, однако архетип женской праматери сохранился в женском сознании, что можно заметить и сейчас: всеобщая женская эмансипация Европы.

Мужчины в кельтской культуре – решатели. Другими словами, волевое решение или же инициатива о создании семьи принадлежит именно мужчине. На женский взгляд, им не хватает романтичности и хороших манер, тем не менее они надежны и заботливы. Женщины – исполнители. Женское ролевое поведение заключается не только в деторождении, но и в повиновении мужчине. Положение женщины в обществе определялось по отношению к её родственникам-мужчинам. Вместе с тем у женщин в кельтской культуре было гораздо больше свободы, чем, например, в Греции.

Семейные отношения кельтов складывались согласно патриархальным устоям, однако в отношении собственности были свои особенности. Например, в Ирландии право на собственность, приобретенную в браке, имели как мужья, так и жены, хотя права женщин были более ограничены. Семья выступает главной ценностью, однако родственники и супруги живут отдельно. Большие праздники в кельтской традиции – это время встречи всех живущих поколений семьи. Можно заметить, что подобная традиция сохранилась и до сих пор. Отношения между супругами и между родственниками всегда дружеские и очень крепкие. Мужчина занимался не только добычей внешних благ для семьи, но и брал на себя часть домашних обязанностей. Женщина же занималась исключительно воспитанием и обеспечением благосостояния детей. Этой сферы мужчина не касается никогда. Даже сейчас мужчины в Ирландии стараются увильнуть от процесса воспитания ребенка, особенно в первые годы жизни малыша. Также и женщина не имела права решать что-либо в вопросах «семейного бюджета» и судьбы семьи. В наши дни в Ирландии фактически только отец имеет настоящие права, потому что только отец может решить, где будет жить ребенок, куда он может пойти учиться. Только отец может решить вопрос о лечении ребенка и давать согласие на сложную операцию. Кроме этого, отец совершенно спокойно может бросить семью, уехать в другую страну, забрать детей у матери и при возвращении опять восстановить все свои права. Помимо этого, пока женщина состоит в браке, все финансовые вопросы решаются мужчиной. Женщина в Ирландии может рассчитывать только на средства, которые супруг может выделить для нее на то, чтобы вести хозяйство и одевать детей.

Кельтская культура утверждает особую ценность семьи. Мужчина и женщина созданы для создания семейных отношений, поэтому все гендерные роли в этой культуре основаны именно на правилах семейного уклада. Патриархальность основана не на роли женщины-наложницы, а на роли женщины-исполнителя.

Проанализировав все вышеизложенные системы гендерных отношений в различных странах, можно прийти к выводу: современные модели взаимоотношения женщин и мужчин, семейный уклад и основные ценности в гендерной диспозиции разных стран во многом отражают аналогичные категории, представленные в соответствующих мифологических системах.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Найдыш В.М.** Мифология. - М.: КноРус, 2010.
2. Современные греки [Электронный ресурс]. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Psihol/Mats/08.php (дата обращения: 26.05.13).
3. Женский образ античности и современной Греции [Электронный ресурс]. URL: <http://do2.gendocs.ru/docs/index-419971.html?page=7> (дата обращения: 26.05.13).
4. Русские стереотипы поведения, традиции, ментальность [Электронный ресурс]. URL: http://www.xliby.ru/kulturologija/russkie_stereotypy_povedenija_tradicij_mentalnost/p1.php (дата обращения: 6.05.13).
5. Отношения между мужчинами и женщинами в Австрии [Электронный ресурс]. URL: http://www.reisen.ru/Austria/info/Austria_info_61.html (дата обращения: 6.05.13).
6. Семьи Ирландии [Электронный ресурс]. URL: http://www.molomo.ru/inquiry/family_french.html (дата обращения: 6.05.13);
7. Европа, чем мужчины хуже женщин? [Электронный ресурс]. URL: <http://korrespondent.net/world/15083-germaniya-chem-muzhchiny-huzhe-zhenshchin> (дата обращения: 6.05.13).

GENDER PATTERNS OF MYTHOLOGICAL SYSTEMS OF EUROPE AND MODERNITY**Shibarshina O.Y.**

The author performed the breakdown analysis of dominating gender roles in different mythological systems. The author showed the influence of the gender mythological model on formation of the national gender behavior. For performing the analysis, the most developed mythological systems were chosen, i.e. the Classical Greek mythology, the Slavic mythology, the Celtic mythology. The performed research allowed to make the following conclusions about the allocation of dominating roles. The Classical Greek mythology: the World was created as the result of the union of gods. The Slavic mythology: a male character plays the leading role in the Creation. The Celtic mythology: the World was created by a male personage. The study showed that the mythological model of the gender behavior in different countries is to a great extent the archetype of the national gender behavior.

Key words: gender, gender behavior, mythological system.

Сведения об авторе

Шибаршина Ольга Юрьевна, окончила РГРА (2002), кандидат социологических наук, доцент НОУ ВПО «Московский психолого-социальный университет» (филиал, г. Рязань), автор 16 научных работ, область научных интересов – социальная философия, философская антропология, гендерология, социология молодежи.

УДК 371.6

ТРАНСФОРМАЦИЯ ГЕНДЕРНЫХ СОСТАВЛЯЮЩИХ СОВРЕМЕННОГО СЕМЕЙНОГО ВОСПИТАНИЯ

Э.М. ЛУЩЕНКО

Статья представлена доктором философских наук, профессором Некрасовым С.И.

Статья посвящена трансформации института родительства, выразившимся в изменении структуры и функций семьи. Выявлены проблемы феминизации и маскулинизации в процессе семейного воспитания. Определены тенденции развития института родительства, а также различные факторы, повлиявшие на трансформацию института родительства.

Ключевые слова: институт родительства, отцовство, материнство, гендер, брак, феминность, маскулинность.

Постоянное изменение современного общества приводит к многочисленным изменениям внутрисемейных отношений, в частности, распределения гендерных ролевых функций между мужчинами и женщинами. Особенно эти трансформации воздействуют на самый сложный и древний социальный институт – институт родительства.

Изменения экономического и социального характера накладывают отпечаток на современную семью, ее функции, формирование и распределение ролей внутри семьи. Безусловно, на все эти составляющие влияют также ценностные ориентиры, уровень образованности, представления мужа и жены о собственном месте в семье и соответствующие установки на выполнение тех или иных внутрисемейных обязанностей. Ряд исследователей в последние годы сосредоточили свое внимание на вопросе о том, как мужское и женское начало влияют на распределение ролей в политике, в семье и т.д.

В основе семейных отношений между мужем и женой лежат их понимание своей сексуальной идентичности, интерпретация ими той роли, которую они играют в семье, а также своего социокультурного статуса. Рассмотреть данные роли можно через два понятия – «маскулинность» и «фемининность» (феминность). Маскулинность (мужественность) представляет собой комплекс характеристик поведения, возможностей и ожиданий, детерминирующих социальную практику мужской группы, объединенной по признаку пола. Другими словами, маскулинность – это то, что вкупе с анатомией создает мужскую гендерную роль. Фемининность (феминность, женственность) – характеристики, связанные с женским полом, или характерные формы поведения, ожидаемые от женщины в данном обществе [2, с. 69]. Иными словами, биологическая половая дифференциация представлена и закреплена в культуре через архетипическую символику мужского или женского начала. Это выражается в том, что многие не связанные с полом понятия и явления (природа, культура, стихии, цвета, божественный или потусторонний мир, добро, зло и многое другое) ассоциируются с мужским/маскулинным или женским/фемининным началом. Таким образом, возникает символический смысл «женского» и «мужского», причем «мужское» отождествляется с Богом, творчеством, светом, силой, активностью, рациональностью и т.д. (и соответственно Бог, творчество, сила и прочее символизируют маскулинность, мужское начало). «Женское» ассоциируется с противоположными понятиями и явлениями – природой, тьмой, пустотой, подчинением, слабостью, беспомощностью, хаосом, пассивностью и т.д., которые в свою очередь символизируют фемининность, женское начало. Классификация мира по признаку «мужское-женское» и половой символизм культуры отражают и поддерживают существующую гендерную иерархию общества в широком смысле слова [5, с. 208].

Мужское начало связано с ментальным телом, с рациональной стороной бытия, а женское – с эмоциональным телом, т.е. с иррациональной стороной. Мужское и женское начало равноценны. Для того чтобы образовалась пара, а затем семья, одинаково важно участие и женщины, и мужчины. Именно в ребенке мужское и женское достигают полноты. Став отцом, мужчина становится в полном смысле мужчиной, и став матерью, женщина становится в полном смысле женщиной, и через ребенка мужчина и женщина становятся нерасторжимым целым – их связь, как родителей, остается навсегда.

Женское начало – это нечто мягкое, нежное, сопровождающееся массой эмоций и отсутствием наказаний. А мужское начало, наоборот, ориентировано на строгость, четкость и железную дисциплину. Мать, вынашивая ребенка, существует с ним как одно целое на протяжении нескольких месяцев, затем кормит младенца грудью, заботится, ухаживает. Они невероятно тесны и физически, и эмоционально. Мужчина должен создавать для беременной женщины (а позже для матери с ребенком) определенные условия, в которых они должны чувствовать себя комфортно и ощущать защиту. Женщинам чаще всего отводится роль хранительницы семейного очага, которая обеспечивает целостность семьи и поддерживает благоприятную атмосферу в доме. Мужчина же выполняет роль опоры семьи – делает карьеру, зарабатывает деньги, строит дом, защищает семью и т.п.

В древности, в отличие от настоящего времени, роли мужчины и женщины в семье были четко определены. Мужчина занимался добыванием средств к жизни, материальным обеспечением семьи. Женщина занималась домом, семьей или такой работой, которую можно было совмещать с домашними делами и уходом за детьми. Иначе быть и не могло. В семье было много детей, и вполне естественно, что именно женщина, которая их вынашивала и рожала, была с ними связана на всех уровнях. В старину дети лет до десяти находились под присмотром матери, а затем, как показывают исследования современных ученых, дети начинали заниматься взрослой работой вместе с родителями того же пола. С этого времени мальчик начинал большую часть своего времени проводить с отцом, помогая ему в его деятельности. Девочка соответственно занималась взрослой работой и трудилась вместе с матерью, как женщина. Таким образом, если маленьких детей воспитывали женщины, и это относилось к женским обязанностям, то старших мальчиков воспитывал мужчина. Отец воспринимает ребенка как отдельную, новую для него личность и лишь постепенно начинает строить с ним отношения, учится понимать, учится чувствовать его потребности. Ему не дано это природой изначально. Отцу необходимо научиться этому. Ему нужно все больше и больше знакомиться с ребенком. Чем личность ребенка становится интереснее, тем более понятной она делается для отца. Поэтому неудивительно, что чем старше становится ребенок, тем интереснее общение с ним кажется отцу. Речь идет не о любви, а об умении проводить с ребенком время. Поэтому очень естественно, что в традиционных культурах ребенок сначала проводил большую часть времени с матерью, а затем с отцом, в общении с которым происходило научение каким-то профессиональным навыкам. Все это имеет под собой и генетическое, и историческое основание. Отсюда родились традиционно мужской и традиционно женский стили воспитания [7, с. 10]. В этом отношении интересно, что египетская (ныне арабская) культура с ее традиционным образом жизни запечатлела такой уклад даже на уровне законодательства. Так, по египетским законам при разводе (который случается крайне редко, но все же случается) дети младше двенадцати лет любого пола остаются с матерью, а все дети старше двенадцати лет остаются с отцом.

Традиционно женское начало в воспитании реализуется в полном принятии ребенка, со всеми его положительными и отрицательными чертами характера, со всеми его достоинствами и недостатками, в проявлении любви к нему и заботы, мягкости как в обращении, так и в требованиях к нему. Неудивительно, что такой тип отношения к ребенку складывался именно у женщины. Ведь именно мать проводила все свое время с беззащитным малышом, от которого еще ничего нельзя требовать. Он нуждается в любви, заботе, мягкости и нежности.

Традиционно мужское начало в воспитании проявляется в требовательности к ребенку, в ожидании от него высоких достижений. Опять же, исторически это вполне объяснимо. Отец обучал сыновей взрослой работе, готовил их к взрослой жизни, и он должен был требовать серьезности и ответственности. Однако если ребенок не будет чувствовать к себе любви, а отношение к нему со стороны отца будет основано на каких-то его достижениях, то ребенок может усомниться в своей личностной ценности. Он может вырасти серьезным, умелым, ответственным человеком, но не умеющим радоваться жизни и своему существованию.

Ребенку для правильного развития необходимо сочетание мужского и женского начала. Ребенок, собственно, и получал это сочетание в традиционной семье, воспринимая от отца – мужскую требовательность и от матери – женскую чувствительность. Понятно, что ребенку необходимы мягкость и принятие его. Без них ребенок рискует вырасти сухим и эмоционально бедным. Но и без требовательности не обойтись. Без нее ребенок вырастет в инфантильного взрослого, безответственного и несерьезного. Поэтому так важно, чтобы ребенок получил оба эти типа отношения к себе.

Современные социально-экономические трансформации существенным образом отразились на жизнедеятельности семьи, ее устойчивости и стабильности. Поэтому сегодня можно говорить о кризисе семейных отношений, а важнейшая составляющая кризиса семьи – кризис родительства. Исследователи отмечают, что семья не справляется с выполнением своих основных функций, в первую очередь репродуктивной и социализирующей.

Сейчас роли отца и матери настолько смешаны, что непонятно, можно ли вообще говорить о каких-то особых сферах в семье, более подходящих для определения мужского и женского начала. Сейчас практически нет того вида деятельности, в которой не может принимать участие женщина: и физическую работу женщина часто выполняет наравне с мужчинами, и интеллектуальную. Что же касается мужского и женского начала в семье, то это вообще вопрос очень тонкий и неоднозначный. Сколько приходится видеть мужчин с совершенно инфантильным, безответственным характером (слабовольных мужчин). А с другой стороны, именно женщине часто приходится брать на себя традиционно мужские свойства и функции, такие как мужественность, ответственность, необходимость быть сильной, решать сложные ситуации, оберегать свою семью [6, с. 99].

Сегодня происходит реальное осмысление с позиции гендера проблем семейно-брачных отношений, испытывающих серьезные трансформации на фоне сложных социальных и культурных противоречий как в европейской и западной, так и в российской истории. При этом сам факт биологических различий между мужчиной и женщиной не отрицается, но под вопросом оказываются гендерные различия, т.е. те роли, которые то или иное общество предписывает исполнять мужчинам и женщинам, чтобы выстроить традиционную (патриархатную) иерархию власти. На смену ему приходит эгалитарная семья, основанная на равенстве прав и возможностей супругов, взаимном уважении и признании личности каждого. Равноправный стиль взаимодействия супругов в семье подразумевает полноту удовлетворения потребностей обоих, что способствует достижению гармонии семейно-брачных отношений и во многом оказывается показателем общего культурного развития. Многие исследователи справедливо связывают перемены, происходившие с семьей в XX столетии, с изменяющимся экономическим и культурным статусом женщин. Не только на Западе, но и в России женщина становится все более активным участником общественно-политической жизни, стремится повысить свой образовательный уровень и самореализоваться в профессиональной сфере. Однако с усилением личностной ориентации женщин одновременно обострились проблемы, связанные с выполнением женщиной традиционных функций в семье, в том числе репродуктивной. А поскольку мужчина по-прежнему видит свое предназначение в публичной сфере и не торопится разделить с женщиной семейные и родительские обязанности, ответственность за обеспечение качества брака и качества нового поколения несет женщина, что позволяет социологам и экономистам говорить о гендерной асимметрии в сфере родительства. Необходимость работать, чтобы выжить в условиях конку-

ренции, возможность самореализоваться привели к тому, что зачастую женщинам приходится жертвовать такими ценностями, как личные отношения, семья, дети. Они все в большей степени приобретают маскулинные черты, теряя традиционно приписываемые ей женские качества [3, с. 47]. Если посмотреть в недалёкое прошлое, то мы увидим, что все обязанности женщин сводились лишь к уходу за детьми, к домашнему хозяйству и т.д. В обязанности мужчины входило материальное обеспечение семьи. Отец давал семье имя и тем самым брал на себя всю ответственность за семью. Но в связи с развитием феминизма, когда женщины стали бороться за свои права, за независимость, когда был осуществлён ряд государственных программ в поддержку женщин, и при этом происходила нивелировка роли отца ввиду того, что его функции по материальному обеспечению семьи берут на себя государственные учреждения, происходит ломка патриархальной системы.

Традиционные для мужчин функции передачи культуры, образования и обучения профессиональным навыкам в существенной мере взяли на себя социальные институты, социальный статус семьи определяется не столько положением его главы, сколько индивидуальными достижениями и т.д. С другой стороны, растёт число и значимость роли женщины. Мать практически превратилась в единственного семейного воспитателя, на которого к тому же возложена функция своеобразного корректора и координатора педагогических усилий социальных институтов, она является главным помощником учителя, семейной медсестрой, санитаркой и т.д. Постепенно происходит вытеснение мужчины на второй план как в воспитании детей, так и в семейных делах в целом, что ведет к назреванию гендерного конфликта. Кроме вышесказанного, в России также происходят существенные изменения в институте родительства, что согласуется с общецивилизационными тенденциями. И это связано с отделением института родительства от института брака в связи с участвовавшими случаями разводов и появлением огромного количества неполных семей. В России при раздельном проживании отцы практически не выполняют своей роли. Совместная опека над ребёнком после развода почти не практикуется. Без женского (материнского) начала ребенок не чувствует себя защищенным и согретым. А отсутствие мужского (отцовского) начала вызывает чрезмерную привязанность к детству, нежелание взрослеть, нести ответственность и преодолевать трудности. Чрезмерное материнское воспитание ведет к инфантилизации детей и особенно мальчиков. Вырастая, такой мужчина в чём-то очень важном остается ребенком. Отечественные учёные доказали, что большинство причин разводов происходит из-за того, что супруги не удовлетворены семейной жизнью, потому что мужчины пренебрегают своими обязанностями по воспитанию детей и работе по дому [10, с. 20].

Анализ трансформации института родительства показывает, что новое время принесло с собой значительные перемены в ценностных ориентациях. Прежде всего это коснулось процесса воспитания детей в семье. Именно процесс воспитания многие исследователи склонны возложить на отца, чьи позиции в качестве защитника и кормильца семьи пошатнулись. Сторонники этой идеи доказывают, что социальный фактор института отцовства в современном мире не ослабевает, а укрепляется за счёт освоения отцом новых функций, которые раньше входили исключительно в обязанности матерей.

Необходимо обратить внимание на то, что поведение, которое в недавнем прошлом воспринималось как девиантное, общественно осуждаемое, возводится в норму. Существование однополых браков, усыновление и удочерение в однополых браках становятся социально-культурной нормой, воспринимается как нечто само разумеющееся. Половой акт утрачивает чисто репродуктивные функции и во все большей степени приобретает рекреационный характер. Следствием изменения функциональной нагрузки сексуального поведения становится более терпимое отношение к гомосексуализму. Распространение однополых интимных союзов приводит к обеднению сути семьи в ее репродуктивной направленности. Воспитание в однополых браках негативно влияет на полноценную социализацию детей в усвоении ими семейных ролей, затрудняет общение с представителями противоположного пола, менее четким делает

процесс половой идентификации. У детей складываются деформированные представления о семье, которые в дальнейшем усваиваются и передаются [9, с. 95].

Таким образом, современная российская семья находится на стадии трансформации гендерных ролей, что в конечном итоге может привести к «маскулинизации» женщин и «феминизации» мужчин. Образы субтильных мужчин-мальчиков сегодня активно используются средствами массовой информации в продвижении тех или иных услуг или продуктов, киноиндустрия и шоу-бизнес часто выбирают в «герои нашего времени» именно таких персонажей. Подобные тенденции ведут к культурологическому дисбалансу и появлению «супервумен», пропагандирующих агрессивную женскую природу, лишённую женственности, отказавшуюся от роли матери и хранительницы очага. Хочется выразить надежду, что большое количество государственных программ, направленных на поддержку семьи и материнства, помогут российской женщине остаться женственной, а мужчине – мужественным.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бендас Т.В. Гендерная психология. - СПб.: Питер, 2005.
2. Большакова А.Ю. Западное литературоведение XX в.: энциклопедия / гл. науч. ред. Е.А. Цурганова. - М.: Intrada, ИНИОН РАН. Центр гуманитар. науч.-информ. исслед. Отдел литературоведения, 2004.
3. Гурко Т.А. Родительство в изменяющихся социокультурных условиях // Социологические исследования. - 1997. - № 1.
4. Дементьева И.Ф. Социализация детей в семье: теории, факторы, модели. - М.: Генезис, 2004.
5. Егоров А.И. Гендерный аспект анализа организационной культуры // Социокультурный анализ гендерных отношений. - Саратов, 1998.
6. Ерохина Л.Д. Гендерология и феминология: учеб. пособие. - М.: Флинта, 2009.
7. Легенина Т.Б. Гендерная социализация в современной российской семье. Социокультурный анализ: автореф. дис. ... канд. соц. наук. - Ставрополь: Ставропольский государственный университет, 2004.
8. Рамих В.А. Материнство и культура (философско-культурологический анализ). - Ростов-на-Дону: Издательский центр ДГТУ, 1997.
9. Рудницкая Т.Ю. Тенденции развития современной семьи // Актуальные проблемы современной философии и политологии: сб. материалов межвуз. науч.-практ. конф. - Кострома, 2006.
10. Рыбалко И.В. Трансформация отцовства в современной России: автореф. дис. ... канд. социол. наук. - Саратов, 2006.
11. Сологуб Л.Г. Материнство как социальный институт: автореф. дис. ... канд. социол. наук. - М., 2001.

TRANSFORMATION OF GENDER COMPONENTS OF MODERN FAMILY EDUCATION

Luschenko E.M.

The article is devoted to transformation of the institution of parenthood, as expressed in changing the structure and function of the family. The problems of feminization and masculinization in the process of family up-bringing have been revealed. The tendencies to development of the institution of parenthood, as well as various factors that influenced the transformation of the institution of parenthood have been studied.

Key words: institute of parenthood, fatherhood, motherhood, gender, marriage, femininity, masculinity.

Сведения об авторе

Лущенко Эльмира Мансуровна, окончила МГУ ПС (МИИТ) (2010), соискатель МГУ ПС (МИИТ), автор 8 научных работ, область научных интересов – социальная философия, философская антропология, онтология и теория познания.

СОЦИОЛОГИЯ

УДК 316.346.36

МОДЕРНИЗАЦИОННЫЕ ЦЕННОСТИ КАК КРИТЕРИИ ПОКОЛЕНИЯ

У.А. ВИНОКУРОВА, И.А. ЛАМБАЕВА

Рассматриваются современные социологические подходы к изучению проблемы поколений. Показано, что в современных обществах, переживших и переживающих процессы модернизации, поколение является не демографической категорией, а ресурсом модернизационных процессов.

Ключевые слова: поколение, аксиологический подход, модернизация, паттерн поколения.

Проблема поколений традиционно рассматривается в рамках исторической дихотомии «прошлое-будущее», социальный аспект которой выражается в разделении общества на «отцов» и «детей». Тема взаимоотношений поколений – и конфликта, и преемственности – являясь бездонным источником мифологических и литературных сюжетов, с XIX в. стала объектом исследования социальных наук. По мнению Т. Шанина, анализ проблемы поколений является дополнительным теоретическим ресурсом, позволяющим исследовать проблемы социального развития, фиксируя не только изменения состояния общества в разные временные периоды, но и изменения свойств и характеристик групп, соотносимых с этими периодами [10].

В социологии понятие поколения рассматривается не только как форма партикулярных отношений родства и семьи, но и как исследовательская конструкция, обладающая нормативными характеристиками взаимодействия (отношениями власти, идентификацией и т.д.) [3]. Такой широкий подход к пониманию термина поколения ведет к многообразию его определений [1; 3; 9; 10; 15]. Можно выделить несколько основных подходов к понятию «поколение», в основе которых лежат акцентируемые исследователями поколенческие характеристики - социально-демографический, исторический и аксиологический.

При социально-демографическом подходе ведущей характеристикой поколения являются его социальные и демографические показатели. Б. Глотов определяет поколение как «объективно складывающуюся социально-демографическую и культурно-историческую общность людей, объединенных границами возраста и общими условиями формирования и функционирования в конкретно-исторический период времени» [1, с. 43]. В классической концепции К. Мангейма каждое поколение обладает своим временным измерением и историко-культурным пространством, его социальная реальность конструируется в ходе социальных взаимодействий. Таким образом, принадлежность к поколению носит такой же объективный характер, как и классовая или этническая принадлежность, при этом поколение характеризуется общими местоположением, взаимосвязью и единством. Смена поколений при таком подходе носит генеалогический характер, местоположение поколения базируется на наличии биологического ритма (жизни и смерти) человеческого существования и его возраста. Поколение, по определению К. Мангейма – это «те, кто родился в одни и те же годы и унаследовал определенное содержание, соответствующее их местоположению в историческом измерении социального процесса» [14, p. 289-290].

Для исторического подхода доминирующим фактором в идентификации поколения являются совместно пережитые исторические события, поступки, исторические маркеры. Поколение может объединять людей, принимающих участие в значимых исторических событиях или являющихся их свидетелями, с общими настроениями и ощущениями. Условные поколения могут находиться на историческом промежутке времени как по хронологическому признаку (например, поколение 40-х гг.), так и символически, соотнесенные с историческим событием (военное поколение) или выдающимися личностями (поколение Пушкина) [9, с. 80].

В аксиологическом подходе, предложенном для интерпретации понятия поколения польской исследовательницей М. Оссовской, важны не столько события, сколько их преломление в сознании. Мы разделяем её определение поколения как общности людей, обладающих общими позициями и ценностями, сформировавшимися в результате совместного переживания значимых исторических событий, имевших место в период формирования личности человека [15, s. 51]. Возраст в этом случае не имеет определяющего значения для объединения людей в одно поколение. М. Оссовская приводит в качестве примера такого рода поколения *скептическое поколение* (Die Skeptische Generation) немцев, детство или юность которых пришлось на годы после Второй мировой войны, которое было описано немецким социологом Х. Шельским [15, s. 50]. Трудности польской молодёжи связаны с аксиологической дезориентацией: в традиционном обществе система ценностей передавалась от старшего поколения к младшему. Но в модернизирующемся обществе старшее поколение само дезориентировано несоответствием ценностей своей первичной социализации и ценностей современности [6, с. 106].

Разные интерпретации понятия поколения не исключают друг друга, отмечает М. Оссовская. Представители двух разных демографических поколений - отцов и детей, могут представлять одно историческое поколение (например, военное) или одно аксиологическое (например, скептическое) [15, s. 51].

Востребованность той или иной поколенческой модели определяется состоянием общества в данный момент времени. В современных обществах, переживших и переживающих процессы модернизации, поколение становится важным ресурсом модернизационных процессов. Проблема поколения в модернизирующемся обществе заключается в соотношении меры контроля над своей судьбой, меры социальной ответственности людей. Социальная трансформация и модернизация требуют для своей реализации движущую силу, социальные изменения рекрутируют активную часть общества для выполнения задач времени. Изменяются представления о границах поколения – кого надо отнести к старикам, кого считать молодым. Критерием поколения становится уровень мобильности и лояльности к модернизации. Модернизационное поколение - это те, кто считают себя призванными изменить социокультурную реальность и нередко напрямую связывают свою идентичность, перспективу с тем или иным событием, трансформацией общественных отношений, "требуя" от них собственного ответа, действия, самостоятельного шага, управления и контроля над своей судьбой.

Методологически важным вопросом является выявление паттерна современного поколения, который включает в себя набор черт, круг ценностей, отражающих модернизационный ресурс современного человека.

Американскими социологами А. Инкелесом и Д. Смитом еще в 70-е гг. XX в. была предложена концепция "современной личности" ("modern personality"), включающей в себя: открытость инновациям, независимость собственного мнения от чужого, активную гражданскую позицию, высокий уровень личной ответственности, правового сознания и толерантности, уважения достоинства других людей вне зависимости от их социального положения, чувство справедливости и получения вознаграждения за усилие и профессионализм, возможности планирования и регулирования жизни, высокую ценность получения знаний, образования, ориентацию на настоящее и будущее, а также высокую пространственную мобильность [13]. Один из существенных выводов авторов концепции заключается в том, что «модернизм» является необходимым условием соответствия человека современной цивилизации и фактором его успешного в ней функционирования.

Этот ценностный каркас «человека современного» с успехом и неоднократно использовался для построения паттерна модернизационного поколения, в том числе для исследования российской молодёжи в соответствии с этим паттерном [11].

Но можно ли применить единую систему модернизационных ценностей поколения к обществу в целом, без учета региональных особенностей? Несмотря на универсальность и неизбежность современных социальных изменений, модернизация, по мнению многих исследователей,

является множественным и многоуровневым процессом [13]. В концепции вторичной модернизации, предложенной Хэ Чуаньци, предполагается, что многоуровневость модернизационных процессов происходит за счет одновременного прохождения двух стадий модернизации – первичной и вторичной [10]. Первичная стадия модернизации – это переход от традиционной фазы развития общества к индустриальной, которая представляет собой классическую модернизацию, начавшуюся с промышленной революции XVII в. и завершившуюся в развитых индустриальных странах к середине XX в. Со второй половины XX в. эти страны вошли во вторичную стадию модернизации, представляющую собой переход к информационному обществу или обществу знаний. Первичная и вторичная модернизации взаимодействуют друг с другом, и если в развитых странах вторичная модернизация возникла на базе первичной, явилась ее следствием, то в странах с незавершившейся первичной модернизацией вступление во вторую стадию модернизации происходит независимо от течения классической модернизации вследствие социальных и технологических влияний развитых стран.

В методике измерения первичной модернизации, разработанной с учетом индикаторов А. Инкелесса, учитываются три основных пространства существования индустриального общества: экономическое, социальное и когнитивное (область знания), представленные в 10 индикаторах. 16 индикаторов вторичной модернизации отражают такие свойства и процессы функционирования общества, как уровень и качество жизни населения, качество экономики страны, инновации знаний и технологий, трансляции знаний и информации.

Разрыв в уровнях вовлеченности в модернизационные процессы различных регионов говорит о модернизационной дифференциации регионов России. Результаты измерений стадий, уровней и фаз модернизации всех регионов страны были получены в 2012 г. в ходе проведения под руководством профессора Н.И. Лапина всероссийского проекта «Социокультурные портреты регионов России» [5].

Общий уровень первичной модернизации страны достаточно высок, но различия в модернизационных показателях между ее регионами значительны. Различия между уровнями вторичной модернизации регионов не только значительны, но подчас и контрастны. Наблюдается, во-первых, многоуровневая иерархия вторичной модернизации регионов, во-вторых, асинхронность уровней вторичной модернизации регионов России в сторону столичных городов. Москва и Санкт-Петербург по уровню вторичной модернизации находятся скорее в Европе, чем в остальной России.

Таким образом, Россия – это страна с многоуровневой иерархией, асинхронностью и асимметрией региональной модернизации. Асимметрия региональной модернизации выражается не только в темпоральной асинхронности, но в гео-социо-пространственной асимметрии модернизации – между регионами европейской и азиатской частями страны. В европейской части лишь 19% регионов вошли в стадию системной вторичной модернизации, а азиатской таких регионов – 33%. В остальных регионах первичная модернизация не завершена, а в некоторых только входит в фазу зрелости. Вторичная модернизация в таких условиях носит преимущественно экзогенно-диффузный характер [5].

Как видно из приведенных данных, процессы модернизации в регионах проходят по-разному, со значительными особенностями трансформации региональных сообществ. Эти особенности формируются в результате действия внешних и внутренних факторов модернизационных процессов. Анализируя социальную дифференциацию регионов России, Н. Зубаревич выявила факторы региональной модернизации, разделив их на внешние и внутренние. Внешними факторами являются политика федерального центра, которая направлена на трансформацию регионального развития при переходе к рынку, а также глобализация, предъявляющая глобальные вызовы на локальном уровне. Внутренние факторы – это традиции и нормы, социокультурная специфика и неформальные институты, сложившиеся в региональном сообществе, которые оказывают влияние на мобильность населения, его доходы и формы занятости [4, с. 27]. Это означает, что социальные нормы и отношения, комплекс знаний, компетенций и навыков

населения региона определяются унаследованными исторически особенностями природного и социального развития территории.

По мнению Г. Манзановой, именно традиции оказывают решающее влияние на модернизационные процессы в региональных сообществах России [7]. Традиционная составляющая социокультурного потенциала регионального сообщества влияет на тип демографического и трудового поведения, уровень развития инфраструктуры региона, положение региона в модернизационном рейтинге страны.

Множественность модернизаций и модернов проявляется в таком явлении, как модернизация традиционности или ретрадиционализация. В современных обществах происходит не отказ от традиций, а изменение их роли [2]. Это означает подвижность и свободную интерпретацию традиций, их делокализацию и детемпорализацию, т.е. отрыв традиционных практик и символов от пространственных и временных координат.

В сообществах, где присутствуют и первичная, и вторичная модернизации, традиции приобретают инновационный потенциал, интенсифицируются так же, как и инновации. Происходит не только движение традиций и инноваций от центра к периферии мирового модернизационного пространства, но и движение традиционных образцов в обратном направлении.

Паттерн поколения в условиях множественной модернизации приобретает новое многоуровневое, многомерное содержание. Критерием модернизационного поколения становится, с одной стороны, степень открытости к инновациям, с другой, творческая кристаллизация традиционного наследия минувших поколений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Глогов М.Б. Поколение как категория социологии // Социологические исследования. - 2004. - № 9. - С. 42-47.
2. Гофман А.Б. В поисках утраченной идентичности: традиции, традиционализм и национальная идентичность // Вопросы социальной теории. - 2010. - Т. 4. - С. 241-254
3. Дубин Б. Поколение: социологические границы понятия // Мониторинг общественного мнения. - 2001. - № 2. - С. 11-15.
4. Зубаревич Н.В. Россия регионов: в каком социальном пространстве мы живем? / Независимый институт социальной политики. - М.: Поматур, 2005.
5. Лапин Н.И. Измерение модернизации российских регионов и социокультурные факторы ее стратегии // Социологические исследования. - 2012. - № 9. - С. 4-24.
6. Лыкошина Л.С. Проблемы польской молодежи рубежа XX-XXI вв. / Поколение перемен в странах Восточной Европы: 1990-2010 гг.: сб. науч. тр. / под ред. Ю.И. Игрицкого. - М., 2011. - С. 91-115.
7. Манзанова Г.В. Традиции и новации в трансформации аграрных сообществ России (на примере России) // История и современность. - 2007. - № 1. - С. 178-203.
8. Обзорный доклад 2011 о модернизации в мире и Китае (2001-2010) / гл. ред. Хэ Чуаньци; отв. ред. Н.И. Лапин. - М.: Весь мир. 2011.
9. Семенова В.В. Современные концепции и эмпирические подходы к понятию "поколение" в социологии. // Отцы и дети. Поколенческий анализ современной России / сост. Ю. Левада, Т. Шанин. - М., 2005. - С. 80-107.
10. Шанин Т. История поколений и поколенческая история России // Отцы и дети. Поколенческий анализ современной России / сост. Ю. Левада, Т. Шанин. - М., 2005. - С. 17-38.
11. Ядова М. Российское поколение X: «модернисты» и «традиционалисты» (опыт пилотажного исследования) // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. - 2008. - № 3. - С. 37-46.
12. Eisenstadt S. N. Comparative Civilization and Multiple Modernities. Boston: Brill, 2003.
13. Inkeles A., Smith D.H. Becoming modern. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1974.
14. Mannheim K. The Problem of Generation / Essays on the Sociology of Knowledge. New York: Oxford Univ. 1952. P. 276-320.
15. Ossowska M. Koncepcja pokolenia // Studia Socjologiczne. 1963, nr 2. s. 47-51.

MODERNIZATION VALUES AS GENERATION'S KRITERIA**Vinokurova U.A., Lambaeva I.A.**

Some actual sociological approaches to the problem of generations are discussed. In modern societies the generation is not a demographic category, but a resource of modernization processes.

Key words: generation, axiological approach, modernization, generation pattern, modernization values.

Сведения об авторах

Винокурова Ульяна Алексеевна, окончила ЛГУ им. А.А. Жданова (1971), академик РАЕН, доктор социологических наук, профессор Арктического института культуры и искусства (Якутск), автор 112 научных работ, область научных интересов – этносоциология, социальная экология, социология ценностей, культуры, цивилизационное развитие.

Ламбаева Ирина Александровна, окончила МВТУ им. Н.Э. Баумана (1986), кандидат философских наук, доцент, заведующая кафедрой гуманитарных и социально-политических наук МГТУ ГА, автор 20 научных работ, область научных интересов – социальная экология, экологическая этика, социология управления.

УДК 130.3:37.03

МАЛАЯ СОЦИАЛЬНАЯ ГРУППА И ЕЁ ДУХОВНАЯ АТМОСФЕРА (НА ПРИМЕРЕ ГРАЖДАНСКОЙ АВИАЦИИ)

А.С. КОЗЛОВ

Дана характеристика духовной атмосферы малой социальной группы, раскрыта её сущность, определены специфические особенности применительно к функционированию малых групп в сфере гражданской авиации.

Ключевые слова: духовная атмосфера малой социальной группы, духовное общение, духовность.

В гражданской авиации функционирует множество различных групп: наземные службы, подразделения аэропорта, диспетчеры воздушного движения, механики, экипажи самолётов и др. Все они создают и обеспечивают условия осуществления полётов, передвижения пассажиров, доставки грузов. Создают, прежде всего, усилиями малых групп, выступающими связующим звеном между личностью и отраслью, обществом в целом. Малые группы гражданской авиации характеризуют, прежде всего, такие особенности, как специфическое предназначение, относительная стабильность состава, интерактивность, информационная насыщенность, сочетание формального и неформального общения, чувство принадлежности к группе, выработка устойчивых норм динамики инструментального взаимодействия в условиях, сопряжённых с риском. Отношения, которые складываются в малой группе, образуют соответствующую им духовную атмосферу, от которой зависит настроение людей, их устремлённость на результаты совместной деятельности. В ней одна из загадок того, что примерно в равных по своим возможностям коллективах достигаются неодинаковые результаты, по-разному реализуется «человеческий фактор». В ней истоки многих успехов и неудач.

Проследим это на примере воздействия атмосферы Земли на человека. Он полностью зависит от неё. Его организм функционирует, только усваивая кислород, содержащийся в ней. На жизнедеятельность людей воздействует климат: температура, давление и влажность воздуха, изменяющиеся под воздействием процессов, происходящих в атмосфере. Эта атмосфера пропускает свет и тепло Солнца, необходимые как для человека, так и среды его обитания. Но она задерживает и большую часть губительных для организма ультрафиолетовых излучений. Без атмосферы Земли живые организмы и природная среда были бы беззащитны от разрушительного воздействия метеоритов, летящих из космоса с огромной скоростью. Но атмосфера есть, и при вхождении в её плотные слои они сгорают. Всё это похоже на функции, выполняемые духовной атмосферой малой группы. Она обеспечивает многие условия, необходимые для жизнедеятельности людей. Она создаёт определённый настрой в работе, питает людей информацией, воздействует на формирование профессиональных коммуникаций, аккумулирует, транслирует и делает общим достоянием опыт. Эта атмосфера образует своего рода призму, которая что-то усиливает, но что-то и ослабляет, нейтрализует, а порой и искажает. Много зависит от того, какова духовная атмосфера группы. Она защищает, сплачивает людей, вдохновляет на достижение общей цели, но в ней могут возникнуть и центробежные силы, возбуждающие к разрыву сложившихся связей и отношений. В последнем случае возможны девиации, ролевые конфликты, сопряжённые в условиях эксплуатации авиационной техники с созданием экстремальных ситуаций.

Духовная атмосфера понятие не абстрактное, она представляет собой реальное состояние группового сознания, систему ценностных ориентаций и норм, определяющих совместное восприятие, оценку личностных и групповых ролевых компетенций, необходимых для достижения общей цели, конкретные способы и формы функционирования межличностных отношений. Также определение не исключает, а подразумевает определяющее значение социальной среды.

Духовная атмосфера малой группы принципиально не отлична от духовного состояния общества. Она – единичное по отношению к нему, но выступает уже как особенное, как непосредственная среда взаимодействия людей. Личность не взаимодействует с обществом в целом. Именно в малой группе реализуются её контакты, ролевые ожидания и исполнения потребностей, моральная поддержка, чувства взаимного уважения, товарищества и дружбы. Но здесь проявляются и конфликты, соперничество, возможна и неприязнь, т.е. проявляется весь спектр межличностных отношений.

Значимыми компонентами применительно к малым группам гражданской авиации являются следующие:

- общая цель совместной деятельности, детерминированная высочайшей ответственностью за обеспечение безопасности полётов;
- наличие организующего начала в лице лидера;
- ценностные ориентации, нормы, высокое чувство ответственности за исполнение своего гражданского и профессионального долга;
- взаимодействие каждого с каждым, осознание себя как «мы», а других как «они», осознание принадлежности к данной группе, своих функций в ней;
- разделение персональных обязанностей, ролей;
- наличие и функционирование чёткой и отлаженной организационной структуры;
- информационная насыщенность общения, его определённость, оптимальная ясность, своевременность.

Данные компоненты в своём системном взаимодействии и взаимовлиянии образуют при должной организации своего рода магнитное поле с силовыми линиями, удерживающими малую группу как целостный организм с экспрессивными и инструментальными связями, отношениями, необходимым порядком функционирования. При этом, сообразуясь со своими ценностными ориентациями, индивиды, находясь в близком контакте, духовно творят друг друга. На выходе образуется определённый результат – конкретно сформировавшаяся духовная атмосфера. Общественные отношения не зеркально отражаются в малых группах. В них проявляются не только общие социальные и духовные, но и специфические, конкретные для данной группы условия и такие факторы, как вид деятельности, объективно сложившийся подбор людей, их темперамент, личностные особенности, характер, психический склад, стиль управления лидера и др.

Особую роль в формировании духовной атмосферы группы имеет фактор её предназначения. В авиации велика роль глубокого осознания специфических задач, ответственности каждого за выполнение как строго регламентированных функций, так и решения внезапно возникших задач. Если это осознание глубокое и верное, то оно сплачивает людей общим делом, создаёт взаимопонимание, укрепляет межличностные связи. Знаменитый лётчик и писатель Антуан де Сент-Экзюпери сделал такой вывод: «Величие всякого ремесла, может быть, в том и состоит, что оно объединяет людей, ибо ничего в мире нет драгоценнее уз, соединяющих человека». Такой притягательной силой для него была авиация. Мало какая работа так сближает людей. Но самолёт для него не цель, а только средство. «Самолёт, - писал он, - орудие, которое прокладывает воздушные пути, приобщает человека к вечным вопросам». [1, с. 11 - 12].

Все структурные подразделения авиационно-транспортной системы призваны обеспечивать надёжность, эффективность и безопасность осуществления полётов. Они не автономны, а функционально связаны, взаимозависимы. Но тем не менее надёжность зависит от каждого звена. Строгая организационная структура малых групп всех подразделений включает в себя конкретные обязанности, определяемые уставами, правилами, инструкциями. При их выполнении люди с неизбежностью вступают в служебные взаимодействия. При этом они определённым образом относятся друг к другу. Духовная атмосфера, которая создаётся в процессе данных взаимодействий, возникает, с одной стороны, как регламентированная деятельность, при которой «расписано» буквально всё, с другой стороны, проявляются симпатии и антипатии, прояв-

ляется мера социально-психологической совместимости людей, их удовлетворённости служебными, духовными и эмоциональными отношениями. В связи с этим представляют интерес мнения лётчика-космонавта А.А. Леонова и врача-исследователя В.И. Лебедева при обсуждении социально-психологических аспектов комплектования экипажей. Они пишут: «Мы согласны с мнениями, что при комплектовании экипажа нельзя ориентироваться только на взаимные симпатии. Однако хотим подчеркнуть, что производственный отбор экипажа только на основании общности цели, профессиональной подготовленности, способности работать в экстремальных условиях без взаимной симпатии, схождения во взглядах, возрасте, интересах и т.д. также будет неправилен. Если не будут учитываться эти компоненты, то во взаимоотношениях членов экипажа может появиться психологическая напряжённость». [2, с. 62]. Мы полагаем, что данное утверждение справедливо по отношению не только к экипажу, но и к другим малым группам воздушного флота.

В малых группах, особенно в экипажах, интенсивное взаимодействие, стремление обеспечить единство понимания сути конкретно складывающихся ситуаций и разрешения возникающих проблем – всё это явления типичные. Разлад может иметь место в различии оценок, позиций. Каждая группа имеет меру терпимости в отношениях, в выборе способа действий в нестандартной ситуации. Каждый член группы должен знать черту, которую нельзя переступать. Не только аппаратура лайнера SSJ-100 «суперджет» предупреждала командира об опасном сближении с горой в Австралии, но и один из членов экипажа (штурман) пытался предостеречь его о маневре, недопустимом в условиях плохой погоды и горной местности. Причём манёвр, приведший к катастрофе, был не первым. Могло иметь и место воздушного хулиганства. Такое заключение сделал специалист ЦАГИ [3].

Среда непосредственного окружения создаёт личное пространство, вторжение в которое вызывает состояние дискомфорта. Вторжение одного из членов группы в личное пространство кого-либо из коллег может вызвать негативную реакцию с его стороны и сказаться на эффективности функционирования группы. Для частично или полностью изолированных групп возникновение конфликтов нежелательно, противопоказано, но они случаются, хотя иногда скрытно от глаз и ушей стороннего наблюдателя. Пространственное размещение малой группы в ограниченных по объёму помещениях, отсеках, кабинах самолётов делает невозможным подлинное уединение, отличается «витринностью», неизбежностью вторжения в «территориальные воды» друг друга [4, с. 119-123].

Каждая личность, прежде чем стать членом определённой группы авиации, проходит жёсткий отбор, безжалостную конкуренцию, отсекающую менее способных. В результате такого отбора остаются люди подготовленные, смекалистые, любящие жизнь и способные ценить друг друга. Они осознают великую цену и ответственность действий каждого члена своей группы, а потому и требовательны к коллегам, внимательны, всегда готовы к взаимовыручке. В романе А. Хейли «Аэропорт» ярко нарисован образ таких взаимодействий. Так автор пишет о том, как члены экипажа по очереди проверяли друг друга – так они сами хотели. Слишком много ставилось на карту – и человеческие жизни, и собственная квалификация, чтобы из дружеских чувств не хвалить друг друга и не прощать друг другу промахов. И если нарушалась связь между людьми, она нарушалась во всём – не только в том, что люди переставали понимать друг друга. Даже отдельные штрихи говорят об очень многом. В авиадиспетчере Кейзе за год изменилось всё: и внешность, и манера держаться. От прежней мягкости не осталось следа. Взаимодействуя с другими, он отчаянно старается сосредоточиться, чтобы держать в памяти весь сектор и все самолёты в нём. Нужно было мгновенно запоминать местонахождение самолётов, их опознавательные знаки, типы, скорость, высоту полёта, последовательность посадки – словом, диаграмму, в которой непрерывно происходили изменения, и конфигурация которой ни на секунду не застывала.

Когда человек не уверен в себе и может в любую минуту утратить остатки уверенности, достаточно пустяка, чтобы перетянуть в гибельную сторону чашу весов. Важен вывод Хейли:

аэропорт – любой аэропорт – это сложный механизм. Нет такого человека, который отвечал бы за всё, но и самостоятельно функционирующих участков нет: всё переплетено и взаимозависимо. Трудно держать себя в руках, но иного в обеспечении безопасности полётов не дано. Конфликты случаются, но они разрешаются в деловом ритме. Автор пишет и о такой незамеченной наукой форме разрешения конфликта, как «вечер замирения», когда механики и дирекция собираются вместе после страшной усталости, когда трудно было держать себя в руках [5, с. 53, 55].

Ядром духовности является гуманизм. Его сущностной характеристикой является утверждение в каждой малой группе достоинства, ценности и уважения каждой личности. Необходимость гуманизма и духовности никто не отрицает, но в реальных ситуациях бывает и так, что всё это остаётся лишь призывом, лозунгом при доминирующем индивидуализме, провозглашаемом как свобода личности. В результате истинное содержание и проявления духовности искажается, а ценностная ориентация личности, не сформировавшись должным образом, подменяется сиюминутными интересами, а в диспозиции «личность – специалист» происходит инверсия в сторону ложных мотиваций и действий. Многие сложившиеся формы взаимодействия в малой группе оберегают от этого. Особенно значимо должное духовное общение. Духовное общение – это форма обмена знаниями, идеями, представлениями, возникшими чувствами. Его основное содержание – обмен информацией, продуктами духовной деятельности, оценками событий, взаимное познание, духовное воздействие друг на друга. Это может быть согласие или отвержение воспринимаемых мыслей и взглядов, но важен сам факт общения. Люди в силу своей общественной природы предпочитают обычно переживать те или иные события не в одиночку, а при наличии сопереживания, соучастия. Ещё Л. Фейербах заметил, что общение возвышает силу чувства, усиливает самочувствие. Чувство одного есть чувство ограниченности, а чувство общения есть чувство свободы. Общаясь, люди живут духовно. Общение и есть форма существования духовной жизни малой группы. Осуществляемая при этом коммуникативная деятельность выполняет определённые функции по удовлетворению духовных потребностей людей. Чем шире и разнообразнее экспрессивные и инструментальные связи, тем быстрее осуществляется усвоение личностных и групповых компетенций, ценностных ориентаций и норм поведения.

Исследования выявили, что люди, обладающие познавательными способностями невысокой степени сложности, чаще склонны в духовных отношениях с другими к «контратаке», чем индивиды с высокими познавательными возможностями. Чем человек умнее, тем он добрее, терпимее к иным мнениям. И, наоборот, люди с простой познавательной структурой не способны рассматривать ту или иную ситуацию с точки зрения другого человека, воспринимать её в различных её связях, предвидеть исход. Они быстрее действуют, чем анализируют и синтезируют. Это всё равно, как у ракеты срабатывает только первая ступень. Кто меньше знает, тот меньше размышляет, но категоричнее обо всём судит и поступает не по уму, а по первой реакции эмоций. Отсюда возможность иррационального поведения в малых группах. Это надо учитывать.

Авиационные подразделения функционируют постоянно в быстро меняющихся условиях, в жёстко спланированном временном ритме. Время необратимо. Его нельзя накопить или передать – оно проходит безвозвратно [6]. Это наиболее дефицитный ресурс, нельзя приобрести даже минуту. Отсюда жёсткая необходимость в своевременных и чётких командах, синхронном их выполнении в каждом звене. Объектом управления является внутренний потенциал, т.е. люди, техника, информация, тесно связанные с внешней средой. Работа руководителей низовых звеньев напряжена, наполнена разнообразными действиями, переходами от решения одной задачи к другой. Большую часть своего времени руководители проводят в общении с подчиненными, в организации их взаимодействия, контроле за выполнением поставленных задач всеми специалистами. Всю эту работу нельзя выполнить, руководствуясь только простыми сухими заученными формулами. На любом уровне надо ещё иметь широкий кругозор, гибкое мышление, умение сочетать истины и значимость многочисленных вариаций, предпочтение какой-либо из которых может существенно изменить ситуацию. Здесь важны воображение, предвидение, надёжный потенциал всего коллектива.

Многое зависит от дружбы. Так уж устроен человек, что и в радости, и в критических ситуациях он хочет иметь друзей, которые разделят его успехи и помогут в беде. Её антипод – равнодушие. Оно не равняется нейтралитету, выступает как молчаливая поддержка, часто внешне проявляющаяся в робости и безволии. В малой группе легче разглядеть способности, распознать хорошее в человеке и помочь его возвращению. Но важно и помочь слабому, «перековать» равнодушного, хотя распознавание его дело нелёгкое. Говорят, что легче познать весь мир вообще, чем одного человека в частности. Это только в шахматах фигуры с одинаковым названием равноценны, да и то только в начале игры.

В общем виде значение здоровой духовной атмосферы малой группы определяется следующими факторами.

Во-первых, она обеспечивает единство понимания существа решаемых группой задач, создаёт возможность фокусирования сил в направлении достижения общей цели, формирования настроения на сплочённость, взаимопомощь, поддержку друг друга.

Во-вторых, создаётся эмоциональный подъём людей для выполнения как кратковременных, так и перспективных задач. Становится возможным достижение больших успехов меньшими усилиями в сокращённый временной период.

В-третьих, взаимопомощь и взаимоподдержка ведут к ускорению в освоении знаний и опыта друг друга, обеспечивают взаимный контроль за соблюдением технологической дисциплины, мер безопасности. Работает девиз: один за всех и все за одного, в основе которого осознанное чувство взаимной ответственности, надёжности и взаимовыручки.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сент-Экзюпери А. Южный почтовый. Ночной полёт. - М., 1983.
2. Лебедев В.И., Леонов А.А. Психологические проблемы межпланетного полёта. - М., 1975.
3. «Суперджет» погубило лихачество? // Московский комсомолец. - 2012. - 7 июня.
4. Кривочевский Р.Л., Дубровская Е.М. Психология малой группы: теоретический и прикладной аспекты. - М., 1991.
5. Хейли А. Аэропорт. - М., 1991.
6. Буров В.П., Тимошкина Н.А., Токарева Е.М. Тайм-менеджмент. - М., 2010.

A SMALL SOCIAL GROUP AND ITS SPIRITUAL ATMOSPHERE AS APPLIED TO CIVIL AVIATION

Kozlov A.S.

The description of the spiritual atmosphere of a small social group is given, its essence is revealed, the specific features with regard to the functioning of small groups in the field of Civil Aviation are determined.

Key words: the spiritual atmosphere of a small social group, spiritual intercourse, spirituality.

Сведения об авторе

Козлов Александр Степанович, 1935 г.р., окончил ВПА (1969), академик Международной педагогической академии, профессор, кандидат философских наук, профессор кафедры гуманитарных и социально-политических наук МГТУ ГА, автор более 180 научных работ, область научных интересов – духовная жизнь общества, социология личности, социология образования.

УДК 174.4

АВИАЦИЯ В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРНЫХ РАЗЛИЧИЙ

А.В. ЛЕБЕДЕВ, К.Н. ПАНФЕРОВ

Даётся сравнение уровня аварийности стран в контексте анализа их исторического и культурного наследия. Рассматривается воздействие национальных традиций на подготовку и производство полетов. Предпринята попытка понять, как культурные ценности того или иного общества влияют на работу авиационной отрасли. Приводится пример регионов, доминирующих в авиации, и возникающие в связи с их гегемонией проблемы.

Ключевые слова: культура, региональные различия, безопасность полетов, общество.

Если вы считаете, что безопасность полетов стоит очень дорого, то вы не знаете, что такое катастрофа

*Бьёрн Бо,
старший инспектор Федеральной службы
безопасности полетов Норвегии*

В наши дни благодаря авиации можно попасть в любую точку земного шара, еще совсем недавно такое представить было очень сложно. Помимо того, что человек обрел возможность познакомиться с географическими особенностями различных уголков земли, он может соприкоснуться с другими культурами. Если вначале международные полеты были привилегией высшего слоя социальной структуры общества, то в наши дни они становятся всё более доступными для всего населения. С помощью воздушных перевозок осуществляется коммерческая деятельность, поездки на отдых и даже передвижения паломников. Авиация изменила наше видение мира и представление о том, каким может быть это мир.

Успех гражданской авиации стал возможен благодаря неустанной работе по повышению безопасности полетов. Выдающиеся ученые и конструкторы занимаются созданием всё более совершенных и надежных машин. Вместе с этим улучшения в области безопасности намечаются в связи с осознанием роли человека в процессе эксплуатации авиационной техники. Результатом различных разработок по этому направлению стало улучшение показателей эффективности полетов. Однако, несмотря на общие успехи в некоторых регионах мира, показатели безопасности полетов в других регионах не так уж и хороши. Здесь возникает вопрос: "почему"? Количество авиационных происшествий в разных странах отличается между собой, что свидетельствует либо о разных подходах к данному вопросу, либо о некачественной реализации соответствующих мероприятий. В любом случае в силу каких-то обстоятельств люди по-разному видят проблему безопасности.

Нам представляется, что процесс обеспечения безопасности полетов во многом связан с особенностями влияния национальных факторов. Нельзя сказать, что специалисты гражданской авиации не рассматривали культурные различия в контексте их влияния на безопасность. Существует множество исследований и работ по данному вопросу, и даже выпущен специальный сборник статей "Кросскультурные факторы и безопасность полетов". В этой работе речь идет о проблемах взаимодействия представителей одной культуры с объектами и представителями другой культуры. Исследователи затрагивают проблемы потенциальных затруднений персонала при обслуживании зарубежной техники; при использовании документации на языке, не являющемся родным для работников, в сложности восприятия определённых терминов и словарных оборотов, а также неоднозначной трактовки каких-либо действий. Нам важно обратить внимание на различия отношений к одним и тем же вопросам людей и обществ, имеющих различия в историческом развитии, в культурном наследии, отличающихся экономик, ценностей и религий.

По статистике авиакатастроф по странам мира [1, с. 1] на первом месте находится США, второе занимает Россия, на третьем месте расположилась Колумбия. Все три страны представляют различные континенты, различные культуры и имеют разный экономический потенциал. На первый взгляд, кажется, что решающее значение имеют экономические факторы. Чем больше инвестиции, тем меньше катастроф. Это утверждение справедливо, но более глубокий анализ не позволяет говорить об исключительности этого фактора.

Северная Америка по праву относится к экономически развитому и прогрессивному региону. Авиационные власти США разрабатывают и внедряют самые актуальные требования в области обеспечения безопасности полетов. Перевозчики тратят огромные средства на поддержание своего авиапарка в состоянии летной годности и совершенствование форм технического обслуживания. В противовес этому состояние российской экономики и социальная обстановка в стране оставляет желать лучшего. Отечественные авиакомпании, вынужденные бороться за выживание, удовлетворяют самым минимальным требованиям безопасности. Так в чем причина почти трехкратного перевеса аварийности американских компаний? Если допустить, что национальные особенности влияют на авиацию, то стоит обратить внимание на историю развития Америки и многовековое культурное наследие России. Начнем с того, что США явились результатом слияния различных народов. Зачастую переселенцами оказывались религиозные фанатики из Европы, неквалифицированные рабочие или преступники, т.е. самые низы социальной лестницы. Одновременно в качестве рабочей силы прибывали африканцы – представители региона, который и сейчас является отстающим во всех отношениях. Россию же с давних времен отличает духовность, богатая культура и любовь к ближнему. Конечно, оценка аварийности включает массу критериев, в том числе размер флота и количество рейсов, но нельзя отрицать влияния региональной культуры, уровня образования, социального развития определенного общества и даже вовлеченность населения в религию на количество катастроф.

Центр оценки данных о крушениях реактивных лайнеров (JACDEC) опубликовал рейтинг самых безопасных авиакомпаний мира, где первое место принадлежит новозеландской Air New Zeland, второе у Cathay Pacific Airways из Гонконга и замыкает тройку финская Finnair. В первой десятке также присутствуют еще два представителя Европы и одна канадская авиакомпания [2, с. 1]. Таким образом, учитывая колониальное прошлое Новой Зеландии и Канады, среди самых безопасных компаний мира преобладают развитые страны западноевропейской культуры и Азии. На наш взгляд это не случайно и вытекает из особенностей данных стран. Культура окружает нас повсюду и оказывает влияние на ценности, убеждения и формы поведения в группах, к которым мы принадлежим.

В глобальном масштабе авиационная отрасль, несмотря на национальные различия, достигла значительного уровня стандартизации в отношении типов воздушных судов и эксплуатантов. На данный момент самолеты американской компании Boeing и французской Airbus занимают подавляющее большинство рынка пассажирских и грузоперевозок. Авиакомпании, эксплуатирующие эти самолеты, должны выполнять требования авиационных властей стран-производителей. Сложилась ситуация, когда авиакомпании мира сертифицируются либо представителями Европейского агентства авиационной безопасности (EASA), либо представителями Федерального управления гражданской авиации США (FAA). Например, российская компания Трансаэро имеет в своем флоте самолеты Boeing, зарегистрированные в Ирландии. Данный факт обязывает ее выполнять директивы, выпускаемые властями США, отвечать требованиям европейских властей и соответствовать всем российским нормативным документам. Такая сложная структура отношений, безусловно, внесет коррективы в работу персонала.

Для облегчения задачи понимания культурных различий психолог Ненси Адлер задает шесть основных вопросов: Как я себя вижу? Как я вижу окружающий мир? Как я отношусь к другим людям? Чем я занимаюсь? Как я использую пространство и как я использую время? [4, с. 33]. Каждый вопрос определяет культурную ориентацию человека и соответственно положение в определенном обществе. Скорее всего, люди, живущие на одной территории, одина-

ково ответят на эти вопросы, тем самым составив некий культурный слой. Их общность будет прослеживаться в поведении и составлять особенности данной группы. Эти особенности, в зависимости от условий, могут положительно или пагубно сказываться на конкретном проекте.

В сборнике "Кросскультурные факторы и безопасность полетов" отмечается, что "национальная культура представляет собой общие составляющие национального наследства (т.е. нормы, установки и ценности). Ценности настолько укрепляются в сознании, что люди могут быть удивлены, шокированы и даже оскорблены, когда встречаются с людьми, придерживающимися ценностей, отличающихся от их собственных" [5, с. 11]. В связи с тем, что ценности укореняются на эмоциональном уровне, они не подвергаются сомнениям, и их трудно менять. Из вышесказанного можно сделать вывод, что ценности, которые определяют повседневную деятельность работников авиации в мире и которые могут отличаться в разных частях света, выявляются в ответах на следующие вопросы:

- Какими должны быть темпы жизни и работы?
- Насколько важна технология для людей? Кто или что имеет наибольшее значение?
- Полагаемся ли мы больше на машину или на человека?
- Насколько важны правила и нормативные положения в сравнении с благоразумием человека?
- Каков приемлемый уровень безопасности полетов и соответствующих рисков?
- Как правильно использовать полномочные органы и взаимодействовать с ними?

Некоторые общества видят людей принципиально хорошими или принципиально плохими. Другие рассматривают людей как сочетание того и другого и считают, что, независимо от того, какими они были первоначально, люди способны изменяться и улучшаться.

Если организация считает, что люди могут меняться, то обязательно будет подчеркивать важность обучения. Те, кто считает, что люди изначально не способны к изменениям, будут полагаться на правила отбора персонала, характерные для их культуры. В авиации такие фундаментальные положения могут оказывать влияние на то, кто становится командиром воздушного судна или кто вообще попадает в отрасль.

Индустриальные общества рассматривают себя доминирующими над средой их обитания, независимо от того, является ли это экономической, социальной или естественной средой. Западная идеология провозглашает потребительское отношение к жизни. Это выражается в активной разработке месторождений полезных ископаемых, изменении естественного ландшафта экосистем, принуждении к действиям других народов с помощью экономических и военных мер. В противовес этому азиатские государства, исповедующие буддизм, стремятся к гармонии во всех своих действиях.

В такой высокотехнологической сфере деятельности, как авиация, можно часто встретиться с мнением о том, что технологии преодолевают любые возникающие проблемы. В культурном понимании это может формировать отношение "все в наших руках". Такая позиция в свою очередь может влиять на то, как организация рассматривает происходящие изменения. Западная культура склонна к введению системных изменений, а культуры, ориентированные на приверженность обычаям и традициям могут рассматривать любое стремление к изменениям как потенциальную угрозу существующему порядку, поэтому медленнее адаптируются к технологическим и отраслевым изменениям. Так, в Африке и на Ближнем Востоке рекомендации и предписания зарубежных агентств редко находят отклик, а если и внедряются, то с большим опозданием и не в полной мере.

Индивидуалистические общества отдают предпочтение ценностям отдельной личности. Люди измеряются с точки зрения их личных характеристик и того, чего они достигли. Система профессионального отбора, например, Германии или Франции строится таким образом, что на определенной должности находится человек, который в психофизическом и профессиональном плане наилучшим образом подходит на данную вакансию. С другой стороны, во многих ислам-

ских странах отдельные личности определяют себя в качестве членов семьи или группы. Данное измерение может влиять на практику в приеме на работу и взаимодействие в коллективе. В индивидуалистических обществах акцент делается на личных умениях, компетентности и достижениях, иными словами, обладает ли данное лицо способностями выполнять определенные обязанности? В обществах, ориентированных на группы, акцент делается на происхождение человека, его родственные связи и знакомства. Принятие решений в индивидуалистических культурах склонно быть быстрым, в то время как в коллективистских обществах может потребоваться больше времени и консультаций для достижения решения.

То, как общество рассматривает время, также имеет отношение к его действиям. Западные культуры склонны рассматривать время как линейную серию событий. Восточные общества рассматривают время как серию кругов (прошлое, настоящее и будущее) с различными степенями перекрытий.

Культуры, ориентированные на настоящее, склонны наслаждаться сегодняшним днем, демонстрируя высокую степень заинтересованности в существующих взаимоотношениях. В определенной степени сюда можно отнести Россию, где после упадка 1990-х гг. наблюдается определенный подъем, вследствие чего население удовлетворено положением вещей и не стремится к переменам. Модернизация производственного процесса идет медленно, а нагрузка на авиационную отрасль постоянно растет.

Культуры, ориентированные на будущее, оценивают планы с точки зрения будущих благ, не уделяя особого внимания традициям. Они стремятся к улучшению условий и как можно быстрее. Страны, которые обрели независимость сравнительно недавно, обладают меньшим чувством истории традиций, но имеют сильное чувство срочности и рассчитывают на получение немедленных результатов, что может негативно сказаться на качестве выполняемых работ.

Психолог Фонс Тромпенарс добавляет своё культурное отличие. Он называет это универсализмом. "Некоторые культуры верят в возможность четкого определения того, что является хорошим и правильным. Устанавливаемые в результате такого отношения правила всеобщие применимы без каких-либо исключений. Другие культуры более эксклюзивны, т.е. они более склонны принимать во внимание уникальные или исключительные обстоятельства текущей ситуации, и из чувства ответственности перед другими склонны "менять правила" [3, с. 24]. Таким образом, при взаимодействии с людьми, принадлежащими к эксклюзивным культурам, внимание необходимо будет уделить построению межличностных отношений с ними, а не действию по рабочему плану. Эти различия могут проявиться при радиообмене пилотов и диспетчеров из разных стран.

Исторически сложилось, что Северная Америка и Западная Европа доминируют как в производстве воздушных судов, так и в предоставлении сопутствующих авиационных услуг. Существующие в этих странах профессиональные и заинтересованные группы оказывают значительное влияние на установление глобальных авиационных стандартов. Несмотря на многонациональный характер деятельности ИКАО, Соединенные Штаты Америки и Западная Европа оказывают давление на разработку правил и нормативных положений международных авиационных стандартов. Таким образом, остальные участники авиационного рынка вынуждены приспособливаться к предъявляемым требованиям, что, в свою очередь, на фоне национальных особенностей и предпочтений в области труда может привести к диссонансу в работе служб этих государств.

Таким образом, культурные различия населения планеты могут влиять не только на взаимопонимание, на отношение к различным сферам нашей жизни, но и на точку зрения по фундаментальным проблемам во всех сферах жизнедеятельности, в том числе в авиационной отрасли, что в конечном итоге проявляется в уровне безопасности определенных авиалиний.

ЛИТЕРАТУРА

1. Консультативно-аналитическое агенство «Безопасность полетов» // Статистика авиакатастроф по странам мира. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.aviasafety.ru/crash-stat#10> (дата обращения: 01.12.2013)
2. JACDEC. AeroInternational Magazine. JACDEC SAFETY RANKING 2013. [Электронный ресурс]. URL: http://www.jacdec.de/Airline-Rankings/jacdec_safety_ranking_2013.htm (дата обращения 10.12.2013)
3. **Fons Trompenaars, Charles Hampden-Turner.** Riding the Waves of Culture. Second edition. Nicholas Brealey Publishing, London, UK, 1997.
4. **Nancy J. Adler, Allison Gundersen.** International Dimensions of Organizational Behavior, Fifth Edition, Thomson/South-Western, 2008.
5. **Циркуляр ИКАО 302.** Сборник материалов «Человеческий фактор» №16. Кросскультурные факторы и безопасность полетов. - Монреаль: ИКАО, 2004.

AVIATION IN THE CONTEXT OF CULTURAL DIFFERENCES

Lebedev A.V., Panferov K.N.

A comparison of the accident rates of different countries in the context of their historical and cultural heritage is given in the article. The authors have described the influence of national traditions on aircraft operations. An attempt is made to understand how the society affect the aviation industry. An example is given of regions dominating in aviation and problems arising from their hegemony.

Key words: culture, regional differences, aviation safety, society.

Сведения об авторах

Лебедев Андрей Владимирович, 1990 г.р., окончил МГТУ ГА (2012), аспирант МГТУ ГА, область научных интересов – философия личности.

Панферов Константин Николаевич, 1932 г.р., окончил Московское художественное ремесленное училище (1951), Киевское военно-морское политическое училище (1957), МГПИ им. В.И. Ленина (1964), Институт журналистского мастерства (1972), обучался в Гарвардском университете (США) (1995), депутат Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации первого созыва, заслуженный работник культуры России, действительный член Русской академии, доктор философских наук, кандидат экономических наук, профессор кафедры гуманитарных и социально-политических наук МГТУ ГА, ветеран Великой Отечественной войны 1941-1945 гг., автор более 500 научных работ, область научных интересов – экономика, политика, философия, культура.

УДК 32.919.5

УРОВНИ И ВИДЫ ПРОЯВЛЕНИЯ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОГО «СОГЛАСИЯ - НЕСОГЛАСИЯ»

С.И. НЕКРАСОВ, О.М. ХОХЛОВА

В статье рассмотрены основные уровни и виды проявления социально-политического согласия и несогласия. Предложена оригинальная модель уровней и видов дихотомии «согласие и несогласие» на основе самостоятельно разработанной типологии субъектов политики. В указанной дихотомии выделены и охарактеризованы такие виды согласия и несогласия, как «солидаристский - эгоцентристский», «консенсусный - протестный», «конструктивно-деятельностный - деструктивно-деятельностный».

Ключевые слова: политика, социально-политическое согласие, социально-политическое несогласие.

Механизм человеческой деятельности можно описать следующей цепочкой категорий: способ жизнедеятельности – потребности – интересы на основе осознанных ценностей – идеальные побудительные мотивы – цели – реализация их в действиях и поступках. Эта цепочка категорий характеризует путь, по которому объективная необходимость достигает сознания людей и превращается в активное действие. На основе этой модели мы предлагаем свою классификацию видов социально-политического согласия и несогласия в их дихотомии. С нашей точки зрения можно выделить три основных уровня проявления как социально-политического согласия, так и несогласия на основе движения от неосознанных потребностей через осознание интересов к реализации их в активной социально-политической деятельности.

Первый уровень проявления дихотомии социально-политического согласия и несогласия связан с потребностями индивида как представителя социальной группы. На этом уровне согласие основано на солидарности с себе подобными. Поэтому такой вид согласия мы определяем как солидаристский. Несогласие на этом уровне базируется на проявлениях витальных эгоистических потребностей индивида. Поэтому вид несогласия здесь мы определяем как эгоцентрический. Отличительной особенностью потребностей индивида на этом уровне является то, что они ещё не осознаны. Здесь индивид действует на основе подсознания, пытаясь удовлетворить свою потребность, которая выступает как нехватка, нужда или в биологическом поддержании существования своего тела, либо в реализации социальных потребностей – неосознанных желаний быть счастливым, любить и быть любимым и т.д.

Конечно, нельзя говорить об инстинктивной природе согласия. Однако уже в самых простых немногочисленных объединениях людей, которые только вышли из животного состояния, можно говорить о зачатках согласия. Первые табу (правила социальной жизни) были начальным этапом выработки общественного согласия. Постепенно, на основе опыта сотен поколений людей, была выработана потребность в нормах и правилах общежития, которые и сформировали ментальную основу социального согласия. Развитие членораздельной речи способствовало коммуникации, в ходе которой происходила передача накопленного жизненного опыта и первоначальных знаний. Огромную роль в формировании ментальных основ социального согласия начинали играть первобытные верования (магия, фетишизм, анимизм, тотемизм и т.д.), на основе которых формировались социальные сообщества, цементируясь в целостные образования.

Согласие приобретает своё содержание в соответствии с характером социальности, поэтому формы согласия отражают достигнутый уровень социальных отношений. Общественное бытие доисторического периода формирования человека, развитие средств общения и передача мыслей способствовали становлению согласия и его механизмов. Материальным носителем согласия становится община, благодаря которой коммуникация людей становится более разнообразной, устойчивой и формируется осознание необходимости согласия: только в условиях согласия можно выживать и удовлетворять свои потребности.

Организация производства, которая была связана с организацией труда, стала следующим этапом становления социального согласия. В результате совершенствования хозяйственной деятельности, когда появляется необходимость обмена продуктами труда, внутри общины и между соседскими общинами начинается социальное расслоение. Традиционные отношения социального согласия разрушаются, формируются основы проявления социального несогласия. Появляется потребность в создании новых механизмов поддержания согласия. Реализуя эту новую социальную потребность, общество создаёт государство. Стимулом создания государства стало желание собственников защитить своё имущество. Поэтому изначальный замысел создания государства – это защита интересов собственности [3, с. 3-19].

Таким образом, дихотомия «согласие-несогласие» формируется в самой социальной действительности: согласие в своей основе имеет стремление каждого человека быть частью группы, коллектива, общества, а несогласие в своей основе несёт стремление человека выделиться из коллектива, противопоставить себя ему.

Значит, согласие выражает потребность человека в коллективизме, а несогласие – в индивидуализме. Солидаристский вид согласия начинает формироваться на первом этапе становления социальной общины, а эгоцентрический вид несогласия возникает в период становления самосознания человека, выделения его из массы себе подобных, появления примитивных форм рыночных отношений и создание государства, которое постепенно набирает силу и в определённом смысле поглощает общество. Следовательно, согласие в таком государстве устанавливается посредством насилия, что вызывает сопротивление и порождает несогласие как неосознанную психологическую потребность сформировать своеобразное поле недостижимости со стороны государственных структур.

Второй уровень проявления дихотомии социально-политического согласия и несогласия связан с превращением потребности в интерес на основе её осознания. Мы рассматриваем интерес как осознанную потребность. На основе личных интересов и ценностей формируется цель, для реализации которой индивид анализирует опыт и знания других людей по поводу достижения аналогичной цели, что и является процессом его саморазвития. Здесь виды согласия и несогласия основаны на ценностно-целевых установках гражданина данной социально-политической системы. Субъект политики этого уровня проявления дихотомии «согласие-несогласие» – это в основном представитель среднего класса, т.е. человек, который благодаря своему образованию и профессиональным качествам, смог адаптироваться к условиям социально-политической жизни в условиях рыночной экономики и обеспечить своей семье адекватный сегодняшнему времени определённый уровень потребления и образ жизни.

Впервые понятие «средний класс» использовалось приблизительно в 420 г. до н.э. античный драматург Еврипид в своей трагедии «Умоляющие», где выделял три класса: богачей, бедняков и средний класс, доказывая, что только средний класс – опора для города: «он законам покорствуется и власти» [2]. Эту же мысль мы находим у Аристотеля в его «Политике», который утверждал, что чем больше будет эта социальная прослойка, тем стабильнее будет и само общество. «Государство, состоящее из средних людей, будет иметь и наилучший государственный строй... Они не стремятся к чужому добру, как бедняки, а прочие не посягают на то, что этим принадлежит, подобно тому, как бедняки стремятся к имуществу богатых» [1]. Таким образом, по Аристотелю, наилучшим государственным общением является общение, которое достигается через посредничество среднего класса, и благополучие государства должно быть основано на том, чтобы большинство его граждан обладали собственностью среднего элемента социальной структуры общества. Если одни обладают слишком многим, а другие ничего не имеют, то, по Аристотелю, возникает либо крайняя демократия, либо олигархия, либо тирания. Гражданское общество – это общество собственников. Так, Аристотель одним из первых в социальной философии указал истинный путь к созданию основ гражданского общества, заложив основы теоретической модели устойчивого развития общества.

С Нового времени до конца XIX в. понятием «средний класс» стали обозначать не слишком богатый, но материально независимый слой населения. В марксизме понятие «средний класс» применяли ко всем, кроме пролетариата и буржуазии, т.е. в него входили крестьяне, ремесленники и интеллигенция. По утверждению К. Маркса, с развитием капитализма средний класс постепенно исчезнет. В начале XX в. к среднему классу относили мелких предпринимателей. Сегодня к среднему классу причисляют людей наемного высококвалифицированного труда, владеющих определённым уровнем образования, доходов и стандартов потребления.

На этом уровне согласие основано на консенсусе (в основе которого лежит осознанная установка на единодушие), а несогласие связано с протестом (в основе которого лежит осознанное неприятие социально-политических программ и действий властных структур). Поэтому такой вид согласия мы определяем как консенсусный, а вид несогласия – как протестный.

Субъектом политики консенсусного вида согласия является прежде всего профессионал в определённой области деятельности, на которую он ориентирован, которая является предметом его глубочайшего интереса и даёт ему наибольшее удовлетворение в жизни [4, с. 66-79]. К этому виду также относятся люди, которые глубоко осознали цель своего существования и вся их жизнедеятельность – это бескорыстное служение предмету своего интереса (это могут быть семья, воспитание детей, путешествия, непрофессиональная общественная деятельность и др.). Социально-политическая атмосфера создаёт для этого все условия, поэтому социальное согласие – это возможность удовлетворять свои интересы.

Осуществление интереса субъектов общественного согласия данного вида связано с устойчивостью социальной системы. Этот интерес, отразившись в сознании человека, становится установкой его деятельности. Современный субъект консенсусного вида согласия – это человек, который поддерживает существующий миропорядок, являющийся основой социально-экономического и общественно-политического равновесия. Здесь социально-политическое согласие является основой устойчивости условий для профессиональной деятельности, которая является фундаментом материальной базы для его творчества и социального благосостояния. Субъект политики этого вида согласия даёт общественно-политическому строю своеобразную оценку, поэтому центральной категорией общественного согласия здесь выступают ценности. На этом уровне консенсус достигается ценой сознательного стремления поддержать данный социально-политический строй.

Таким образом, сущность политического согласия здесь заключается в единстве на основе ценностей, интересов, целей, чувств и действий субъектов политического согласия. Такое согласие утверждает: 1) единство убеждений и действий членов социальной группы, в основе которой лежит общность интересов и достижения общих социально-политических целей; 2) активное сочувствие и поддержка тех политических мнений и действий, которые способствуют гражданскому порядку и развитию общества; 3) консолидация общества на основе разделяемой большинством граждан (которые представляют собой самый многочисленный средний слой общества) системы ценностей, механизмов и принципов политического согласия, на основе чего создаётся политическая культура данного общества.

Субъектом политики протестного вида несогласия также является профессионал и его деятельность, которая для него представляет предмет глубочайшего интереса и, составляя цель жизни, даёт ему величайшее удовлетворение. Это люди, которые глубоко осознали цель своего существования, и вся их жизнь посвящена служению своему делу или своей личной заинтересованности (семья, дети и т.д.). Поэтому можно утверждать, что протестный вид несогласия основан на ценностно-целевых установках субъекта политики. Но осуществлению его целей и достижению ценностей мешают рамки условий, которые ограничивают его возможности. Для того чтобы осуществить свои поставленные цели, необходимо расширить узкие рамки возможностей, освободив поле для своей жизнедеятельности и профессионального творчества. И это субъект политики пытается осуществить путём противодействия тому социальному субъекту, который вызвал его недовольство.

Протест следует рассматривать как начальный этап социального конфликта. При этом протест способен приводить как к деструктивным, так и к конструктивным последствиям в зависимости от того, каков субъект и с какой целью могут использовать его протестное поведение. При тенденции государственной власти в определённой мере удовлетворить требования субъектов протестного вида несогласия его иногда называют умеренным типом политической оппозиции [5, с. 62-71].

В современной научной литературе нет чёткого определения категорий «протестное сознание» и «протестное поведение». Мы считаем, что эти категории следует рассматривать как в узком, так и в широком значении. В узком смысле протестное сознание и поведение означают осмысление целей, необходимых для расширения границ жизнеобеспечения протестующего и систему его действий в открытых протестных акциях. В широком смысле – это все процессы социального протеста, возникающие на начальном, кульминационном и завершающем его этапах.

Мы считаем, что сущность социально-политического протестного сознания и поведения можно рассматривать как: 1) личностную инициативу; 2) систему групповых и коллективных действий; 3) разновидность социально-политической активности субъектов несогласия; 4) социально-политическое движение, предполагающее мобилизацию ресурсов протестующих; 5) показатель активизации гражданского общества; 6) повышение уровня социальной напряженности, которая может вылиться в социальную революцию. Протестные действия могут как ускорять формирование гражданского общества, так и тормозить его становление.

Третий уровень проявления дихотомии социально-политического согласия и несогласия связан с переходом от осознания интересов и целей индивида к активным действиям к их осуществлению.

Субъект политики этого уровня проявления дихотомии «согласие-несогласие» – это представитель элитарных групп общества, это люди, которые занимают особый социальный статус, основанный на их достижениях в профессиональной деятельности, и обладают потенциальными возможностями влиять на культурную, экономическую, идеологическую или политическую жизнь, а также на большинство других групп социальных и политических институтов общества. Этимология термина «элита» подразумевает под собой лучших, достойнейших представителей, что далеко не всегда соответствует действительности.

Согласно Дж. Миллю, понятие элиты связано с неравенством, которое обусловлено природой человека. М. Вайда определяет элиту общества как группу людей, которая стоит на верхней ступени социальной иерархии, так как способна создавать образцы потребности и поведения. Ортега-и-Гассет считал, что элита есть результат в большей степени естественного отбора лиц с выдающимися качествами и способностями управлять обществом. П. Дрейцель утверждает, что элита, благодаря своим «продуктивным знаниям», обладает особыми позициями и, играя значительную роль влияния на власть, участвует в формировании социально-политической структуры общества. Родоначальник федерализма Гамильтон рассматривает элиту на основе различий между гражданами, которые равны лишь по рождению. Веблен определяет её как экономическую и финансовую олигархию специфических целей и ценностей [6, с. 26 - 27].

Первые современные классические концепции элит возникли в конце XIX – начале XX вв. Они связаны с именами Г. Моски, Р. Михельс и В. Парето. Г. Моска считал, что важнейшим критерием вхождения в элиту является материальное, моральное и интеллектуальное превосходство и способность к управлению другими людьми. Р. Михельс рассматривал элиту как внеисторическое социальное явление, а Миллс считал, что во всех сферах современной деятельности существуют отдельные элитарные группы.

Действительно, можно говорить о разных элитарных группах. Так, политическая элита – это группа профессиональных политиков высокого ранга, наделенных властными функциями и полномочиями, и высших государственных служащих, которые профессионально подготовлены к разработке и реализации политических программ и выработке стратегии общественного

развития. Экономическая элита – это представители крупного капитала и крупные собственники. Идеологическая элита включает ведущих представителей образования, гуманитарных наук и средств массовой информации, которые выполняют в обществе функцию формирования мировоззренческих позиций, ценностных ориентаций, идей и убеждений людей. Культурная элита объединяет наиболее авторитетных и влиятельных деятелей искусства, просвещения, литературы, представителей творческой интеллигенции. Научную элиту составляет наиболее одаренная часть интеллектуальной элиты, которая воздействует на развитие науки и техники, т.е. на научный и технический прогресс [7, с. 123 - 146].

В. Парето исходил из убеждения, что миром всегда правила элита – избранное меньшинство, наделенное психологическими (врожденными) и социальными (приобретенными вследствие воспитания и образования) качествами. Он разделил элиту на правящую (прямо или опосредованно участвующую в управлении) и неправящую – контрэлиту, т.е. людей, обладающих характерными для элиты качествами, но не имеющих доступа к руководству из-за своего социального статуса и различного рода барьеров, существующих в обществе для низших слоев. Эта мысль особо ценна для нашего исследования.

На этом уровне согласие базируется на конструктивной деятельности элитарных групп, в основе которой лежит осознанная установка на сохранение своего социального и экономического статуса. А несогласие связано с деструктивной деятельностью оппозиционно настроенной элиты (в основе которого лежит стремление радикально изменить социально-политическую систему, в результате чего она должна занять место правящей элиты и перераспределить в своих интересах материальные ценности). Поэтому такой вид согласия мы определяем как конструктивно-деятельностный, а вид несогласия – как деструктивно-деятельностный.

Осуществление интереса субъектов общественного согласия данного вида основано на укреплении стабильности общества, устойчивости его политических и экономических систем, в недопущении конфликтов, непримиримых антагонизмов, острых противоречий, деформации политических структур. Поэтому конструктивная деятельность этого субъекта политики направлена на сплочение различных слоев населения, гармонизация их социальных интересов, достижение консенсуса, сотрудничества и социально-политического согласия всех сил в обществе.

Современный субъект конструктивно-деятельностного вида согласия – это человек, который поддерживает существующее социально-экономическое и общественно-политическое равновесие. Для субъекта политики данного вида согласия организация коллективной деятельности по обеспечению равновесных отношений больших масс людей с политическими структурами является их естественной потребностью. Здесь достижение социально-политического согласия является не только основой устойчивости условий социального развития, фундаментом их материального благосостояния субъектов конструктивно-деятельностного вида согласия, но и формой позиционирования, проявления своей самодостаточности и значимости.

Субъект деструктивно-деятельностного вида согласия – это человек, который стремится изменить существующее социально-экономическое и общественно-политическое равновесие, и открыто выступает за смену существующего политического курса с целью реализации своей политической линии. Поэтому такой вид несогласия принято называть радикальной политической оппозицией.

Особую роль приобретает политическая оппозиция, когда общество находится в переходном состоянии своего развития – происходят глубокие изменения всего социально-экономического строя. В таких условиях для достижения политических целей появляется опасность применения политической оппозицией насилия. Если властные структуры опаздывают с формированием механизма обратной связи и изменением политических планов и стратегий, то политическая оппозиция способна активизировать свою деятельность, что может вызвать непредсказуемые деструктивные последствия для данной господствующей политической системы.

Таким образом, мы предложили свою модель уровней и видов дихотомии «согласие и несо-

гласие» на основе самостоятельно разработанной типологии субъектов политики. В связи с тем, что в современной научной литературе довольно обстоятельно рассматриваются проблемы социального, гражданского и политического согласия, а проблемы социально-политического несогласия практически не анализируются, наше продолжение будет посвящено философскому осмыслению этого явления в рамках дихотомии «согласие и несогласие».

ЛИТЕРАТУРА

1. **Аристотель.** Политика // Платон, Аристотель. Политика. Наука об управлении государством. - М.: Эксмо, 2003. - С. 307 - 584.
2. **Еврипид.** Полное собрание трагедий в одном томе. - М.: Альфа-книга, 2013.
3. **Матвеева С.Я.** Модернизация и глубинный конфликт ценностей в России // Социальный конфликт. - 1994. - № 4. - С. 3-19.
4. **Медведев Н.П.** Консенсуальные аспекты современного российского федерализма // Вестник Российского университета дружбы народов. - 2001. - № 3. - С. 66-79.
5. **Парк Р.Э.** Конкуренция и конфликт // Вопросы социологии. - 1994. - № 5. - С. 62-71.
6. **Перегудов С.** Социальное согласие: опыт Запада и наши проблемы // Свободная мысль. - 1992. - № 18. - С. 26-27.
7. **Семенов В.С.** Конфликты и согласие в современной России. - М.: Мысль, 1998.

LEVELS AND TYPES OF MANIFESTATIONS OF SOCIAL-POLITICAL “AGREEMENT-DISAGREEMENT”

Nekrasov S.I., Khokhlova O.M.

The article deals with the basic levels and types of manifestation of social and political agreement and disagreement. An original model of levels and types of dichotomy "agreement and disagreement" on the basis developed typology of political subjects. In the abovementioned dichotomy such typos of agreement and disagreement as "solidarity - egocentrism", "consensus – protest", "constructive active – destructive active" independently.

Key words: politics, socio-political agreement, socio-political dissent.

Сведения об авторах

Некрасов Сергей Иванович, 1954 г.р., окончил КГУ (1979), заслуженный деятель науки и образования РАЕ, академик РАЕ, академик Европейской академии естественной истории, доктор философских наук, профессор кафедры гуманитарных и социально-политических наук МГТУ ГА, автор более 250 научных работ, область научных интересов – онтология и теория познания, философская антропология, этика, философия науки.

Хохлова Ольга Михайловна, окончила ИрГПУ (1989), БГУЭП (2005), старший преподаватель кафедры таможенного права и правоведения ИрГУПС, автор более 30 научных работ, область научных интересов – социальная философия, философская антропология, этика, политология, социология.

УДК 32.919.5

ЭТАПЫ ПРОЦЕССА ПОЛИТИЗАЦИИ И ОСНОВНЫЕ ТИПЫ СУБЪЕКТОВ ПОЛИТИКИ

С.И. НЕКРАСОВ, Н.А. НЕКРАСОВА, О.М. ХОХЛОВА

В статье проанализированы основные этапы политизации личности. Рассмотрены основные типы субъектов политики. Определено, что согласие в своей основе имеет стремление каждого человека быть частью группы, коллектива, общества, а несогласие в своей основе несёт стремление человека выделиться из коллектива, противопоставить себя ему.

Ключевые слова: политизация, политика, субъекты политики.

Прежде чем стать субъектом социального действия, человек, как общественное существо, проходит путь социализации, в результате чего происходит его приобщение к общественной жизни, усвоение им социального опыта, приобретение социальных свойств, способов общежития и норм жизнедеятельности. Но для того чтобы стать субъектом политики, личность должна пройти путь политизации, содержание которого составляют приобщение к политической жизни, определение своих интересов в сфере экономики, права и политики, что позволяет индивиду функционировать в качестве полноправного гражданина общества. На основе анализа уровней человеческого бытия и субъектно-объектных отношений в политике, можно выявить три этапа социально-политического развития (политизации) индивида как основного носителя субъектно-объектных отношений в политике. Причём на каждом этапе своего развития субъект политики выступает как определённый тип.

Первый этап политизации порождает конформистский (основанный на псевдосогласии) и анархистский (в основе которого лежит псевдонесогласие) типы. Этот этап социально-политического развития гражданина связан с повседневной бытовой сферой индивида, где он бессознательно или малоосознанно занят утилитарным обслуживанием своего телесного Я.

Если простейшие витальные потребности человека удовлетворены, он избавлен от необходимости занимать активную жизненную позицию, самостоятельно организовывать свою жизнь и согласен с данным состоянием, то он проявляет себя как конформист. Этот тип социально-политического конформизма базируется на стремлении к согласию, которое можно назвать *псевдо-согласием*, так как это согласие не имеет позитивного содержания, человек соглашается, как бы по привычке быть как все, не отличаться от других, ибо такая позиция дарует индивиду жизненное спокойствие. Конформистский тип представляет собой иждивенческую модель отношения к государству, которая связана с надеждой на то, что «всё устроится» с помощью государства. Этот момент благоприятствует утверждению социального согласия. Человек конформистского типа не задумывается о подлинных социальных связях и отношениях, а даже незначительное принуждение воспринимается им не как насилие, а как фактор стабильности, порядка, гармонии, т.е. он принимает его не только добровольно, но и с благоговением. Такой человек чисто внешне может быть назван гражданином (только потому, что он живёт в определённом государстве), так как он включён в социальные взаимодействия, но практически исключён из системы политических отношений и является объектом политических воздействий.

Если же его простейшие витальные потребности не могут быть полностью удовлетворены, он не может самостоятельно организовывать свою жизнь, между ним и другими людьми (которые, с его точки зрения, более успешно удовлетворяют свои витальные потребности), группами людей и обществом в целом возникает определённая напряжённость, то он проявляет себя как анархист. Он начинает вести себя агрессивно, его поведение деструктивно. Внешне он проявляет себя как свободолюбивое существо, но его действия и поступки чисто спонтанные и сугубо инстинктивны. Его сознание разорвано и фрагментарно. Он не видит связей своего состояния с

данными политическими отношениями. У такого индивида ещё не сформирована целевая жизненная позиция, хотя он и не согласен с данными социальными отношениями, он стремится их разрушить и удовлетворить свои эгоистические потребности. Этот тип социально-политического анархизма базируется на выражении несогласия, поэтому его можно определить как псевдо-несогласие, ибо он так же как и псевдосогласие не имеет позитивного содержания. Человек также не задумывается о подлинных социальных связях и отношениях, но незначительное принуждение воспринимает как насилие над собой и воспринимает его агрессивно, а стабильность и порядок в государстве воспринимает как ущемление своего витального бытия. Такой индивид так же как и конформист только чисто внешне может быть назван гражданином, ибо он включён только в социальные взаимодействия, но исключён из системы политических отношений и проявляет себя только как объект политики, на который направлено действие как субъектов политики, так и властных структур.

На втором этапе политизации формируется корпоративистский (который можно рассматривать как предсогласие, т.е. как начальный этап перехода к подлинному согласию) и конкурентный (который мы определяем как преднесогласие, ибо он также представляет собой начальный этап осознанного несогласия) типы. Эти типы социально-политического развития гражданина связаны с переходом от витального уровня бытия к рефлексивному, который основан на формировании его самосознания, т.е. когда его сознание приобретает способность сосредоточиваться на себе самом и овладевать собой как посторонним предметом. Здесь индивид как бы стоит над ситуацией. На этом этапе формируется субъективность и человек становится субъектом собственной жизнедеятельности, обретая способность оценивать и судить самого себя. Рефлексия необходима человеку как способ самопознания и самооценки и формирования социально-политического как пред-согласия, так и пред-несогласия.

Если предсогласие основано на обнаружении объективных факторов к объединению, нахождении общих точек соприкосновения и достижении предварительных точек согласия, то оно на основе ценностных ориентаций формирует у индивида убеждённость в значимости согласия для общества и каждого его члена. Предсогласие формирует у индивида чувство принадлежности к общему делу, т.е. порождает корпоративный дух, который представляет собой совпадение ценностных ориентаций, жизненных позиций и общих взглядов на решение социальных проблем, жизненно значимых для сообщества. Предсогласие способствует рождению необходимости сотрудничества и взаимопомощи. Основой предсогласия является ценностное единство сообщества. Корпоративистский тип индивида начинает включаться в социально-политические отношения, хотя эти отношения носят ещё примитивный характер и акцент делается на решение социальных, а не политических проблем, хотя человек уже начинает выходить на осознание политической ситуации, которая порождает уверенность в силе солидарных действий. На этом этапе происходит постепенный переход гражданина как объекта политических воздействий в субъект политики.

Если преднесогласие основано на обнаружении объективных факторов к рассогласованности членов общества, потере общих точек зрения, то оно на основе индивидуально-ценностных ориентаций членов общества формирует у них убеждённость в необходимости любым путём отстоять свою позицию. Здесь несогласие проявляет себя как рефлексивный феномен. У индивида возникает уверенность, что общество построено на подчинении одних индивидов другими, и в социальной жизни побеждает сильнейший. Преднесогласие основано на эгоистических устремлениях индивида, т.е. порождает конкурентный дух, который представляет собой ориентацию не на общечеловеческие ценности, а на личностные, где в основе лежит принцип «побеждает сильнейший». Преднесогласие способствует рождению необходимости конкурентной борьбы и дальнейшему усилению социального напряжения. Основой преднесогласия является рассогласование ценностных установок членов сообщества. Конкурентный тип индивида, так же как и корпоративистский, начинает включаться в социально-политические отношения, но эти отношения также носят ещё примитивный характер, и акцент делается на решение социаль-

ных, а не политических проблем, хотя человек уже начинает выходить на осознание политической ситуации, которая порождает уверенность в силе конкурентной борьбы в обществе. Таким образом, происходит постепенный переход гражданина конкурентной ориентации из объекта политических воздействий в субъект политики.

Третий этап политизации связан с формированием духовного сопричастного (основанного на подлинном согласии) или противоборствующего (в основе действий которого лежит осознанное несогласие) типов. Эти типы социально-политического субъекта формируются в процессе перехода от рефлексивного уровня развития индивида к духовному уровню его бытия, где мы имеем дело уже с личностью. Бытие индивида на этом этапе – это результат сложного переосмысления ценностно-смысловых жизненных ориентиров, в результате чего рождается личность, которая самоопределяет своё существование и творит своё духовное бытие. Реальность бытия личности ориентирована на вполне определённые политические цели и ценности, без чего она не мыслит смысл своей жизни. Духовная личность, благодаря своей активной включённости в политическую жизнь общества, способна видеть прогрессивные тенденции социально-политического развития и своими действиями претворять в жизнь социальные идеалы. Только духовная личность становится полноценным субъектом политических отношений, ибо способна осмысливать, бескорыстно оценивать и чувственно переживать полученную политическую информацию на основе общечеловеческих ценностей и норм нравственности, и направлять свою деятельность на достижение социального равенства, свободы и справедливости.

Для личности духовно-сопричастного типа согласие выступает как социальный идеал, обладающий абсолютной ценностью, так как оно основано на осознании человечества как единой системы и самооценности самой жизни. Жизнь такой личности основана на осуждении несправедливости, насилия и неравноправия, так как она обладает планетарным мышлением. Для такой духовно-развитой личности политика согласия предполагает отказ от применения силы или угрозы применения силы как средства решения социально-политических противоречий. Она отстаивает идею решения любых социальных проблем путём диалога с политическими структурами на основе принципов полного равноправия и взаимной выгоды различных социальных групп, признания права граждан самостоятельно решать свои внутренние проблемы на основе сотрудничества, толерантности и добросовестного выполнения обязательств со стороны властных структур. Только социальное согласие – это основа безопасности, позволяющая свободно развиваться каждому гражданину и придающая обществу устойчивое развитие. Таким образом, на этом этапе личность активно включается в социально-политические отношения, действует как субъект политических отношений и отстаивает принцип силы солидарного договора в решении политических вопросов.

Для противоборствующего типа социально-политического субъекта несогласие становится своеобразной основой борьбы за утверждение социального идеала, который становится для него абсолютной ценностью. Он рассматривает сопротивление политической власти как единственную возможность достижения равенства, свободы и справедливости. В этом противостоянии он видит самооценность самой жизни. Жизнь такой личности основана на осуждении несправедливости и неравноправия. Для такой духовно-развитой личности политика несогласия предполагает участие в протестном движении, вплоть до применения силы как средства решения социально-политических противоречий. Она отстаивает идею решения любых социальных проблем путём диалога со своими политическими союзниками и отказа от любых переговоров с господствующими властными структурами, когда властные структуры начинают нарушать законы, конституционные основы общества, свои обещания и программные установки, которые афишировались в момент избирательных кампаний. Своими противниками они считают не только государственные структуры, но и те общественные институты (партии, движения, фонды, объединения), которые сотрудничают с властными структурами и пытаются «заигрывать» с ними для решения своих местечковых или сугубо личных интересов. Они готовы прямо и открыто отстаивать принципы полного равноправия граждан, признания права граждан самостоя-

тельно отстаивать свои интересы вплоть до забастовок и протестного движения для отстаивания своих экономических, социальных и политических интересов. В основе бытия личности противоборствующего этапа развития заложена идея человеческого равноправия и свободы каждого гражданина общества. Для такой личности путь социального несогласия – это единственная возможность добиться социальной справедливости, позволяющей свободно развиваться каждому гражданину и выводящей общество на неустойчивое развитие (хаос), которое является основой будущего устойчивого развития (порядок). Таким образом, на этом этапе личность активно включается в социально-политические отношения, действует как субъект политических отношений, осознавая, что власть, которая упивается своими достижениями, перестаёт замечать чаяния своего народа и ведёт общество к загниванию. Выступая как сила политической оппозиции, личность противоборствующего типа нарушает благоденствие властей, заставляя их постоянно корректировать и улучшать свою экономическую, социальную и политическую деятельность.

На основе анализа этапов социализации индивида и определения типов субъектов социально-политических отношений, характерных для каждого из этих этапов, можно сделать вывод, что в основе проявлений согласия и несогласия индивида лежат его базовые ценности и нормы. Мы склонны рассматривать согласие и несогласие как свойство индивида, в основе которого лежит ориентация на определённые ценности и как внутренний механизм развития индивида. Явления согласия и несогласия мы рассматриваем как ценностно-ориентационное единство людей. Кроме того, каждый индивид является представителем определённой социальной группы, разделяя её интересы и цели. Исходя из этой особенности смыслового содержания данных явлений, которые отражаются понятиями согласия и несогласия, в большей мере изучались социологами и психологами и характеризовались как явления групповой сплочённости. При этом природа согласия и несогласия рассматривалась как обусловленная динамическими силами согласия или напряжения в ходе межличностной коммуникации. Поэтому социальное согласие и несогласие можно рассматривать как на индивидуальном, так и на групповом уровнях. Выше мы уже проанализировали особенности феноменов согласия и несогласия на различных этапах социализации индивида. Для дальнейшего исследования дихотомии «согласие-несогласие» необходимо дать характеристику их проявления как феноменов группы. Мы согласны с О.Б. Шулеповой [2], которая несогласие как феномен группы называет разногласием. Термин "разногласие" характеризует проявление различных мнений и интересов в составе группы. Часто в научной литературе для обозначения дихотомии «согласие-несогласие» употребляют термины «консенсус» и «диссенсус». Консенсус обозначает согласие, которое возникает не стихийно (в результате совпадения интересов и взглядов), а в результате сознательных усилий – длительных обсуждений и дискуссий. Диссенсус обозначает осознанное разногласие, которое возникает на групповом уровне, на основе разных подходов к решению социально-политических проблем. Разногласие проявляется в дискуссиях, полемике, спорах, которые порой принимают острую конфликтную форму, но разногласие совсем не обязательно переходит в конфликт. Сущностным проявлением разногласия как конфликта является противоречие во взглядах, интересах, целях взаимодействующих субъектов социально-политических взаимоотношений, которые сопровождаются негативными эмоциями и чувствами в отношениях друг к другу. В основе этих разногласий (диссенсуса) лежит стремление нанести ущерб другой стороне (оппоненту) [1, с. 5-54].

Таким образом, дихотомия «согласие-несогласие» формируется в самой социальной действительности: согласие в своей основе имеет стремление каждого человека быть частью группы, коллектива, общества, а несогласие в своей основе несёт стремление человека выделиться из коллектива, противопоставить себя ему. Значит, согласие выражает потребность человека в коллективизме, а несогласие – в индивидуализме. Солидаристский вид согласия начинает формироваться на первом этапе становления социальной общины, а эгоцентрический вид несогласия возникает в период становления самосознания человека, выделения его из массы себе по-

добных, появления примитивных форм рыночных отношений и создания государства, которое постепенно набирает силу и в определённом смысле поглощает общество. Следовательно, согласие в таком государстве устанавливается посредством насилия, что вызывает сопротивление и порождает несогласие как неосознанную психологическую потребность сформировать своеобразное поле недостижимости со стороны государственных структур.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Лоренц К.** Агрессия (так называемое зло) // Вопросы философии. - 1992. - № 3. - С. 5-54.
2. **Шулепова О.Б.** Феномен несогласия в научном познании (философско-методологический анализ): автореф. дис. ... докт. филос. наук. - Новосибирск, 2000.

STEPS IN THE PROCESS OF POLITICIZATION AND BASIC TYPES OF POLITICS SUBJECTS

Nekrasov S.I., Nekrasova N.A., Khokhlowa O.M.

The article analyzes the main stages of personality's politicization. The main types of political subject have been treated. Determined that agreement basically has everyone's desire to be part of a group, team, company, and disagreement basically contains a human being's desire to leave the team, to oppose it.

Key words: politicization, politics, political entities.

Сведения об авторах

Некрасов Сергей Иванович, 1954 г.р., окончил КГУ (1979), заслуженный деятель науки и образования РАЕ, академик РАЕ, академик Европейской академии естественной истории, доктор философских наук, профессор кафедры гуманитарных и социально-политических наук МГТУ ГА, автор более 250 научных работ, область научных интересов – онтология и теория познания, философская антропология, этика, философия науки.

Некрасова Нина Андреевна, окончила КГУ (1979), доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой философии и культурологии МГУ ПС (МИИТ), член координационного совета Европейской научно-промышленной палаты, действительный член РАЕ, действительный член Европейской академии естественной истории, автор более 220 научных работ, область научных интересов – социальная философия, этика, философия науки и техники, онтология, философская антропология, культурология.

Хохлова Ольга Михайловна, окончила ИрГПУ (1989), БГУЭП (2005), старший преподаватель кафедры таможенного права и правоведения ИрГУПС, автор более 30 научных работ, область научных интересов – социальная философия, философская антропология, этика, политология, социология.

УДК 621.396

ЭТНОИММИГРАЦИЯ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

К.С. ДАЛЛАКЯН

Статья представлена доктором философских наук, профессором Панибратцевым А.В.

В статье определены смысловые значения термина «этническая иммиграция», определены факторы, влияющие на процесс миграции этноса, выделены объективные и субъективные компоненты этого процесса. Автор впервые рассматривает этноиммиграцию как самостоятельную форму в миграционном потоке.

Ключевые слова: этническая иммиграция, этноиммиграция, миграция, этнические процессы.

В научных кругах уже давно циркулирует модель этнической миграции. Несмотря на видимую простоту данного явления в научной литературе не сложилось его однозначного понимания. Это связано в первую очередь с интерпретацией самого термина «этничность». В нашем понимании этничность – это сложноструктурированная система совокупных этнических черт, характеристик, признаков, которая является основной и единственной этноопределяющей категорией для всех этнических общностей, которая человеческое общество превращает в этническое [1, с. 88 - 93]. Еще одной существенной проблемой является то обстоятельство, что, с одной стороны, каждый иммигрант является носителем той или иной этничности, и, с другой стороны, этнические факторы иммиграции едва ли не всегда переплетены с социально-экономическими. Таким образом, при рассмотрении этноиммиграции возникает определенная сложность и путаница в различии этноиммигрантов и беженцев.

В изучении сложного по природе своей явления этнической иммиграции отечественными и зарубежными учеными проделана масштабная научно-исследовательская работа, позволяющая систематизировать представления о проблеме. Отдельные положения этой проблемы отражены в публикациях В. Авксентьева, Ю.В. Арутюняна, Г. Витковской, Г.Ф. Габдрахмановой, В. Гельбраса, А. Дмитриева, В. Дятлова, Ж. Зайончковской, В.А. Ионцева, Н.М. Лебедевой, В. Мукомель, С. Панарина, Э. Паина, В.Н. Петрова, Г. Пядухова, И. Романова, А.В. Топилина, Т. Юдиной, А. Юнусова [2]. Однако быстро меняющийся мир не обходит стороной исследуемую область, что требует определенных корректив.

Меликьян Г.Г. в энциклопедическом словаре «Народонаселение» для этнической миграции приводит два существенно различающихся смысловых пояснения: во-первых, этнические миграции определяются как миграции населения, в которых участвуют люди определенных этнических (национальных) принадлежностей; во-вторых, в этнической миграции на первый план выступает роль этнического фактора [3, с. 572].

В научно-теоретическом анализе этого неоднозначного, сложного по своей природе явления достаточно часто под термином «этнические миграции» понимаются потоки мигрантов одной этничности. В таком же ключе формулирует свое определение Э.Р. Барбашина: «субъектами миграционного движения выступают люди отдельных этнических групп. Этническая миграция включает в себя представительство людей различных национальностей в миграционных потоках» [4, с. 131]. Аналогичную точку зрения высказывают многие отечественные исследователи [5, с. 10]. Другие же исследователи проблемы (не менее многочисленные) в трактовке определения характера и содержания этнической иммиграции опираются на значение этнического фактора. Так, А.В. Топилин считает, что любую миграцию можно признать по форме этнической, ибо любая миграция включает в себя представителей одной либо нескольких национальностей. В то же время по содержанию к этнической иммиграции могут быть отнесены далеко не все потоки. «Решающим для выделения этнической

миграции является действие этнических факторов, к которым относятся следующие: этнический состав населения и национальная самоидентификация, межнациональные отношения и этнические конфликты, культура и традиции, включая трудовые, языковую и религиозную ситуации. Этнические факторы нередко действуют в тесной взаимосвязи с социально-экономическими и другими... Под этнической миграцией понимается миграция, в основе которой лежат не экономические факторы, а факторы, связанные с самосохранением этноса или его части как самостоятельного социально-экономического и этнокультурного организма» [6, с. 51-52].

Данные определения не вносят ясность в исследуемое понятие и все больше усложняют нашу задачу. Думается, что вопрос в том, какие исследовательские задачи поставил перед собой конкретный автор, и какие методологические задачи решает. При исследовании миграционных потоков в современной России предложенные интерпретации этнической модели оказываются вполне пригодными, однако определенные трудности возникают при изучении иммиграции в постсоветском пространстве, например, иммиграция армян из современной Армении коррелируется с самосохранением армянства.

Анализ этномиграции диалектически взаимосвязан с выбором собственных методологических подходов, инструментальных способов и средств, адекватно отражающих сущность и содержание исследуемой проблемы, разумеется «не на чистом поле», а с использованием имеющегося богатого исследовательского материала с позиции позитивного ревизионизма и взаимодополняемости. На наш взгляд, рассматривая этническую миграцию в общем миграционном процессе, можно выделить такие ее компоненты, как:

- *субъект* этномиграции как центральный элемент в модели этномиграции, в качестве которого выступают этнические общности или отдельные представители, взаимодействующие между собой во всех этапах миграции. Употребляя термин «субъект миграции», мы подразумеваем, что иммигрант самостоятельно принял решение об эмиграции в отличие от беженца, который «не свободен» в принятии решения о переселении и выступает как объект миграции;

- *объективные* факторы этномиграции - это совокупные предпосылки и условия, стимулировавшие процесс переселения. Как объективная реальность характеризуют всю окружающую мигранта среду обитания: общественную (социальную) и естественную (природную), что может быть объединено одним понятием – условия жизни. Среди них выделяются условия, которые воздействуют на этномиграцию и выступают как объективные факторы этномиграции: *общественные факторы* – экономические, демографические, социальные, этнические, религиозные, политические, правовые, характеризующие территориальные различия в общественных условиях; *естественные факторы*, определяющиеся природными условиями проживания и труда, в том числе климатическими особенностями, экологической обстановкой, геологическими условиями и т.д. [7, с. 54];

- *субъективные* факторы этномиграции, которые обусловлены потребностями и ценностными ориентациями иммигрантов. Многообразие человеческих потребностей порождает в потенциальных иммигрантах различные мотивы – начиная от желания получать приемлемый доход для удовлетворения базовых потребностей качественной жизни и заканчивая потребностями более высокого порядка, связанными с получением определенного социального статуса, профессиональной и творческой самореализацией. В качестве субъективного фактора может служить распространение ярких, эмоционально окрашенных слухов, мифов, на основе которых возникают ожидания, которые в свою очередь трансформируются в массовидные эмиграционные настроения, порождающие субъективную готовность к эмиграции.

На практике этномиграция обусловлена субъективными и объективными факторами в неразрывной диалектической взаимосвязи. Все факторы воздействуют не изолированно, а находятся в сложном взаимодействии, взаимообусловлены.

Таким образом, этномиграцию можно представить как массовое перемещение, когда

этнофор добровольно покидает этноареал (или ареал ее длительного проживания) и переселяется в иное географическое пространство. Примером этноиммиграции может служить переселение евреев в Израиль, а также репатриация армянства в Советскую Армению.

Большинство ученых правоведов, политиков, назовем их «либералами», доказывают, что этноиммиграция, как и иммиграция вообще, решает одну из актуальных задач современной России как демографический кризис, в том числе кризис рабочей силы. Другая часть исследователей, в противоположность «либералам», считает, что этноиммиграция - источник террора, этнической преступности, радикального ислама, появления этнических анклавов труда в российских городах и селах. Разные интерпретации феномена этноиммиграции закономерно влекут за собой кардинально иные методы политико-правовой регламентации этой насущной проблемы.

Свою оценку этнической иммиграции, в основе которой лежит конфликтогенность предложили представители конфликтологической школы. Для представителей данного направления характерны констатация тех или иных противоречий, поиск субъектов конфликтов, их интересов и ценностей, а также путей регулирования реальных, а иногда и ложно понятых конфликтов. Этноиммиграция, в силу этнокультурной, этноконфессиональной нетождественности с принимающим населением, способствует росту конфликтного потенциала в социуме. Сложность динамики этноиммиграции состоит в том, что непрерывно изменяется состав этноиммиграции. Российские ученые А.В. Дмитриев и В.И. Мукомель в контур этноиммиграции включили также трудовую иммиграцию и установили, что, если в начале 1990-х гг. этноиммигранты приезжали на постоянное место жительства в Россию, то начиная с 2000-х гг. росла численность временных трудовых иммигрантов.

Несомненно, любой трудовой иммигрант является носителем той или иной этничности, однако, на наш взгляд, ошибочно инкорпорировать трудовых иммигрантов в контур этноиммиграции. В политэкономии принято понимать под трудовой иммиграцией переселение трудоспособного населения из одной страны в другую и использование их трудовых ресурсов в течение определенного времени, не предполагающее окончательного местожительства. В специальной литературе встречается такая форма трудовой иммиграции, как «маятниковая» - периодические (возможно ежедневные) поездки работников между различными приграничными населенными пунктами – среди тех, кто занят сезонными работами (например, в туризме).

Ученые при этом справедливо подчеркивают, что решающее значение играет тип миграционного поведения: *ориентация на постоянное проживание* или *заработки* (временная трудовая миграция). Иными словами, в литературе есть разграничение мотивации у трудовых иммигрантов и у этноиммигрантов, что, на наш взгляд, является существенным фактом, тем самым предопределяет всю систему изучаемых взаимоотношений, в том числе политико-правовой статус этноиммигранта. Между тем, выводы конфликтологического направления могут оказаться весьма полезными, так как этноиммиграция включает в себя в большей степени аналогичные социальные константы и переменные. В коммунальной жизни субъективное восприятие обычным россиянином этноиммигранта и этнического трудового иммигранта не расходятся.

Неприятие общественностью этноиммигрантов базируется на опыте контактов преимущественно с трудовыми иммигрантами. Последние, как правило, в силу того, что в принимающей стране заведомо находятся временно, обособляются и не стремятся интегрироваться с принимающей социальной средой. Их слабая включенность в повседневный культурный обмен, отсутствие осознанной потребности следовать общепринятым образцам и традициям сложившегося образа жизни и/или незнание этих образцов и традиций (часто воспринимаемое местными жителями за нежелание) в значительной мере провоцируют напряженность между этноиммигрантами и местным населением.

Напряженность усугубляется в связи с тем, что этничность всегда оказывается самым

доступным маркером отношений «свой - чужой». В этнизированной социетальной палитре иноэтничность выставляет этноиммигранта в самом невыгодном положении. Этноиммигрантофобия – неблагоприятность к этноиммигрантам – производная от страхов утраты «ресурсов» [8, с. 67] и «утраты собственной идентичности» [9, с. 167] зачастую небеспопеченна: этноиммигрантам характерны клановость, закрытость, вытекающие из иных культурных и национальных традиций, нормы поведения, не сообразующиеся с нормами и традициями принимающего общества. Следовательно, негативное восприятие репутации отдельных представителей иммигрантских сообществ становится социально значимой константой. Принятый стереотип как образец восприятия, фильтрации, интерпретации, распознавания окружающего мира и, в первую очередь, «своих-чужих» развертывает своеобразный барьер между принимающим населением и этноиммигрантами.

С другой стороны, можно констатировать готовность этноиммигранта преодолевать сложившиеся барьеры, интегрироваться в социальную среду и приспосабливаться к новым социальным условиям. Исследователи среди основных факторов, способствующих формированию позитивной ориентации этноиммигрантов на интегративную адаптацию к социальному окружению, выделяют: доступность важнейших составляющих социальной среды (рынки занятости, жилья, образования, социального, культурного обслуживания и т.п.); социокультурная дистанция между старой и новой средой; этнокультурные особенности групповой самоорганизации, производные от специфики социальной организации и традиций посылающего общества; различия в установках на адаптацию различных групп мигрантов; исторически сложившийся групповой опыт выживания в инокультурной среде, особенно городской; развитость и доступность для мигрантов формальных и неформальных сетей коммуникации [10, с. 107].

В качестве адаптивной реакции самосохранения этноиммигранты возводят моноэтническую «буферную зону», где воспроизводятся привычные социальные коммуникации, традиционный этнокультурный архетип, и вне этой зоны этноиммигрант чувствует себя как бы вне социума. Роль и характер «буферной зоны» не однозначны. С одной стороны, она служит как бы промежуточным звеном на пути социализации и интеграции в позитивные социальные коммуникации и общепринятые образцы и традиции. Причем степень сплоченности напрямую зависит от социально-экономического положения и образованности этнического иммигранта и от того, в какой мере он нуждается во внутриобщинной консолидации для выживания, последующей социально-экономической адаптации. Пропорционально росту материального положения и степени вовлечения в национальные экономические отношения, повышению статуса в социетальной иерархии происходит ослабление внутригрупповой сплоченности и на первое место выходят общегражданские связи. С другой – изолированная «буферная зона» является невидимой преградой, бытовой и коммунальной сегрегацией. Такое вынужденно-добровольное «капсулирование» [11] этноиммигрантов – чаще всего осознанная стратегия адаптации к принимающему обществу, обусловленная низким уровнем готовности иммигрантской общины к интеграции с местным сообществом [11, с. 148]. Клановое состояние характерно, когда этноиммигранты – чужаки для этнического большинства. Это не только положение этноиммигрантов в обществе, но и групповое мировоззрение, обособляющее их в изолированную, отчужденную общину. «Полноценная межэтническая интеграция в общество для них недостижима вследствие известных нормативно-правовых ограничений или этнодискриминационной правоприменительной практики» [12, с. 166 - 173].

Конфликтогенный потенциал сегрегации как существенный фактор в современном политико-правовом процессе теоретически изучен многими авторами, тем не менее до сих пор остается юридическая неопределенность институциональных форм конфликта, наблюдаемая в процессах легитимации «буферной зоны». Такая институциональная или квазиинституциональная сегрегация включает следующие группы риска:

1. Сегрегации способствуют дискриминационные принципы в нормативно-правовых актах [13, с. 184], причем этническая сегрегация включает не только этническую иерархию, но и способы воспроизведения этого неравенства, а также восприятие обществом социальной оценки рассматриваемой этнической стратификации [10, с. 111].

2. В данную сферу вовлечены, в первую очередь, неконкурентоспособные этноиммигранты: недостаточно владеющие русским языком, низкоквалифицированные или не имеющие квалификации. Для них доступны специфические рабочие места, в большинстве своем не привлекательные для местного населения. Такой ограниченной возможностью социальной мобильности этноиммигранты практически исключены из социально-экономической орбиты социализации.

3. «Буферная зона» полностью поглощает этноиммигранта, его экономические, этнические, религиозные и иные потребности. В практической изоляции у этноиммигранта остается мало времени для адаптации, освоения новой культурной традиции, что стимулирует к групповой сплоченности, маргинализации. Они вовлекаются в анклавную экономику, развертывают свою трудовую деятельность, привлекая труд преимущественно своих легальных и нелегальных соотечественников.

4. Этнические предприниматели, будучи амбициозными в своих обращениях к сакральному содержанию этнического, компенсируют свою же ущербность. Они мечтают о власти. Ограниченные в ресурсах на гражданскую и муниципальную власть, начинают борьбу за неформальное лидерство среди соотечественников. Действуя по принципу «разделяй и властвуй», обособляют своих сородичей, и, зачастую, как руководители этнонациональной общины торгуются с легально-легитимной властью. Подобно тому, как на засыхающее дерево нападают вредители и паразиты, так и этноиммигранты атакуются этническими предпринимателями.

5. Появление этнокультурных анклавов россиянами воспринимается как оккупация исконной жизненной среды, тем самым усиливает этническую интолерантность. Не стоит упускать из виду то обстоятельство, что альтернативы притоку иммигрантов для национальной экономики нет. Для большинства экспертов очевидно, что без иммиграции не обойтись ни в обозримом будущем, ни в отдаленной перспективе. Это означает, что иммиграция отныне – неотъемлемая часть российской жизни [14, с. 113].

6. Чтобы народы держать в повиновении и покорности, в древнем Риме был сформулирован закон «разделяй и властвуй», когда одним народам предоставлялось больше прав и свобод, другим меньше, тем самым сея между ними взаимное недоверие, ненависть. В новейшее время как никогда кажется актуальным забытый историей данный императив. Многие политики и масс-медиа муссируют иноэтничность, вуалируя реальные общественные проблемы, тем самым усиливая интолерантность и раздробленность общества.

Отношение россиян к этноиммигрантам неоднозначное, зачастую расценивается как экспансия, независимо от того, какую нишу занимает этнический иммигрант и на какую «непрестижную» неквалифицированную специализацию труда претендует. И здесь дело не только в коммунально-бытовых, чаще всего конкурентных отношениях, а в действительности социальных, экономических, культурных институтов государства и органов местного самоуправления, призванных обеспечивать социализацию этноиммигранта и его последующую интеграцию в позитивные социальные отношения.

Теоретические и эмпирические исследования гетерогенной системы этнической сегрегации ориентируются на очевидную причину этнических и/или этноконфессиональных конфликтов, однако это утверждение требует более внимательного рассмотрения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Даллакян К.С. Этничность этнонации: дифференциация концептуальных определений // Научный Вестник МГТУ ГА. - 2013. - № 191. - С. 88 - 93.
2. Мукомель В.И. Трансформация трудовой миграции: социальные аспекты // Россия реформирующаяся. - Вып. 11: Ежегодник / отв. ред. М.К. Горшков. - М.: Новый хронограф, 2012. - С. 236-263.
3. Народонаселение: энциклопедический словарь / под ред. Г.Г. Меликьян. - М., 1994.
4. Барбашина Э.Р. Миграционные процессы и этнические проблемы в Сибири // Этносоциальные процессы в Сибири. – Новосибирск. - 1998. - Вып. 2. - С. 127 - 138.
5. Панарин С. Центральная Азия: этническая миграция и полиэтнические субъекты воздействия на миграционную ситуацию // Современные этнополитические процессы и миграционная ситуация в Центральной Азии. - М., 1998.
6. Топилин А.В. Этнические миграции в России: современные тенденции // Современные проблемы миграции в России. - М., 2003. - С. 51 - 52.
7. Батищева Г.А. Миграционные процессы в России как фактор устойчивого развития экономики регионов: автореферат дис. ... д-ра экон. наук. - Ростов-на-Дону, 2011.
8. Савва М. Миграция в Южном федеральном округе // Этническая ситуация и конфликты в государствах СНГ и Балтии / под ред. В. Тишкова, Е. Филипповой. - М., 2005. - С. 61 – 82.
9. Левада Ю.А. От мнений к пониманию: социологические очерки. 1993-2000. - М., 2011.
10. Дмитриев А.В., Мукомель В.И. Этническая иммиграция: конфликтное измерение // Россия в глобальных процессах: поиски перспективы / под ред. М.К. Горшкова. - М.: Институт социологии РАН, 2008. - С. 102-118.
11. Савва М.В., Савва Е.В. Пресса, власть и этнический конфликт (взаимосвязь на примере Краснодарского края). - Краснодар, 2002.
12. Маликова Н. Этносоциальные проблемы конфликтогенности миграции в современной России. Научный доклад. - М., 2004. - С. 6.
13. Аствацатурова М.А. Диаспоры в Российской Федерации: формирование и управление (Северо-Кавказский регион). - Ростов-на-Дону - Пятигорск, 2002.
14. Ключевые проблемы в области миграционной политики Российской Федерации: экспертный опрос. - М., 2005.

ETHNOIMMIGRATION: COMPARATIVE ANALYSIS

Dallakyan K.S.

The article deals with the analysis of ethnic immigration, the factors influencing the process of ethnos migration have been determined, objective and subjective components of this process have been singled out. It is for the first time that the author treats ethnoimmigration as an independent form in the migration stream.

Key words: ethnic immigration, ethnoimmigration, migration, ethnic processes.

Сведения об авторе

Даллакян Камо Сарибекевич, 1973 г.р., окончил ЕГУ (1995), Академию госслужбы РА (2005), ВУ РФ (2007), кандидат политических наук, доцент кафедры гуманитарных и социально-политических наук МГТУ ГА, автор более 20 научных работ, область научных интересов – этнополитология, этнонация, этничность, проблемы национальной безопасности, военная безопасность государства.

УДК 007.51

ГУМАНИЗАЦИЯ УПРАВЛЕНЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

О.Д. ГАРАНИНА, А.А. ФЕДЯШОВ

Определяются основные направления гуманизации управленческой деятельности в организации, содержание которых составляет обеспечение конструктивного диалога в системе «руководство-подчинение», базирующееся на учете многогранной природы человека, социальной ответственности субъекта и объекта управления. Охарактеризованы противоречия этого процесса, обусловленные отчужденностью людей в вертикали властных отношений, проявлениями деструктивных качеств человека.

Ключевые слова: социальное управление, управленческая деятельность, субъект и объект управления, гуманизация управления, коммуникативный подход к управлению, личностные качества руководителя.

Управленческая деятельность – это особый тип профессиональной деятельности, специфика которого определяется ее основной и наиболее общей задачей - необходимостью организации деятельности других людей в направлении достижения общих целей, а также опорой при этом на принцип иерархии. Главный ее смысл – выход на новый качественный уровень в развитии управляемого процесса, что обеспечивается серьезными творческими усилиями как руководителя, так и всех членов коллектива (персонала). Социология управления исходит из того, что управленческая деятельность ориентирована на человека, удовлетворение его потребностей, поэтому здесь актуальной является проблема гуманизации всех компонентов управления, поиска направлений его «очеловечивания» и фактически указанная проблема трактуется как необходимое условие управления персоналом в любой организации. Исследование социальной эффективности управленческой деятельности требует конструирования соответствующей методологии анализа, соответствующей характеру поставленной задачи. Это означает, что для определения направлений гуманизации управленческой деятельности, поиска факторов повышения её социальной эффективности необходима теоретическая модель, отражающая многомерное, интегральное понимание человеческой сущности и такое же понимание ее проявлений в управлении.

Включенность человека в управленческую деятельность характеризуется, в основном, двумя аспектами: а) способностью и готовностью человека участвовать в управленческом процессе в качестве субъекта и б) возможностями и границами функционирования управления как института. Институциональные возможности участия человека в управлении в значительной мере формализованы и могут быть представлены в виде регламентированной матрицы, предписываемой структурой организации. В данном случае речь идет о такой характеристике управленческой деятельности, как юридическая заданность. Несмотря на то, что управленческая деятельность по своей сущности субъективизирована, т.е. может быть представлена как взаимодействие, особый род коммуникации субъектов (субъект-субъектное взаимодействие), многие её параметры закрепляются юридически, определяются законодательными актами, должностными инструкциями: сфера деятельности, компетенция, методы и формы выполнения управленческих функций и т.п. Вследствие этого институциональный ракурс проблемы составляет предмет анализа главным образом менеджмента и права. Социологический аспект проблемы предполагает изучение того состояния человека, при котором включенность в управленческую деятельность (прежде всего в статусе управленца) может стать реальной и гуманистически направленной.

Способность и готовность человека участвовать в управленческом процессе предполагает определенную жизненную стратегию, реализуя которую личность не ограничивается пребыванием в своем ближайшем социальном окружении, а активно действует, горизонтально и вертикально перемещается в пространстве социальных отношений, расцветивая палитру своих социальных ролей. Данная мобильность естественна и человек в каждой новой роли, пользуясь соб-

ственным интеллектуальным и духовным потенциалом, осваивает определенную управленческую функцию, укореняется в ней. Методологически интересна в этом смысле характеристика, данная П. Рикером, процесса превращения человека в политического субъекта, участвующего в управлении государством. Обращение к размышлениям французского мыслителя дает возможность показать, какая именно индивидуальная личностная работа, какого рода социальный опыт пригодятся человеку, желающему проявить себя в управленческой, в данном случае, политической деятельности. По мнению П. Рикера, в политическую деятельность человек включается не случайно, политический человек – это прежде всего этический субъект, «способный оценивать собственные действия, формулировать свои предпочтения... а значит, способный опираться на иерархию ценностей...» [4, с. 42]. Только человек, который «может определять самого себя», может претендовать на право решать проблемы других людей, иметь власть над ними. Обратим внимание на то, что характеристика П. Рикером политического субъекта указывает не только на важность этического измерения человека, но и на его недостаточность. Иными словами, на первое место в системе управленческих отношений Рикер выводит этико-гуманистический аспект. Рассмотрим, следуя методологии П. Рикера, направления реализации указанного аспекта в практике управленческой деятельности, обращая внимание прежде всего на то, каким должен быть человек, как актер управленческой сферы.

Первое направление на пути гуманизации управленческой деятельности заключается в необходимости преодоления барьера межличностных отношений между «я» (субъектом управления) и «ты» (объектом управления) и переходе к новой системе отношений, в которую включается безликий «третий», на месте которого может оказаться любой представитель социального организма [4, с. 42]. Управленческая деятельность всегда осуществляется в определенных социальных группах и предполагает взаимодействие одних групп с другими как внутри управляющего субъекта, так и с социальными группами, представляющими объекты управленческого воздействия: персоналом организации, государственными органами и т.п. Институционализованное формальное построение органа управления по подразделениям и должностям создает только логическую схему для упорядочивания коллективного труда многих. Очевидно, что чем выше согласованность отдельных звеньев управленческой системы, отдельных должностных лиц между собой, тем эффективность управления выше, в частности, экономичнее. Но здесь руководителю необходимо решить сложную задачу - открыть себя другим людям, понять интересы других, суметь на время забыть о своих собственных впечатлениях и эмоциях, привычках и стереотипах, не изменяя себе и не разрушая вместе с тем мира своей личной жизни. Необходимо, таким образом, выйти в реальное пространство управляемой социальной группы, освоить его. Трудность такого выхода и освоения состоит в необходимости вступать в социальную коммуникацию с людьми независимо от особенностей личностного отношения к ним и даже вопреки этому отношению. Это требует и специфических личностных качеств, и знания норм регулирования управленческой коммуникацией и владения определенными психологическими приемами управления.

Второе направление гуманизации управленческой деятельности возможно тогда, когда её субъект признает за любым человеком, вовлеченным во взаимодействие с ним, равные права и способности к активному действию [4, с. 44]. Опыт человеческого общения убеждает в том, насколько непросто овладеть умением обращаться с каждым как с равным, как с партнером. «Все чаще «служащими» следует управлять как «партнерами», - утверждает классик менеджмента П. Друкер, - а партнерство уже исключает «управление» поскольку предполагает равенство участников. Партнеры не могут приказывать друг другу, они могут только убеждать друг друга» [3, с. 39-40]. Трудность коммуникации в управленческом взаимодействии главным образом обусловлена тем, что она требует единых правил нормативного характера, которые должны быть признаны каждым человеком, участвующим в процессе [4, с. 44-45]. Взаимное доверие и связанная с ним этико-юридическая ответственность, воплощенные в принципе «договоры должны выполняться», превращают личность, по мнению П. Рикера, в субъект права.

Специфика управленческой деятельности сопряжена с постоянным выполнением обязательных определенных действий, работы в определенном коллективе, в составе «команды», требует подчинения собственного «Я» исполнению определенных должностных инструкций, напряжения личных качеств и согласования своих действий с общими целями. Поэтому даже внешний вид «человека власти» приобретает особенные черты, а в социальной группе формируется определенный нравственно-психологический микроклимат, обуславливающий определенный тип поведения и исполнительской деятельности. Однако личностных качеств управленца и его знания институциональных норм и инструкций, взятых самих по себе, недостаточно, чтобы говорить о превращении человека в гуманизованного субъекта управленческих отношений.

Третье направление гуманизации управленческой деятельности связано, если следовать П. Рикеру, с особенностями функционирования публичной власти. Как отмечает Рикер, публичность власти созвучна идее «явленности общественного пространства», открытости той упорядоченности социальной жизни, в которую вошли индивиды, желающие жить вместе [4, с. 47-48]. Таким образом, человек, оказавшийся в пространстве власти, попадает в то же время и в поле гласности, интересов и общественного внимания различных социальных групп. Вместе с человеком туда попадают и данные им обязательства, и его окружение, и его отношение к нормам, правилам, внешнему влиянию. Нельзя в данном случае забывать и о личностных особенностях, о пристрастиях, которые большинство людей предпочитает не предъявлять общественному мнению. Таким образом, выполнение управленческих функций связано с определенными трудностями, выдержать которые может не каждый. Здесь речь не идет об арсенале особых качеств, которыми должен обладать руководитель, их описанию и анализу в последние годы отечественные и зарубежные социологи уделяют достаточно много внимания [2]. Нередко создается впечатление, что увлеченность социологии управления профессионализмом и особенностями субъективного аспекта управленческой деятельности заслоняет проблему повседневности существования человека во властных отношениях. При всем своем качественном своеобразии профессиональные руководители остаются людьми, причем людьми, которые не могут обойтись без других людей, которые также участвуют в управленческом процессе, но, скажем так – с другой стороны. Это антропологическое тождество (человек управляющий и человек управляемый) определяет возможности диалога и конвенции, механизмы обеспечения идентификации и легитимности управленческих отношений. Вместе с тем это тождество предполагает и различие, способное развернуться в противоречие, обусловленное внутренней противоречивостью диспозиции «руководитель – подчиненный». Противопоставленность людей в вертикальной иерархии властных отношений может служить основой возникновения клиентарных отношений. Исследователи клиентелизма отмечают, что распространение этого явления в административно-управленческой среде приводит к ослаблению формальных организационных связей и превращению патрон-клиентских отношений в ведущий тип управленческих взаимодействий [5, с. 3]. В то же время и корпоративизм как попытка укрепить горизонтальные связи между индивидами, обеспечить солидарность может обернуться унификацией членов корпорации, их отчужденностью от власти. Причиной парадоксальности результатов, достигаемых в обоих случаях, является противоречие между многомерностью, универсальностью человека и односторонностью, одномерностью человеческой функции в управленческой деятельности. Трудно избежать такой одномерности, не выходя за пределы пространства власти: организация людей, подчинение их достижению единой цели представляют собой специфическую черту управленческой деятельности.

Внутренняя противоречивость процесса гуманизации управленческой деятельности проявляется также в том, что здесь приходится решать прямо противоположные задачи. С одной стороны, гуманизация деятельности профессиональных руководителей («человека управляющего») связана с установлением ряда ограничений морального или правового характера, с ограничением человеческой воли. С другой стороны, что касается рядовых работников, эпизодически участвующих в управленческом процессе, гуманизация чаще связывается здесь с расширением

возможностей влияния на управление, со стимулированием социальной активности. Таким образом, возникает своеобразное встречное движение управляющих и управляемых, властвующих и подвластных, в основе которого все та же многогранность человеческой природы, стремление к полноте бытия, сталкивающиеся с заданностью властного отношения в системе «руководитель – подчиненный». Поскольку и человек, и управление представляют в этом случае открытые системы, а мера взаимодействия и взаимовлияния может быть динамичной и гибкой, постольку непримиримость в этих отношениях исключается, возникающие противоречия разрешаются, не разрушая природы взаимодействующих сторон. В данном контексте можно говорить лишь о мере гуманизации управленческой деятельности. Достижение состояния полной гармонии человека и власти означало бы качественное изменение сущности управленческого воздействия.

Признание универсальности, открытости человеческой природы предполагает также новый подход к вопросу о стимулах и ограничениях в управленческой деятельности. Многообразие и изменчивость человеческих потребностей вызывают к жизни многообразные инициативы, порождают новые общественные структуры, участвующие в управлении. Диалог с ними возможен лишь при открытом характере системы управления, ее способности интегрировать нестандартные идеи, творчество социальных инициаторов, не ликвидируя автономии и своеобразия новых организационных структур. Человеческое творчество, как правило, меняет устоявшиеся формы и официально признанные структуры, что нередко приводит к противоречию с жестко регламентированной управленческой вертикалью. Гуманистически ориентированное управление должно быть толерантно к разного рода стихийно возникающим отклонениям, если они не носят противоправного характера. Вместе с тем оно должно давать простор инициативному конструктивному эксперименту, вариативности различных вариантов решения управленческих проблем. Таким образом, в стимулировании нуждается вариативность сценариев решения проблем как условие управленческих инноваций.

Следует также отметить, что многогранность человека не исключает, а даже предполагает проявление в управленческой деятельности его деструктивных черт. Монополия на власть и информацию, негативное отношение к критике, агрессивность - вот неполный перечень деструктивных управленческих характеристик, использующих антропологическое «обоснование». Не меньшую опасность представляет и криминализация управленческой деятельности, связанная с уже упоминавшимся клиентелизмом, коррумпированностью чиновников, взяточничеством. Необходимость правовых ограничений и запретов в этих сферах не вызывает споров среди общественности, однако ситуация меняется очень медленно. Решение задачи гуманизации управленческой деятельности вряд ли возможно без изменения требований к человеку, так или иначе участвующему в ней. Надо отметить, что значительным методологическим потенциалом в решении данной проблемы обладает коммуникативный подход к управлению. Рассматривая управление как особого рода взаимодействие целей, взаимообмен интересами, данный подход позволяет сформировать у людей представление о необходимости их постоянного диалога. Гуманизация управленческой деятельности выдвигает на первый план также проблему управленческого образования граждан. Сложность решения этой проблемы в российских условиях обусловлена тем, что большинство российских руководителей имеют естественно-научное и инженерно-техническое образование при явном недостатке гуманитарной подготовки; в сферу управления в короткий исторический период было включено много непрофессиональных руководителей [1, с. 163-164]. Вследствие этого многие управленческие задачи сегодня решаются средствами традиционной инженерии, без учета социально-психологических особенностей персонала. Социологический аспект данной проблемы предполагает, в частности, конструирование таких социально-антропологических регулятивов (норм, ценностей, ценностных ориентаций и т.п.) для сознания и поведения человека, которые смогли бы обеспечить самоопределение человека в управленческой системе, облегчали выход на партнерские отношения.

Таким образом, задача гуманизации управленческой деятельности является по своей сути задачей интегративной: она не может быть сведена к сумме более частных задач, решаемых по отношению к отдельным компонентам управления, его методам, формам и т.д. Эмпирически фиксируемые показатели социальной эффективности управления в организации, при всем их значении, далеко не всегда могут дать целостное представление о реальном положении дел, о конечном результате действия разнонаправленных тенденций. Гуманизация управленческой деятельности может быть рассмотрена только как комплексная проблема: ее обязательные правовые аспекты требуют дополнения социально-экономическими, культурными, этическими, социально-психологическими. Многогранность человеческой сущности и ее открытость для диалога обуславливают открытый, лишенный завершенности характер проблемы. Недостаточность любых, даже самых, как может показаться, точных и своевременных рецептов взаимодействия людей в системе управления обнаружится довольно быстро, и социология управления снова будет задаваться вопросом о человеческом измерении управленческой деятельности.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Голубкова Л.Г.** Организационное развитие: от инженерного подхода к гуманитарной парадигме / Философия управления: методологические проблемы и проекты. - М.: ИФ РАН, 2013. - С. 159-169.
2. **Деминг Э.** Выход из кризиса: Новая парадигма управления людьми, системами и процессами: пер. с англ. - М.: Изд-во «Альпина Паблишерз», 2011.
3. **Друкер П.Ф.** Задачи менеджмента в XXI веке: учеб. пособие. - М.-СПб.-Киев: Вильямс, 2004.
4. **Рикер П.** Герменевтика, этика, политика. Московские лекции и интервью / пер с франц. - М.: Центр «Академия», 1995.
5. **Харитонов В.Н.** Клиентелизм в государственной службе: автореф. дис. ... канд. социол. наук. - М., 2013.

HUMANIZING OF ADMINISTRATIVE ACTIVITY

Garanina O.D., Fedyašov A.A.

The article deals with determining the basic directions of humanizing the administrative activity in organization the content of which provides a constructive dialog in the «leader-subordinate» system based on taking into account of many-sided nature of a human being, social responsibility of management subject and object. Contradictions of this process conditioned estrangement of people in the vertical line of imperious relations, by displays of destructive qualities of human being are also described.

Key words: social management, administrative activity, control subject and object, humanization of management communicative approach to management, leader's personal qualities.

Сведения об авторах

Гаранина Ольга Денисовна, окончила МГУ им. М.В. Ломоносова (1973), почетный работник науки и техники РФ, действительный член Международной академии информатизации, член Европейской академии естественной истории, доктор философских наук, профессор кафедры гуманитарных и социально-политических наук МГТУ ГА, автор более 160 научных работ, область научных интересов – социальная философия, философская антропология, философия науки и техники, социология управления.

Федяшов Артем Анатольевич, 1984 г.р., окончил РАНХ при Правительстве РФ (2006), аспирант МГТУ ГА, автор 2 научных работ, область научных интересов – социология управления.

УДК 629.7.621.396 (083)

ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ВЕКТОРЫ (назад в будущее)

О.В. ЩИПЦОВ

Статья представлена доктором физико-математических наук, профессором Козловым А.И.

Рассматриваются место и роль школы с позиций социального заказа общества. Обсуждаются идеи А. Хаксли и их связь с современностью. Высказывается точка зрения автора на взаимосвязь процесса преподавания с развитием у молодёжи творческих способностей и самостоятельности мышления. Делается вывод, что интеллектуальный рост преподавателя – основа развития вуза, талантов и способностей преподавателей и студентов.

Ключевые слова: школа, математика, студент, преподаватель, вуз, наука, обучение, воспитание, учебная программа, возраст.

1. Взаимосвязь высшего и среднего образования

Нельзя говорить о проблемах высшего образования, не затрагивая проблем школы. Современная школа имеет социальный заказ, обусловленный реалиями сегодняшнего мира, и тесно связана с традициями, возникшими еще в XIX в. в Европе.

В образовательных традициях прошлого были как позитивные, так и негативные тенденции. Например, в образовательном процессе Германии прослеживались тенденции, которые к концу XIX в. и началу XX в. можно было охарактеризовать тремя моментами: 1) фундаментальность; 2) последовательность; 3) системность. На этих традициях основывалась и система образования в гимназиях дореволюционной России. Советская Россия, реформируя школу, в конечном итоге пыталась взять все лучшее от традиций немецкой школы и русской гимназии. Это дало возможность уже к началу 50-х гг. XX в. подготовить широкие слои молодежи, способные в жёсткой конкуренции бороться за право обучаться в высших учебных заведениях. Использование прошлого опыта позволяло расширять вузовские вакансии без снижения качества обучения. Контингент выпускников был способен воспринимать не только описательные или чисто производственные дисциплины, но и теоретические. Теоретические дисциплины в технических вузах основывались на качественной математической подготовке. Это позволяло находить среди выпускников специалистов, способных вести научные исследования. Еще Кант говорил, что в любой науке столько истины, сколько в ней математики...

Правда, серьезное теоретическое образование требует напряжения усилий, труда, направленного на постоянное развитие интеллектуальных способностей обучаемого. Правда и то, что Герцен, блестяще окончивший физико-математический факультет, в своем замечательном произведении «Былое и думы» отмечал: «В этом мире все до такой степени декорация, что самое грубое невежество получило вид образования». Обращая внимание на негативные тенденции, утверждал: «Образования теоретического, серьезного быть не может: оно требует слишком много времени, слишком отвлекает от дела. Так как все, лежащее вне торговых оборотов и эксплуатации своего общественного положения, несущественно в мещанском обществе, то и образование должно быть ограничено».

Сейчас в школе и вузе пропагандируется переход от предметного обучения к модульному, к проблемному. В этом случае предполагается объединять в модуль совокупность близких или взаимосвязанных предметов. Например, в школе предлагается увидеть связь между историей, литературой, математикой и т.д. Конечно, в таком подходе есть рациональные зерна, но при этом «убиваются» последовательность и системность обучения. Если в технический вуз поступает выпускник школы, не освоивший азы математики и физики, то излишне говорить о повышении

качества его обучения в вузе, тем более когда такой контингент является преобладающим (при отсутствии конкурсных экзаменов). Следовательно, качество обучения в любом вузе зависит от качества обучения в школе. Если средний уровень качества обучения в средней школе снижается, то это немедленно коррелирует со средним уровнем качества обучения в вузе.

2. Хаксли и его «Прекрасный новый мир»

При анализе проблем воспитания и образования школьной и вузовской молодежи актуальны идеи Хаксли, изложенные в его нашумевшей книге [1], согласно которым руководители «прекрасного мира» ставили главную социальную задачу следующим образом: у человека с детства не должно быть интереса к социальным проблемам. Необходимо приобщение молодежи к занятиям спортом, к посещению различных примитивных зрелищных представлений, привлечение внимания к вопросам сексуального характера и вовлечение к использованию наркотиков.

Этот «футуристический» прогноз Хаксли по использованию досуга молодежи оправдывается в наши дни и дополняется всяческими поощрениями, например, гражданскими браками и т.п. Статистика говорит о реальном росте потребления наркотиков. Снижение уровня общего кругозора и культурного уровня молодежи приводит к тому, что молодые люди часто используют досуг по тем трафаретам, которые навязывают им массовое примитивное телевидение, безудержный примитив-интернет и не менее примитивные вкусы разбогатевшей элиты, в том числе, к сожалению, и ее представителей из «культурного» слоя. Проварившись в таком информационном месиве, по завершению детского возраста школьники быстро пресыщаются спортивными и эстрадными зрелищами. На пути секса нет никаких преград. Социальный заказ, согласно которому должна жить молодежь, не дает нужных ей идеалов. Индивидуализм в явном виде воспитывает стремление к обогащению и не развивает духовность.

Религия не является эффективным средством формирования общественной активности человека, несмотря на колоссальные усилия различных конфессий. Церковь, как представитель и хранитель общечеловеческих ценностей, морали и нравственности, на первый план выдвинула обрядовую сторону религиозных норм и правил. Даже коррекция примитивных доктрин, лежащих в основе верований, в условиях больших научно-технических достижений далеко не всегда является средством воспитания и роста ответственности в молодом человеке.

Современное общество при огромных достижениях научно-технической революции не подготовлено к тому, чтобы с пользой употребить определенный материальный достаток и досуг. Все чаще звучит мысль, что наша цивилизация вышла на последний цикл развития, в котором реальны не только ядерные, биологические, экологические катастрофы, но и риски, связанные с неумением людей использовать досуг и достаток. Для уменьшения возможностей такого развития событий, наверное, не последнее место принадлежит высшей школе.

3. Воспитание самостоятельности мышления и творческих способностей

Сегодня нужны не столько формальные образовательные стандарты, сколько ясное представление о качестве человека середины XXI в. Чиновники в сфере образования не задумываются, а может быть и не способны задуматься, чему и зачем учить. У них достаточно много проблем с распределением финансовых потоков. К сожалению, вольно или невольно в последнюю четверть века сделано многое для ликвидации всего лучшего, что было наработано в течение предыдущих десятилетий. В действиях чиновников от образования ощущается чрезмерное преклонение перед западными моделями образования, присутствует комплекс самоуничижения. Это происходит несмотря на звучавшие призывы из уст профессионалов о необходимости вернуть в школу в достаточном объеме уроки по математике, физике, химии для всех учащихся. Математика на последнем листе даже в технических вузах. Если полвека назад на высшую математику отводилось 450 ч, то теперь только 230 ч; на физику – 240 ч, а теперь – 64 ч. Математика учит человека думать. Эту задачу сегодня оставили в стороне.

Все больше в вузах малограмотных в плане орфографии и синтаксиса выпускников школ.

Все больше и больше выпускников, толком не знающих ни один язык, не способных повторить даже дважды прозвучавшую мысль преподавателя по той или иной теме в техническом вузе. Следовательно, сегодня вполне можно окончить среднюю школу без способности членораздельно отвечать на вопрос преподавателя. Видимо, неразвитость устной речи у ряда студентов связана с привычкой к тестовым экзаменам, к письменным ответам. Кто-то не согласится, что в современной школе учебники и учителя не учат думать. И будут отчасти правы, т.к. сегодняшних школьников с младых ногтей учат напряженно думать о сексе, об издевательствах и унижении человека.

Вуз получает таких студентов, каких формирует школа. Если они там не научились думать, то эту задачу должен решать вуз. Центральной фигурой вуза является преподаватель. Выполняя установки министерства, преподаватель в каждой своей дисциплине обязан обеспечить формирование основных представлений, знаний и навыков. Но вузовский преподаватель не готовит, например, токаря, мебельщика, как это делают преподаватели профессионально-технических училищ, способных соответствовать тому или иному уровню нормативной сетки, разряду, а готовит специалистов, способных самостоятельно думать и самостоятельно учиться всю жизнь. Поэтому, на наш взгляд, основным требованием к вузу, к преподавателям должны являться не только формальные образовательные стандарты, но и умение ученика самостоятельно учиться в выбранном направлении. Эта самостоятельная учеба должна продолжаться всю жизнь.

Однако это только основная задача вуза. Сверхзадачей вуза является развитие навыков творческого подхода к решению профессиональных задач в процессе обучения и в дальнейшей работе. Воспитание самостоятельности мышления и творческих способностей под силу лишь всему контингенту преподавателей, ведущих занятия по избранной студентом специальности. Эта совокупность преподавателей должна быть коллективом единомышленников, которые любят студентов, безразличны к их будущему и используют различные методы решения столь сложной задачи в подготовке и воспитании студента для дальнейшей профессиональной работы. У студента должно быть представление о всей учебной программе в целом и взаимосвязи дисциплин в ней. Если философия должна формировать представление студентов об окружающем мире как о совокупности взаимосвязанных явлений, то в такой дисциплине, например, как «Введение в специальность», необходимо показывать взаимосвязь между дисциплинами в программе, «железную» необходимость их присутствия.

4. Образование и интеллектуальный рост преподавателя. Открытия в процессе преподавания

Образование – основное поле битвы за управление страной. Основной вопрос образования: является оно инструментом развития науки или необходимо лишь как сфера услуг или даже бизнес? Можно поставить вопрос и так: является ли образование фактором развития науки или услуг? В источнике [2] в разделе «Краткий исторический обзор» читаем: «В 1957 году СССР произвел запуск первого искусственного спутника, привнеся огромное замешательство в Западный блок стран. Страх, вызванный запуском спутника, явился для США катализатором, вынудившим уделить больше внимания математике и естественнонаучным предметам в школах, а для Министерства обороны США создать Управление в области научных разработок (ARPA)».

В Великобритании в 1954 г. расходы на образование составляли 3,2% бюджета. Однако уже в 1970 г. при правлении кабинета Хита их увеличили до 6,5% (министром просвещения тогда была недавно скончавшаяся М. Тэтчер).

Американский президент Джон Кеннеди говорил: «Если вы презираете интеллектуалов, мешаете ученым и вознаграждаете только спортивные достижения, то ваше будущее мрачно». Жизнь показывает, что в тех странах, где образование ценят должным образом морально и материально, резко поднимается интеллектуальный уровень общества и приходят весомые успехи в науке. Жизнь показывает и то, что образование дает мощный импульс для творческой деятельности в различных сферах: в области научно-технических проблем, в сфере гуманитарных

интересов, в области социальных проблем. Для этих достижений человек должен быть достаточно образован и приучен в свою деятельность вносить творческий элемент.

Как указывалось, образование лежит в основе интеллектуальной деятельности. Но, конечно, в истории есть и примеры, когда образованными людьми являлись те, кто не имел формально диплома, а путем упорного самообразования становились по-настоящему образованными людьми и достигали выдающихся результатов в профессиональной деятельности. Ярким примером является академик Я.Б. Зельдович. Однако это исключение, а не правило.

Процесс преподавания в вузе тесно коррелирован с интеллектуальным ростом преподавателя. Преподаватель должен иметь интеллектуальные способности и смелость, чтобы безбоязненно вносить конструктивные предложения. Преподаватель с «испуганной душой» – это потеря квалификации. Необходимо вспомнить и слова лауреата Нобелевской премии академика П.Л. Капицы [3]: «Галанту внутренне – даже подсознательно – присуще непослушание. Дерзость ума не может не сочетаться с дерзким поведением. Мало кто из окружающих готов такое прощать. Науке жизненно необходима атмосфера, где могут свободно дышать такие нестандартные, неудобные, но выдающиеся в плане ума люди. Только тогда и можно получать Ломоносовых – в большей или меньшей степени с завидной регулярностью». Да, науке, вузу необходима атмосфера, в которой могут получать поддержку неординарные личности. Для достижения этой цели у самих руководителей должен быть глубокий ум, подлинный талант администрирования и умение всегда представить себя на месте коллеги. Преподавателям учебный процесс открывает широкие возможности для творческих успехов и даже открытий. Вот несколько примеров. Менделеев открыл периодическую систему элементов, когда искал способ описания их свойств. Он хотел, чтобы студенты лучше запомнили эти свойства. Молодой Лобачевский преподавал геометрию взрослым людям, проходившим курс средней школы, искал способ объяснить ученикам постулат о непересекающихся параллельных линиях. Именно тогда он и открыл неевклидову геометрию. Шредингер нашел знаменитое волновое уравнение в процессе объяснения работы де Бройля группе студентов.

Стокс, составляя задачи для студентов по математике, предложил в одной из них доказать, что интеграл, взятый по контуру, элементарно связан с величиной потока, проходящего через контур. Теперь мы называем это теоремой Стокса. Итак, подлинное образование предполагает неуклонное развитие интеллекта преподавателя – центральной фигуры вуза.

Образовательный процесс в вузе должен иметь возможность привлечения к научным исследованиям студентов, начиная уже с первого курса. Этому может способствовать студенческое научное общество. Важно замечать и поддерживать способных студентов. Чем раньше это будет сделано, тем мотивированнее будет процесс обучения. Хороший вуз – это вуз, который дает возможность развиваться талантам преподавателей так же широко, как и талантам его студентов.

5. О подготовке и воспитании молодого преподавателя и ученого. Возраст и преподаватель

Некоторые уверены, что любой производственник может запросто читать лекции, вести другие виды занятий в вузе. Эту уверенность поддерживает и нынешняя мода на приглашение для проведения цикла занятий людей «с производства» без какой-либо предварительной методической апробации этих занятий на семинарах кафедры и т.д. Выросла в последние годы и уверенность том, что любой студент, успешно окончивший вуз, может сразу начать преподавать без какого-либо контроля со стороны руководителя кафедры. Но это не совсем так. Или даже совсем не так.

Вуз обязан кропотливо растить и поддерживать молодых ученых и педагогов, которые должны быть не только профессионалами в специальности, но и обладать высокой общей культурой. Важно не ставить возрастные галочки для отчетов чиновникам министерства, а смотреть, как говорил Козьма Прутков, в корень и творчески мыслить в интересах вуза, дела. Конечно, молодой преподаватель неизбежно достигнет зрелого, а потом и пожилого возраста. Каждый стареет по-своему. Один отрабатывает "ресурс" к пятидесяти годам, а некоторым и в более "солидном" возрасте могут позавидовать даже молодые. Это, как в спорте, политике и других об-

ластях. В ряде случаев опытный педагог и ученый именно в интересах вуза может и должен выполнять ту или иную работу (с достойной оплатой). Кроме того, человек, любящий молодежь, дело, свой вуз, имеющий физические возможности, испытывающий глубокий интерес к жизни, может повторить слова Резерфорда: «Я себя чувствую молодым, потому что я работаю с молодежью». Слова эти были сказаны им в весьма преклонном возрасте.

Если вуз хочет существовать и развиваться, то в нем необходим сплав молодости, зрелости и опыта в коллективе преподавателей, которыми руководят люди, видящие перспективу и ценящие по достоинству все, что поднимает престиж вуза.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Huxley A.** Brave New World Revisited. NY: HarperCollins Publishers, 2000.
2. **Мур М., Притски Т.** и др. Телекоммуникации. Руководство для начинающих. - СПб.: БХВ-Петербург, 2008.
3. **Капица С.П.** Мои воспоминания. - М.: Российская политическая энциклопедия, 2008.

EDUCATION VECTORS (BACK TO FUTURE)

Shchiptsov O.V.

Researcher A. Haksli has examined the school and social order in the modern world reality and ideas. The problem of teaching in university has been studied, so that this process leads to the education of creativity and independent thinking of youth. Teaching and the intellectual growth of the teacher has been reviewed. The process of training and education of young teacher and scientist has been researched. Age and teacher is the problem that should be studied.

Key words: student, teacher, university, science, education, the process of teaching, education of young teacher and scientist.

Сведения об авторе

Щипцов Олег Владимирович, 1939 г.р., окончил РПИ (1961) и ЛГУ (1967), кандидат технических наук, доктор инженерных наук, почётный доктор Рижского авиационного университета, профессор эмеритус Института транспорта и связи Латвии, автор более 120 научных работ, область научных интересов - авиационная радиоэлектроника, образование и педагогика.

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

УДК 9(с) 21(470)

ЛИТЕРАТУРА РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ О ЧИСЛЕ ВОЕННЫХ СПЕЦИАЛИСТОВ В КРАСНОЙ АРМИИ В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

И.С. БАКЛАНОВА

Статья представлена доктором исторических наук, профессором Семенниковой Л.И.

Рассматриваются точки зрения, представленные в литературе русского зарубежья, относительно числа военных специалистов, служивших в Красной Армии в годы Гражданской войны.

Ключевые слова: литература русского зарубежья, Гражданская война, военные специалисты.

Вопрос о российских офицерах, служивших Советской власти и тем самым, как утверждается в литературе русского зарубежья, обеспечивших ее победу, был чрезвычайно болезненным для эмигрантских авторов. Переход в РККА, чаще всего, рассматривался как измена воинскому долгу. (Известно, что в годы Гражданской войны при поступлении, в частности, в Добровольческую армию, даже офицеры, просто проживавшие на советской территории, как указывал командир Белозерского полка Б.А. Штейфон, «обвинялись», и поэтому должны были «оправдываться» в особых комиссиях [12, с. 58-59]). В данной связи в литературе русского зарубежья были предприняты попытки определить количество офицеров, пришедших на службу советской власти и мотивы, руководившие ими. Серьезные изыскания в этом плане были предприняты А.А. Зайцовым, проанализировавшим в своих работах, в частности, в военно-историческом труде «1918 год: Очерки по истории Русской гражданской войны» (по мнению Н.Н. Головина являвшемся «первой попыткой объективного исторического исследования нашей Гражданской войны» [4, с. 3]) доступные в эмиграции российские и советские источники.

По подсчетам А.А. Зайцова, количество офицеров Императорской армии достигало 250 тыс. человек. (Кстати, другие эмигрантские авторы в своих исследованиях называют эту же цифру [1, с. 26; 5, с. 28]). За весь 1918 г. большевикам удалось привлечь на службу в РККА 22315 военных специалистов. В дальнейшем, до 15 августа 1920 г., все призывы и мобилизации дали в ряды Красной Армии всего лишь 48409 офицеров. Таким образом, по мнению А.А. Зайцова, на службу советской власти в целом пришло не более четверти общего числа офицеров старой Российской армии [8, с. 182-184]¹.

Известно, что наиболее квалифицированной частью российского офицерского корпуса являлись офицеры Генерального штаба². Именно они, по мнению значительной части деятелей русского зарубежья, в частности, и генерала А.К. Байова, сформировали Красную Армию [2]. Г.В. Немирович-Данченко, являвшийся начальником части печати отдела Генерального штаба у генерала П.Н. Врангеля в Крыму, указывал, что 75% русского Генерального штаба состояло на службе у большевиков. Правда,

¹ В советской историографии называются несколько иные данные. А.Г. Кавтарадзе пришел к выводу о том, что численность военных специалистов в Красной Армии составляла примерно 30% от 250-и тысячного офицерского корпуса старой армии. 40% (100 тыс.) бывших царских офицеров служили в белых и других антибольшевистских формированиях. Еще примерно 30% старого офицерского корпуса «перешла на гражданское положение и рассеялась по всей территории бывшей Российской империи, пропала без вести, дезертировала из Красной и белой армий, эмигрировала, погибла и т.д.». Однако, по мнению А.Г. Кавтарадзе, приведенные выше цифры являются субъекто ориентировочными [9, с. 176-177].

² К числу офицеров Генерального штаба причислялись лица, успешно (по 1-му разряду) закончившие Академию Генерального штаба и дополнительный 9-и месячный курс, а также показавшие себя благонадежными в политическом и нравственном плане. Эта категория офицеров являлась источником пополнения убыли в Генеральном штабе и усиления его в военное время. Все они получали значительные преимущества по службе. Корпус офицеров Генерального штаба имел свою линию производства, создававшую ускоренное продвижение в чинах и должностях. В дальнейшем, после успешного прохождения испытательного срока в соответствующих окружных штабах и наличия вакансий, офицеры Генерального штаба переводились непосредственно на службу в Генеральный штаб [9, с. 182-183; 10].

на взгляд данного автора, они «служили одинаково неискренне» и белым, и красным [11, с. 27-28]. Еще один участник Белого движения на Юге страны во врангелевский период, А.А. Валентинов, приводил в своем дневнике сходную с названной выше цифру – свыше 80% офицеров генерального штаба принадлежало к стану красных [3, с. 16].

В результате достаточно скрупулезных, но, тем не менее, из-за недостаточности данных, приближенных расчетов, А.А. Зайцов пришел к выводу о том, что в РККА служило 340 офицеров старого генерального штаба из 1396 таковых на 1917 г., т.е. 24% всего состава корпуса офицеров генерального штаба Императорской армии. (В основу своих расчетов А.А. Зайцов положил официальный список офицеров Генерального штаба Российской армии по 20 августа 1913 г., в котором значилось 1396 военнослужащих. Потери в войну и в революцию, на взгляд данного автора, были компенсированы за счет лиц, причисленных к генеральному штабу в период после 1913 г. В списке же Генерального штаба к 15 мая 1920 г. значилось 282 офицера, что составило 20,3% царского Генерального штаба, т.е. 80% наиболее квалифицированных военных профессионалов, по мнению А.А. Зайцова, служили в Белой Армии. В 1923 г. был опубликован еще один документ – «Список лиц с высшим общим военным образованием, состоящих на службе в рабоче-крестьянской Красной Армии». В нем значилось 265 офицеров Генерального штаба. Проверив поименно оба списка – 1920 и 1923 гг. – А.А. Зайцов подсчитал, что к 1 марта 1923 г. ушло из РККА 75, а вновь поступило 57 человек. Таким образом, $282+57=339$ офицеров Генерального штаба, служивших в Красной Армии, что и составило 24%) [8, с. 184-186; 6; 7].

Генерал А.К. Байов посчитал необходимым внести уточнения в данный вопрос. Он предложил воспользоваться не списком Генерального штаба 1913 г. издания, который положил в основу своих расчетов А.А. Зайцов, а аналогичным списком, изданным в 1917 г. с приложением изменений по 8 февраля 1917 г. В нем числилось всего 1517 офицеров. А.К. Байов указал, что точно определить, сколько было офицеров генерального штаба перед приходом к власти большевиков, невозможно. Но, видимо, часть их могла погибнуть или попасть в плен. Таким образом, число офицеров генерального штаба было около 1500. В списке же Генерального штаба 1919 г. издания числилось 417 фамилий. А.К. Байов из этого числа исключил 96 человек, выпущенных из Академии в 1917 г. и, следовательно, не служивших в Генеральном штабе Императорской армии, а также двух офицеров, закончивших Академию задолго до начала Первой мировой войны, но также не служивших в Генеральном штабе. Получилось, что в Красной Армии числилось в 1919 г. 319 лиц из числа офицеров Генерального штаба Императорской армии, т.е. 21%. Между 1920 и 1923 гг. в РККА вошло еще 57 человек (по списку 1923 г.). Однако на взгляд А.К. Байова их можно не принимать во внимание, т.к. эти лица не участвовали ни в создании Красной Армии, ни в гражданской войне [2, с. 3-4]. Другое число офицеров Генерального штаба, более близкое к данным советской историографии, назвал А.И. Андогский: около 460 офицеров из 1200, состоявших налицо в конце Мировой войны (т.е. 35%). (Но А.И. Андогский не пояснил, из каких данных он исходил) [1, с. 29-30]³.

Таким образом, поколебав существовавшую «в широких кругах зарубежья» уверенность в «измене» российского Генерального штаба [6], названные выше эмигрантские авторы, тем не менее так и не сумели объяснить феномен создания мощной Красной Армии достаточно небольшой, служившей Советской власти группой высококвалифицированных офицеров бывшей Императорской армии. В то время как основная часть офицеров Генерального штаба, сосредоточенная в Белой Армии.

³ А.Г. Кавтарадзе считал, что расчеты А.А. Зайцова и А.К. Байова ошибочны. В частности, А.А. Зайцов принял численность офицеров Генерального штаба на 25 октября 1917 г. за 1396, в то время как, по расчетам А.Г. Кавтарадзе, она составляла 1494 человека. Во-вторых, А.А. Зайцов не учел тех офицеров, которые не участвовали в гражданской войне ни на одной из сторон. В-третьих, были неправомерно исключены из списка молодые специалисты Генштаба. В-четвертых, не учитывались офицеры-генштабисты, служившие в Красной Армии с 1918 г., но не внесенные в «Списки Генерального штаба». По мнению А.Г. Кавтарадзе, А.К. Байов, по существу, повторил, хотя и в несколько ином варианте, ошибки А.А. Зайцова. А.Г. Кавтарадзе предложил свою методику определения количества офицеров Генерального штаба, служивших в Красной Армии. Полученные результаты были сверены по архивным материалам – послужным спискам, учетным карточкам и т.д. В результате А.Г. Кавтарадзе пришел к выводу о том, что в годы гражданской войны 475 специалистов-генштабистов честно служили Советской власти на различных командных, штабных, административных и преподавательских должностях [9, с. 195-196].

ЛИТЕРАТУРА

1. **Андогский А.И.** Как создавалась Красная Армия советской России. (Уроки недавнего прошлого): критико-исторические очерки. - Владивосток, 1921.
2. **Байов А.К.** Генеральный штаб во время гражданской войны // Часовой. - 1932. - 15 июля. - № 84.
3. **Валентинов А.А.** Крымская эпопея // Архив Русской Революции. - Берлин: «Слово», 1922. - Т. V. - С. 5-100.
4. **Головин Н.Н.** Предисловие // Зайцов А.А. 1918 год: Очерки по истории Русской гражданской войны. - Б.м., 1934. - С. 3-4.
5. **Головин Н.Н.** Российская контрреволюция в 1917-1918 гг. - Ч. 2. Кн. 3: Большевицкий переворот превращает контрреволюцию в противобольшевистское движение. - Париж, 1937.
6. **Зайцов А.А.** Где был наш генеральный штаб во время гражданской войны // Русский инвалид. - 1932. - 7 марта.
7. **Зайцов А.А.** Указ. соч. // Там же. - № 37. - 22 марта.
8. **Зайцов А.А.** 1918 год: Очерки по истории Русской гражданской войны. - Б.м., 1934. - 275, [5] с.: табл.
9. **Кавтарадзе А.Г.** Военные специалисты на службе Республики Советов 1917-1920 гг. - М.: наука, 1988.
10. **Краснов П.Н.** Привет Российской Военной Академии // Русский инвалид. - 1932. - 22 ноября. - № 49.
11. **Немирович-Данченко Г.В.** В Крыму при Врангеле. Факты и итоги. - Берлин, 1922.
12. **Штейфон Б.** Кризис добровольчества. - Белград, 1928.

**LITERATURE OF RUSSIAN ABROAD ABOUT MILITARY SPECIALISTS
IN THE RED ARMY DURING THE CIVIL WAR****Baklanova I.S.**

The article considers the points of view presented in the literature of Russians abroad, regarding the number of military specialists who served in the Red Army during the Civil War.

Key words: literature of Russian abroad, the Civil War, military experts.

Сведения об авторе

Бакланова Ирина Семеновна, окончила МГУ им. М.В. Ломоносова (1980), кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных и социально-политических наук МГТУ ГА, автор более 80 научных работ, область научных интересов – военная история, история Гражданской войны в России, историография.

УДК 381.1

МАТЕМАТИЧЕСКИЕ МЕТОДЫ В СОВРЕМЕННОМ НАУЧНОМ ПОЗНАНИИ И МАТЕМАТИЧЕСКИЙ СТИЛЬ МЫШЛЕНИЯ

Л.Д. ЖУЛЕВА

Рассмотрены математические методы в современной теории познания, показаны возможности применения математики в различных областях науки.

Ключевые слова: математика, философские проблемы, история математики, современная теория познания.

Математические выводы, теоремы и формулы не являются произвольной выдумкой человеческого ума, а отражают реальные закономерности окружающего мира. В абстракции заложены огромные возможности математики, общность ее методов. Разные науки на сегодня математизированы в разной степени. Бурное развитие математики, появление современных компьютерных технологий и обусловленная этим процессом математизация наук, ранее весьма далеких от использования математических методов – медицины и педагогики, юриспруденции и психологии, лингвистики и теории искусств – все это повысило интерес к философским вопросам математики. Сегодня стало ясно, что решение этих вопросов способствует более глубокому познанию природы и сущности, методов и структуры математики.

Ф. Энгельс в работе «Диалектика природы» писал о необходимости последовательного изучения развития отдельных отраслей естествознания «сперва астрономия уже из-за времен года абсолютно необходима для пастушеских и земледельческих народов. Астрономия может развиваться только при помощи математики» [1, с. 147]. С развитием крупных городов и ремесел развиваются механика, судопроизводство, военное дело, которые «нуждаются в помощи математики и таким образом способствуют ее развитию» [1, с. 147]. Историки математики шаг за шагом прослеживают, как практические нужды людей приводят к развитию арифметики, затем алгебры, математического анализа и т.д. Постепенно математические теории и понятия становятся все более и более абстрактными, они «отрываются» от физической реальности настолько, что создается иллюзия, что это никак не связанные вещи. Но, сколько бы абстрактными не становились современные математические теории, сколько бы ни увеличивалась доля логических доказательств в математике, она не становится благодаря этому априорной наукой, не теряет своей связи с объективным миром и практикой.

В первой половине XVII в. возникла совершенно новая ветвь математики – аналитическая геометрия, устанавливающая связь между линиями на плоскости и в пространстве с алгебраическими уравнениями. Философ Рене Декарт в 1637 г. написал трактат «Рассуждение о методе, чтобы верно направлять свой разум и отыскивать истину в науках». Трактат содержал 5 приложений. И одно из них называлось «Геометрия». Так в неизменном виде трактат Рене Декарта дошел до наших дней. Произошло довольно редкое в развитии науки событие, когда за одно-два столетия появилось большое, совершенно новое направление. Но это было не случайно. Переход в Европе к новой капиталистической форме производства потребовал коренных изменений в научном знании. Мощное развитие дальнего плавания настойчиво требовало открытий в астрономии и механике. В механике нуждалось военное дело. Галилеем, Ньютоном, Кеплером и другими учеными начали создаваться основы современной механики. Во всех областях естествознания накапливались опытные данные, совершенствовались средства наблюдения, вместо устаревших теорий создавались новые.

В астрономии восторжествовало учение Коперника. Эллипс и парабола, геометрические свойства которых были известны еще древним грекам, перестали быть только предметами геометрии, какими они были в античности. После того как Кеплер открыл, что планеты обращаются вокруг Солнца по эллипсам, а Галилей – что брошенный камень летит по параболе, надо было вычислять эти эллипсы и находить те параболы, по которым летят ядра из пушек, и надо было найти тот закон, по которому убывает атмосферное давление, открытое Паскалем. Гениальная догадка греческой философии в том, что «вся природа, начиная от ее мельчайших частиц, начиная от песчинки и кончая Солнцем, начиная от протиста и кончая человеком, находится в вечном возникновении и уничтожении, в непрерывном течении, в неустанном движении и изменении» [1, с. 13], в математике является результатом строгого научного исследования. «Поворотным моментом в развитии математики была декартова переменная величина. Благодаря этому в математику вошли движение и тем самым диалектика. И благодаря этому стало немедленно необходимым дифференциальное и интегральное исчисление» [1, с. 208].

Начало современной математики относится к середине XIX в., когда теория стала настолько абстрактной, что перешагнула за пределы классической концепции математики, рассматривая в качестве своего предмета числа и фигуры. Классическая математика вступала в противоречие с действительным состоянием науки XIX в. Появились такие понятия, как матрицы, кватернионы, тензоры, n -мерные пространства, Булева алгебра и т.д. XIX-XX вв. характеризуются развитием численных методов, вырастающих в самостоятельную науку – вычислительную математику. Стали придавать большое значение построению моделей. Абстрактный характер математических понятий, исключительная роль логических доказательств придали выводам математики характер всеобщности и необходимости.

Большая роль самостоятельности по отношению к материальной действительности и практике, роль символики в ее развитии – все это повышает интерес к философским вопросам математики. Нельзя математику обойти без таких философских категорий, как обобщение и идеализация, форма – содержание, конечное – бесконечное, конкретное и абстрактное, сходство – различие и т.д. Основной философский вопрос математики – вопрос отношения математических понятий, аксиом, теорий, правил и выводов к реальному миру. Ф. Энгельс писал: «Какую бы позу не принимали естествоиспытатели, над ними явствует философия. Вопрос лишь в том, желают ли они, чтобы над ними властвовала скверная модная философия, или же они желают руководствоваться такой формой человеческого мышления, которая основывается на знакомстве с историей мышления и ее достижениями» [1, с. 267].

Математика, отражая определенные стороны действительного мира («пространственные формы и количественные отношения»), имеет вполне реальное материальное происхождение. Вместе с тем материал, изучение его принимают абстрактную форму. Это позволяет применять математику к разнообразным объектам природы и общества. Аксиоматически построенная формальная теория перестает быть гипотетической лишь в том случае, если для нее находятся содержательные интерпретации либо в виде объектов действительности, либо в виде других теорий, уже нашедших применение в практике. «Все величайшие достижения за последние 100 лет – теория электромагнитных полей, теория относительности и квантовая механика – широко используют современную математику» [2, с. 387].

Отрываясь от практики и поднимаясь на вершины абстракции, математическая теория строит формальные модели для возможных объектов действительности, и эти объекты в дальнейшем развитии науки, как правило, находятся. Примеры: неевклидова геометрия была использована для развития теории современной физики; абстрактная алгебра Буля – для конструирования релейно-контактных схем, ЭВМ; теория групп – в кристаллографии. Лаврентьев открыл планету Нептун «на кончике пера». Научная абстракция представляет собой отвлечение от несущественных второстепенных признаков, выделение наиболее существенных особенностей, присущих исследуемому явлению. Выступая на II Международном математическом конгрессе, Д. Гильберт произнес: «Какое счастье быть математиком! Повсюду математика разрастается, пуская новые побеги. Все более важное значение получают ее приложения к естествознанию» [3].

Значение математики для повышения технического уровня промышленности зависит от успешного применения методов математического моделирования в различных научных дисциплинах, образующих основу современной техники. Связь математики с техникой стала настолько сильной, что можно сказать, что мы живем в такое время, когда математика вынуждена вмешиваться в решение большинства серьезных технических проблем [4]. Достаточно привести несколько примеров, чтобы показать роль и возможности математических методов и приемов в современном техническом и экономическом развитии.

1. Исследование космоса, запуски искусственных спутников Земли подтверждают плодотворность применения математики в деле изучения естественных явлений и овладения ими. Однако новые проблемы, поставленные полетами в космос, потребовали улучшения математической модели (необходимость учета целого ряда факторов – влияние вращения Земли на запуск спутников и на постоянную связь между Землей и Луной, Землей и планетами). Запуск ракет и спутников в заданные районы требует от космической баллистики решения задач о выборе оптимальной траектории полета. Появляется задача об оптимальном управлении.

2. Появление и развитие методов теории вероятности и математической статистики позволяют проследить причинные связи, предсказать результат при исследовании случайных явлений. Существование случайностей вокруг нас объясняется одним из основных законов – законом всеобщей связи явлений. Теория вероятностей изучает действие большого числа причин, вводя для этого числовые характеристики. Математическая статистика устанавливает правила обработки результатов наблюдений.

Необходимость применения теории вероятностей и математической статистики возникла и в авиационной технике. Если раньше сроки ремонтов и осмотров устанавливались «на глазок», то теперь – научная организация контроля, эксплуатации и обслуживания авиационной техники. Идет интенсивная работа по применению теории вероятностей и математической статистики к обоснованию положений эксплуатации авиационной техники.

3. Учебный процесс – один из древнейших управляемых процессов. Тем не менее он вызывает множество нареканий: ведущие вузы России занимаются вопросами оптимизации учебного процесса. Среди новых форм обучения особое внимание привлекает организация учебного процесса с применением компьютерных технологий, при которой четко выражены основные дидактические принципы: индивидуализация, активность, самостоятельность обучения [5].

Для математики характерна логическая схема рассуждений. Она позволяет в максимальной степени следить за правильностью течения мысли. Поэтому приобретенные на занятиях математикой навыки имеют существенное значение для повышения общей культуры мышления. Такие характерные черты математического стиля мышления, как лаконизм, необходимость с безукоризненной точностью соблюдать символические записи, становятся привычкой, приводят к воспитанию общего стиля мышления.

Таким образом, можно говорить о единстве процесса обучения и воспитания на занятиях по математике, о воздействии на культуру мышления обучаемых.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Энгельс Ф.** Диалектика природы. - М.: Огиз, Государственное издательство политической литературы, 1946.
2. **Клайн М.** Математика. Утрата неопределенности. - М.: Мир, 1984.
3. **Гильберт Д.** Математические проблемы: Речь на II Международном математическом конгрессе // Жизнь науки. - М.: Наука, 1973.
4. **Жулева Л.Д.** Некоторые философские вопросы математики / Гражданская авиация на современном этапе развития науки, техники и общества: междунар. науч.-техн. конф., посвященная 85-летию гражданской авиации России. - М.: МГТУ ГА, 2008.
5. **Жулева Л.Д.** Философские проблемы математики: роль математических абстракций в развитии современной науки и техники // Научный Вестник МГТУ ГА. - 2010. - № 155. - С. 49-53.

MATHEMATICAL METHODS IN THE MODERN THEORY OF COGNITION AND MATHEMATICAL STYLE OF MENTALITY

Zhuleva L.D.

Mathematical methods of the modern theory of cognition are examined and the possibilities of applying mathematics in different fields of science are shown.

Key words: mathematics, philosophical problems, history of mathematics, modern theory of cognition.

Сведения об авторе

Жулева Людмила Дмитриевна, окончила МГУ им. М.В. Ломоносова (1953), кандидат физико-математических наук, профессор кафедры высшей математики МГТУ ГА, автор более 100 научных работ, область научных интересов – методы оптимизации динамических систем, философские вопросы математики, проблемы вузовской педагогики.

УДК 1/14:001.89:65.012

ФИЛОСОФСКИЕ АСПЕКТЫ КВАЛИМЕТРИЧЕСКОЙ МЕТОДОЛОГИИ

В.В. САВЦЕВА

Статья представлена доктором философских наук, профессором Гариной О.Д.

Определен философский смысл категории «качество», обоснована роль квалиметрии в оценке качества, охарактеризованы онтологический, аксиологический, феноменологический аспекты квалиметрии.

Ключевые слова: квалиметрия, качество, аксиологический подход, оценка качества, измерение качественных признаков.

Качество является основным понятием в системе исходных понятий квалиметрии – науки, изучающей методологию и проблематику комплексного количественного оценивания качества любых объектов: одушевленных или неодушевленных; предметов или процессов; продуктов труда или продуктов природы; имеющих материальный или духовный характер; имеющих искусственное или естественное происхождение. Качество – атрибут, определенная сущность объекта, показателем которой является совокупная характеристика всех его свойств и признаков. Связь качества с сущностью объекта получила отражение в эссенциально-онтологическом подходе к интерпретации этой категории, предложенном ещё Аристотелем и развитым в Новое время Дж. Локком в его учении о первичных (реальных, сущностных) и вторичных (номинальных) качествах. Такой подход, считают исследователи, несомненно, представляет интерес для современного менеджмента качества: для того чтобы управлять качеством, необходимо понимание содержания сущности происходящих процессов и явлений, их объективных оснований. Однако в силу своего опосредованного характера этот подход лишен способности конструктивизма, необходимого для конкретизации знания и использования его в практических целях. В процессе деятельности человек не просто творит что-то, но и реализует при этом свои цели, ценности. Понимание же качества как существенной определенности является ценностно нейтральным, не учитывает последствий предметно-преобразующей деятельности человека. И главное – не отвечает на вопрос: как управлять качеством [3, с. 62-63]. В данном контексте особое значение приобретает функционально-квантитативный подход, согласно которому качество рассматривается как функция организованной системы, определяемая по количественным параметрам, доступным измерению, и характеризуется как переменная величина [3, с. 63]. Квантитативное понимание качества составляет основу современного менеджмента качества, методологической основой которого выступает квалиметрия. Квалиметрические методы позволяют оценить качество продукции, процессов, оборудования и различных других объектов даже в том случае, когда его невозможно непосредственно измерить. Большим достоинством методов квалиметрии является возможность получения комплексных показателей качества.

Оценка качества, выражающая ценность или степень полезности объекта, является предметом изучения многих специальных наук, в том числе и аксиологии – теории ценностей. В этой теории раскрываются содержания основных категорий, которые выражают ту или иную ценность для человека. К таким категориям относятся, например, духовные ценности, материальные ценности (свойства товаров и услуг, безопасность техники). Понятийный аппарат аксиологии помогает при рассмотрении многих вопросов, связанных с качеством прежде всего продукции, производственных процессов, услуг, окружающей среды и других объектов, оцениваемых квалиметрией.

Так как качество объекта проявляется в первую очередь через его свойства, т.е. через объективные особенности объекта, то считается, что для оценки качества необходимо, во-первых, определить перечень тех свойств, совокупность которых в достаточно полной мере характеризует качество; во-вторых, измерить свойства, т.е. определить их численные значения; в-третьих, аналитически сопоставить полученные данные с подобными характеристиками другого объекта, принимаемого за образец или эталон качества. Полученный результат будет с достаточной степенью достоверности характеризовать качество исследуемого объекта.

На этапе метрологического измерения свойств (скорости, веса и т.д.) получают объективные сведения о них. Однако уже следующий квалиметрический этап в исследовании качества объекта носит во многом субъективный характер. Субъективность заключается в самом выборе эталона качества или «базового образца», с данными о котором сопоставляются сведения о свойствах исследуемого объекта.

Кроме того, субъективность итоговой характеристики уровня качества кроется в использовании таких методов квалиметрической обработки данных о свойствах сопоставляемых объектов, которые больше соответствуют интересам и задачам исследователя.

Исходя из современных представлений о качестве как о единстве внутренней или внешней определенности объекта, следует, что при оценке его качества необходимо учитывать не только отдельные свойства в их совокупности, но и признаки, а также характеристики внутренней определенности, например уровень внутренней структурированности, устойчивости структуры и ее элементов или же их приспособляемости к изменяющимся условиям функционирования и т.п. Однако с метрологической позиции достаточно учесть только внешние проявления качества, только «качествообразующие» свойства. Такой подход к измерению качества приводит к не вполне адекватному результату. Измерение и обобщение показателей внешних свойств и характеристик внутренней сущности объекта исследования, дают, очевидно, возможность получения более точной численной характеристики уровня качества, т.е. более правильной оценки качества.

При оценивании качества иногда рекомендуют использовать образ «идеального», необходимого полезного качества, которому редко когда соответствует выбранный эталон. Даже идеальный эталон качества не может всех удовлетворить, т.к. интересы, потребности, взгляды на ценности у всех людей разные. Поэтому любые оценки качества субъективны с объективной их основой в виде численных показателей уровней качеств. Это свидетельствует о единстве и очевидном противоречии объективного и субъективного в оценках качества реальных объектов, интересующих людей. Здесь в полной мере проявляется диалектика объективного и субъективного в позиции любого качества.

Так как определение качества объектов реального мира есть, по существу, познание их важнейших свойств и по сути, то, следовательно, квалиметрия является методологией с комплексом различных методик, относящихся к гносеологии – теории познания. Квалиметрия считается прикладной теорией познания качества всевозможных объектов исследования.

Общая особенность методов комплексного количественного измерения качества заключается в том, что качество рассматривается как некоторая иерархическая совокупность свойств. Существует ряд методов комплексного количественного измерения качества. В зависимости от используемых средств различают следующие методы измерения показателей качества: экспериментальный - основывается на обнаружении и подсчете числа дефектов; расчетный - вычисляются показатели качества в зависимости от значений различных параметров объекта; экспертный (эвристический) - учитываются мнения специалистов; органолептический - основывается на ощущениях органов чувств человека; социологический - применяется сбор и анализ мнений фактических или возможных потребителей объекта.

Для определения уровня качества различают следующие методы оценки уровня качества: дифференциальный, заключающийся в сопоставлении единичных показателей объектов с соответствующими показателями базового образца, метод комплексной оценки уровня качества, предусматривающий использование комплексного (обобщающего) показателя. Как правило, используют один, главный показатель, характеризующий функциональные возможности и назначение объекта, смешанный метод оценки качества объекта соединяет в себе оба предыдущих метода с их достоинствами и недостатками. Сущность этого метода сводится к следующему: сначала единичные показатели объединяют в группы, для которых определяется групповой (комплексный) показатель, а затем значения показателей сопоставляют с соответствующими базовыми показателями, метод интегральной оценки уровня качества находится как частное от деления значения интегрального (итогового, комплексного) показателя качества объекта на соответствующее базовое значение, метод экспертной оценки уровня и показателей качества объекта основан на использовании обобщенного опыта, квалификации и интуиции экспертов (специалистов в конкретной области знаний) [4, с. 73-112]. Экспертные методы в квалиметрии играют важную роль, но развитие экспертных методов немыслимо в отрыве от данных, получаемых в экспериментальной психологии: данных о психофизиологических возможностях человека (эксперта), требований к психологическим характеристикам экспертов, рекомендаций по наиболее правильной процедуре проведения экспертного опроса и т.д. Таким образом, использование в квалиметрии экспертных оценок вызывает потребность в ее тесном контакте с экспериментальной психологией.

Часть проблем квалиметрии имеет математический характер. Квалиметрия использует методы, приемы, принципиальные подходы, разработанные в прикладной математике. В квалиметрии применяются современные математические методы из теории вероятности и статистики, линейного, нелинейного и

динамического программирования, теории массового обслуживания, теории игр, теории оптимального управления и теории случайных процессов и т.д.

Исследование операций – это научная дисциплина, изучающая методы, с помощью которых человек может определить наиболее целесообразную стратегию своего поведения – принять правильное решение. Именно квалиметрия разрабатывает критерии качества, которые используют в исследовании операций при решении задач, связанных с оптимизацией параметров качества. Квалиметрия, в свою очередь, пользуется методами исследования операций. В теории экономической эффективности используют многочисленные критерии эффективности, имеющие общую особенность: все они строятся на сопоставлении результатов, получаемых при проведении того или иного хозяйственного мероприятия, с затратами на это мероприятие. Квалиметрические оценки, включаемые в расчеты экономической эффективности, помогают обеспечить сопоставимость сравниваемых вариантов и повышают точность этих расчетов. Таким образом, квалиметрия обеспечивает получение данных, которые необходимы для использования в теории экономической эффективности [1, с. 23-35].

В последние годы интерес к квалиметрии ослаб из-за некоторых ее недостатков: выбор номенклатуры свойств, определяющих качество, трудоемок (анкеты, опросы, обработка результатов); желаемый результат оценки можно получить путем подбора коэффициентов весомости; сложно учитывается вариабельность (изменчивость) потребностей; сложно выбрать базовые значения оцениваемых характеристик, адекватных реальным потребностям большого числа потребителей, групп потребителей, при повышенных базовых значениях продукция может оказаться невостребованной большинством; результаты оценок зависят от выбранных для расчета формул – средней арифметической, средней геометрической, средней гармонической [3, с. 319].

ЛИТЕРАТУРА

1. Азгальдов Г.Г. Теория и практика оценки качества товаров. Основы квалиметрии. - М.: Экономика, 1982.
2. Матренина Л.Ф. Концептуализация понятия «качество» в историко-философской ретроспективе // Научный Вестник МГТУ ГА. - 2009. - № 142. - С. 61-67.
3. Михеева Е.Н., Сероштан М.В. Управление качеством: учебник. - М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и Ко», 2010.
4. Федюкин В.К. Основы квалиметрии. - М.: Изд-во «ФИЛИНЪ», 2004.

PHILOSOPHICAL ASPECTS OF THE QUALIMETRIC METHODOLOGY

Savtseva V.V.

Philosophical meaning of the category "quality" is defined, the role of quality control in the evaluation of quality is justified, ontological, axiological, phenomenological aspects of quality control are characterized.

Key words: qualimetry, quality, axiological approach, quality assessment, measurement of qualitative features.

Сведения об авторе

Савцева Валентина Витальевна, окончила МГАП (1996), соискатель МГТУ ГА, ведущий экономист отдела по планированию финансово-хозяйственной деятельности и расчету государственного задания МГТУ ГА, автор 4 научных работ, область научных интересов - философско-методологические проблемы оценки качества научной деятельности в образовательном учреждении, квалиметрическая методология.

УДК 128/179.9

КОСМИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ Н.К. РЕРИХА КАК ОСНОВА ДУХОВНОГО ПРЕОБРАЖЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА

Н.А. НЕКРАСОВА, А.Г. СОШНИНА

В статье рассматривается космическое мировоззрение Н.К. Рериха, философское учение Живая Этика и его роль в духовно-нравственном, культурном преобразении и развитии человека, а также взаимосвязь личности и космического мироздания и поиск соответствий между проблемами морали и законами космоса.

Ключевые слова: Живая Этика, духовное преобразование, космизм, воспитание сердца, космические законы.

Эволюционное продвижение и преобразование человечества связано с особыми знаниями, которые обогащают, расширяют человеческое сознание и делают возможным их дальнейший духовно-нравственный прогресс. На каждом новом этапе этого продвижения космическая эволюция посылает нам такие знания. В конце XIX – начале XX вв. в России они нашли свое отражение и воплощение в философско-мировоззренческой системе - русском космизме. Целостное социокультурное явление, особый духовно-теоретический феномен, который ориентирован на синтез, синтетическое видение реальности, восприятие человека в качестве органичной части космического единства, способного реализовать свою активную природу в деле творческого изменения мироздания.

Идея живого мира вокруг нас, живого мироздания, космоса является основополагающей, и проходит сквозь всю эзотерическую философию, концепции мироустройства. То есть изначально признается, что Вселенная, Космос и окружающий нас мир живые и обладают неким уровнем сознания. Однако, как правило, эти постулаты ограничиваются общими рассуждениями, глубоко не вдаваясь в природу данного явления и не конкретизируя его. В лучшем случае описываются некие законы и свойства живого Космоса Мироздания, а также взаимодействие человека с ним.

Пожалуй, впервые наиболее последовательно и обоснованно идея живой Вселенной проводится Рерихами Еленой Ивановной и Николаем Константиновичем, которые дали название своему учению Живая Этика. Их философия представляет собой особый интерес как образец, эталон системы, в полной мере отражающий основополагающие принципы, которыми стремится овладеть современное мышление. В учении раскрываются великие законы Вселенной и отражается Космическая реальность. Рерихи называли Космос одухотворенным живым организмом. Поэтому Космос Рерихов – это никак не космос науки. Это намного больше. В учении Живой Этики разные уровни реальности органично объединяются в единое целое: человек и планета, планета и космос, микрокосм и макрокосм. Это идея живого всеединства. Природа Вселенной живая, ведь нет неживой природы, а закон жизни един. Он выступает первопричиной всех событий в Космосе и на Земле. Пространство охвачено живыми процессами.

Система нравственных приоритетов в философии космизма основана на идее нравственного преобразования (духовно-культурного самосовершенствования) человека, из которого выводятся другие цели трансформации – освоение космоса, достижение бессмертного статуса бытия, интеллектуальное, техническое могущество и т.д. Согласно космическому миропониманию Н.К. Рериха, человек является неотъемлемой частью космоса, и жизнь человека, его эволюционное развитие подчинены космическим законам. Многие русские философы в своем творчестве касались различных граней космического миропонимания. Рерихи считали, что Космос представляет собой величественную одухотворенную систему высокого уровня, между структурами которой происходит постоянный, непрерывный энергообмен. Он невидим, осуществляется между человеком и мирами иных состояний материи. Н.К. Рерих считал, что в процессе энергообмена происходит накопление энергии, повышающее высшую энергетику и человека, и народов, стран, Земли, и подготавливает их дальнейшее духовное продвижение по ступеням Космической Эволюции. Его роль в эволюционном развитии человека и человечества очень велика. Механизмы этого энергообмена наука пока раскрыть не может прежде всего в силу отрицания самой возможности его существования. Сам этот процесс обширен, сложен и мало изучен современной наукой. Человек выступает в роли проводника, способного соединить столь разные противоположные системы - землю и небо, установив между ними незримую гармонию, которую сотворить нужно прежде всего в самом себе.

Творящая мысль (Мир Огненный), украшенная всеми красотами, основами созидательных космических законов устремляет человечество ввысь и устанавливает великое понятие "Прекрасного", которое

свойственно всем векам и народам. Из этого чувства "Прекрасного" рождается и благородство духа, и постоянный творческий огонь, оптимизм и героизм [1].

Все приходит из космических глубин и уносится во вселенскую даль. И индивид, направляя свои устремления туда, направляя и наполняя свою деятельность, мысли Благom, намерениями и поступками добра и блага сливается с Беспредельностью, загорается и сверкает как звезда, таким образом достигает несказуемых, невероятных вершин и высот, человек выступает как властелин сокровищ и ценностей мира. Не может человеческое существо, отражающее в себе все сияние и величие космического мироздания, ограничить себя духовной нищетой ограниченности и невежества, ложью, мерзостью ради глупости сегодняшнего дня. Ведь понятие "духовность" отражает процесс космической эволюции человека, постепенное его развитие, духовное самосовершенствование всё возрастающего потенциала сознания свободы, космизации мышления.

Уникальность и особая ценность философского творчества Н.К. и Е.И. Рерихов обусловлена в значительной мере тем, что духовная жизнь ощущается как область, входящая в Космос и подчиненная ему. Таким образом, происходит «космизация души и сознания» перенесение в личную жизнь категорий космического порядка. Когда внешний свет природы становится внутренним светом, огнем разума. Таким образом, можно сделать вывод о том, что «нужно все силы Космоса направить на расцвет духа...» [3]. Для объединения души с Космосом, Высшим космическим знанием, откровением необходимо особое мышление, очищенное и свободное от невежества, зависти, вражды, «черных мыслей». Только так, путем омовения души, целомудрия и очищения мы можем приблизиться и получить частицу Высшего знания, прекрасной проницательности и выявить глубинную связь индивида с Космосом.

Глубина постижения законов космической реальности и практическое применение, и освоение их - составляют ключевые моменты в развитии человеческого сознания, которое является одним из главных факторов в продвижении самого человека и человечества в целом по ступеням эволюции. Сама же энергетика человека выступает как первопричина всех процессов и явлений, происходящих в космическом пространстве, происходит переход от пассивного и неосознанного участия в эволюции к активному и осознанному. Во Вселенной ничего не изолировано, нет ничего отдельного, все взаимосвязано. Человек обретает знания и способности влиять, соблюдая великие законы Космоса, на ход и качество эволюции. Из тех, кто стал сознательным субъектом эволюции, и состоит иерархия одухотворенного Космоса, представленная на Земле Великими Учителями, в том числе и авторами Живой Этики. Законы свидетельствуют о приоритете духа, который выступает как энергетическое явление, силы природы. Искра такого духа находится в каждом создании и живет и действует в нем согласно великим законам с одной стороны, и его, человека, свободной воле – с другой [2].

Одна из таких форм – интуитивное познание, духовным органом которого является сердце. По своей природе человеческое сердце (согласно Н.К. Рериху) есть проявление Сердца Космического. Но такое качество сердца человеку еще предстоит осознать. Ему надо понять, что для раскрытия духовно-нравственного потенциала сердца нужно освободиться от эгоизма и невежества, открыть сердце красоте, любви и благу. В Живой Этике отмечается, что для своего развития сердце нуждается в воспитании и развитии, которое предполагает осознание роли сердца как водителя жизни и претворение нового подхода к нему в жизни каждого дня.

С чего же начинать воспитание и развитие сердца? Прежде всего полезно хотя бы иногда подумать о сердце, тогда мысль о сердце уже будет плодотворна, будет наполнена благом и светом. Хорошо также поговорить со своим сердцем, прислушаться к его голосу. Существенную роль в воспитании сердца играет культура и искусство. Но искусство подлинное, произведения которого отражают красоту природы, человека и Мироздания. Искусство является частью культуры. Поэтому духовное освоение человеком культуры во всем ее многообразии форм и прежде всего развитие внутренней культуры человека очищает сердце от наростов, «мозолей» эгоизма. Сердце не терпит никакого насилия, грубости, никакого механического вмешательства. «Сердце – самый независимый орган, можно дать ему свободу к добру, и оно поспешит наполниться психической энергией» [3, с. 290]. Воспитывать сердце необходимо в сфере чувств. И здесь очень важно проявлять милосердие, сострадание, мужество, великодушие, любовь и другие высокие чувства, так как через их развитие сердце становится более культурным, а человек благодаря этому – более открытым к познанию космических (вселенских) реальностей.

Согласно Н.К. Рериху, основой построения мира является его иерархичность, наличие одного управляющего мира над другим. Это то, что человек никогда не учитывает. И еще одна большая ошибка человека заключается в том, что только себя он обособил в этом мире в единственно разумное и живое

существо, а весь мир отнес к неживой материи. Индивид, отталкиваясь от физической материи, утончаясь, взаимодействует с тонкими энергетическими структурами, уходит в бесконечность. Весь процесс связан цепочкой зависимостей. Поэтому существуют законы, которые устанавливают между ними конкретные отношения и взаимосвязи. По ним и принципу соподчинения развиваются все материальные и тонкие миры во Вселенной и контролируют всеобщий порядок. Каждая Вселенная имеет своего Иерарха.

Энергия творящей мысли и сердца имеет у Рерихов поистине вселенскую насыщенность, она направляет и ведет их по наилучшим, великим творческим путям. Поэтому их философия, свершения столь грандиозны и поражают своим многообразием, уровнем и масштабом познания. Они показали, что человечество в своем развитии вступает в новую эпоху, когда каждому из нас жизненно необходимо расширять свое сознание, по-новому смотреть на окружающий мир и уметь прислушиваться к своему сердцу [5]. Человечество должно объединять одно общее качество – устремленность к новому, иному мышлению, в основе которого поиск соответствий между проблемами морали и великими законами Космоса.

Такое мировоззрение поможет индивиду определить свою истинную роль и место в эволюции Вселенной. Человек должен стать активным субъектом, гармонично взаимодействующим с миром и Космосом. Смыслом жизни, согласно Н.К. Рериху, станет духовно-нравственное, культурное совершенствование и преобразование личности, одухотворение своей собственной активной творческой природы, общества и планеты, на которой человек обитает.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Беликов П.Ф.** Рерих (Опыт духовной биографии) - Новосибирск, 1994; - М., 2011.
2. **Беликов П.Ф., Князева Л.Н.** Рерих. - М.: Молодая гвардия, 1980.
3. **Рерих Н.К.** Держава Света. - М.: Эксмо, 2007.
4. **Секлитова Л.А., Стрельникова Л.Л.** Беседы о неизвестном. - М.: Художественная литература, 2009.
5. **Шапошникова Л.В.** Держава Рерихов: сб. статей: в 2 т. - М.: МЦР, 2006. - Т. 1.

N.K. ROERICH'S SPACE PHILOSOPHY AS THE BASIS FOR THE SPIRITUAL TRANSFORMATION OF MAN

Nekrasova N.A., Soshnina A.G.

The article discusses the cosmic worldview N.K. Roerich's philosophical doctrine Living Ethics and its role in the spiritual and moral, cultural transformation and human development, and the relationship of Personal Progress and outer universe and search for conformities between the problems of morality and the laws of the outer space.

Key words: Living Ethics, spiritual transformation, Space Art, Education of Heart, cosmic laws.

Сведения об авторах

Некрасова Нина Андреевна, окончила КГУ (1979), доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой философии и культурологии МГУ ПС (МИИТ), член координационного совета Европейской научно-промышленной палаты, действительный член РАЕ, действительный член Европейской академии естественной истории, автор более 220 научных работ, область научных интересов – социальная философия, этика, философия науки и техники, онтология, философская антропология, культурология.

Сошнина Анастасия Геннадиевна, окончила МГУ ПС (МИИТ) (2012), аспирантка МГУ ПС (МИИТ), область научных интересов – социальная философия, этика, философская антропология.

УДК 621.396

МИРОВОЗЗРЕНИЕ ОБЩЕСТВА В ЗЕРКАЛЕ МУЗЫКАЛЬНЫХ СОЗВУЧИЙ

М.В. АЛЕКСЕЕВА

Статья представлена доктором философских наук, профессором Панфёровым К.Н.

Рассматривается влияние общественного мировоззрения на принципы организации музыкального материала, а также проблема декодирования художественного текста.

Ключевые слова: музыкальный язык, полисемантизм, деконструкция, декодирование.

Музыка, как и все информационные коды, создаваемые в рамках отдельной культуры, не может избежать влияния идейно-социальных ценностей эпохи. Само устройство, лексика музыкального языка конкретного общества содержит некие логические параллели с особенностями мировоззрения этой культуры, выражаемыми посредством понятий. Эта связь имеет глубинное происхождение, как отмечает эстетик И. Малышев, «логика музыкального мышления на каждом этапе своего исторического развития соответствует степени проникновения человека в универсальные законы мироздания» [4, с. 259]. Исторический экскурс позволяет заметить, что устойчивая, ладовая, ладотональная, а позднее и тембральная организация музыкального материала имела множество пересечений с господствующим мировоззрением.

В раннем язычестве доминанта представлений о «тотеме» и «табу» отражалась в музыке наличием устоя «как некоего привилегированного звуковысотного уровня» [5, с. 97] и экмелического глиссандирования (опевания) вокруг него. Своего рода звуковой аналог предписаний и запретов обеспечивал «ориентацию в акустическом пространстве» [5, с. 97], открывая возможность его организации.

В развитом политеизме античности подобно тому, как каждое божество (войны, любви и т.д.) обладало своей сферой проявления, древнегреческие лады различались по этическим и функциональным свойствам.¹ Каждый древнегреческий лад предназначался для музыки определенного характера: лирического, героического и др., позволяя с целью катарсиса изменять и приводить «в противоположное состояние страсти души» [9, с. 52].

Появившееся же в Европе монотеистическое мировоззрение отличала бинарность человеческого взгляда, благодаря которому «сознание во всём замечало две стороны...» [3, с. 120]. Подобная особенность мышления с противопоставляющимися категориями: Бога и дьявола, рая и ада, добра и зла – проявилась со временем в музыкальном искусстве господством двух противоположных ладов: «оптимистического» мажора и «грустного» минора.

Культурные эпохи XX в. модерн и постмодерн также нашли своё отражение в музыкальных поисках композиторов, чьё творчество, так или иначе, базируется на достижениях европейской цивилизации. Порожденные глобализацией социальная толерантность и диалог культур, наряду с растущим и изменяющимся характером бытования информационным объёмом, получили свою рефлексию в общественном сознании. Значимые в данном случае идеи философии постмодерна появляются на основе ауторефлексии структурализма и феноменологии: центральным становится вопрос о многозначности тех определений, которые возникают в конституированном сознании.

В музыке XX в. это отразилось в том числе наличием жанровых цитат, а также цитат, заключающих в себе музыкальный язык иной культуры, которые могут достигать уровня бездонных полисемантических условных знаков. В этом случае «цитируемые темы убеждают не собственно музыкальным своим содержанием, но превращаются в символ, знак, вербализуются, ибо приобретают некий статичный, закреплённый смысл» [7, с. 152], при этом нередко отсылающий к целому идейному пласту иной эпохи и соответственно культуры. В произведениях XX в. при обращении к стилям цитирование достигает уровня приёма полистилистики и коллажа: «баховские, вивальдиевские ассоциации у Стравинского, аллюзия «Лунной» сонаты Бетховена в Альтовой сонате Шостаковича» [8, с. 66], и как апогей ироничное изображение стилей всей истории немецкой музыки в Третьей симфонии А. Шнитке, а также многое другое.

¹Ладовая система Древней Греции включала шесть основных ладов (ионийский, эолийский, дорийский, фригийский, лидийский и миксолийский) и шесть «гиполадов» (гипоионийский, гипозолийский и т.д.).

В этой связи приобретает острые очертания проблема декодирования художественного текста, порождая деконструкционистскую текстуальную стратегию и создание фоноцентрического дискурса. Предложенный Ж. Деррида метод деконструкции как метод восстановления смысла текста путём обнаружения связанных с ним других смыслов, других текстов становится актуальным и для музыкальных сочинений. Относительно фоноцентрического дискурса здесь отражают реальность положения последователей М. Фуко (представителей герменевтического и социологического деконструктивизма), которые уделяли отдельное внимание взаимообусловленности дискурсов. Они считали, что специфические формы знания образуют единый свод прескрипций, воспринимаемый индивидом на бессознательном уровне. Так, современного, тем более интеллектуально-активного слушателя в процессе восприятия произведений априори отличает фоноцентрический дискурс.

В современном культурно-музыкальном пространстве к явлению фоноцентрического дискурса также можно отнести деятельность ди-джеев, а именно многочисленные ремиксы (досл. – перемешать), ремейки (досл. – переделать), каверы (досл. – наложение) ранее популярных песенных и мелодических «хитов».

Однако в предельной форме и без того свойственное музыке стремление к многозначности в XX в. получило, как следствие, высокую степень закрытости художественных текстов, «когда ... всякое раскрытие их смысла есть процесс и бесконечный, и только всегда начинающийся» [6, с. 134-135], что нередко порождает проблему идентичности произведения. Эти тексты заранее включают в себя завершающую сотворческую активность, вызывая срастание замысла с потребительской интерпретацией. Музыкальную выразительность отличает крайняя степень неопределённости, граничащая с разрушением художественного образа. Стоит напомнить, что классик додекафонии¹ и её теоретик П. Булез видел в качестве особой ценности этого метода именно «достоинства неопределённого», отмечая, что здесь «иногда из-за специфики письма идентификация вообще невозможна» [2, с. 72].

Оригинальность звуковых комбинаций в музыке XX в. может затрагивать одновременно все составляющие семантического интонационного поля: как наиболее значимую – звуковысотность, так и тембр, ритм и т.п. Автономную ценность приобретает «комплекс таких средств, как тембр, плотность, количество звучания», благодаря чему даже «в орбиту тематизма на равных основаниях с мелодией вовлекаются и приобретают тематическую функцию тембр, ритм, сонорность» [7, с. 134].

Яркой иллюстрацией может служить возникновение вначале 60-х гг. XX в. отечественных образцов электронной музыки, опирающихся на акустическую природу тона, что позже было перенесено и на пространственную («живую») музыку. Эти новации стали возможны благодаря изобретению Е.А. Мурзиным первого фотоэлектронного синтезатора «АНС», названного в честь А.Н. Скрябина. Создание артефакта с его помощью представляло собой работу на акустическом микроуровне, используя новые звуковые качества и оттенки, возникающие от свободных сочетаний гармоник, призвуков, шумовых эффектов. Внутризвуковые отношения и процессы регулировались микротемперацией, взаимодействием обертонов – микродинамикой и микроритмом. Всего один звук, точнее, строение его тембра становилось сутью композиции. Среди шедевров ранней электронной музыки – «Vivente Non Vivente» С. Губайдулиной и «Поток» А. Шнитке, а также композиции Э. Артемьева, в том числе к фильмам А. Тарковского «Солярис», «Зеркало» и «Сталкер».

При осознании слушателем спектр затрагиваемых явлений здесь настолько широк, что лишь включение данных интонаций в общую музыкальную ткань, т.е. контекст, способствует их более определённой смысловой идентификации. При этом «уточнение смысла семантической единицы продолжается на протяжении всего произведения. Однако оно идет по линии не только конкретизации, но и обогащения» [1, с. 118].

Таким образом, в музыке создание произведений, так же как и в художественных текстах других искусств, вышло на уровень поиска новационной системы кодирования, неидентифицируемой слушателем. В этом случае сознание реципиента нередко пытается декодировать художественный текст, используя весь арсенал своих представлений о мироздании, выходя за пределы привычного кода конкретного вида искусства. Так, в музыке получили своеобразное преломление такие значимые тенденции эпохи постмодерна, как создание некой «симуляционной гиперреальности» (по Ж. Бодрийару) и экспансия искусства в новые сферы.

¹Додекафония (от греч. δώδεκα - двенадцать и φωνή - звук) - разновидность серийной техники сочинения музыки, разработанная представителями «нововенской школы» в начале 1920-х гг.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Арановский М.** Мышление, язык, семантика // Проблемы музыкального мышления: сб. статей / под ред. М. Арановского. - М.: Музыка, 1974. - С.90-128.
2. **Булз П.** Между порядком и хаосом // Советская музыка. - 1991. - № 9. - С. 70-75.
3. **Лихачев Д.** Поэтика древнерусской литературы. - Л.: Наука, 1967.
4. **Мальшев И.** Музыкальное произведение: эстетический анализ // Диалектика эстетического. - М.: Пробел - 2000, 2006. - С. 185-266.
5. **Мартынов В.** Культура, иконосфера и богослужбное пение Московской Руси. - М.: Прогресс - Традиция, Русский путь, 2000.
6. **Михайлов А.** Музыка в истории культуры. - М.: Изд-во МГК им. П.И. Чайковского, 1998.
7. **Ручьевская Е.** Функции музыкальной темы. - Л.: Музыка, 1977.
8. **Холопова В.** Музыка как вид искусства. - СПб.: Лань, 2000.
9. **Ямвлих.** О Пифагоровой жизни / пер. с древнегреч. И.Ю. Мельниковой. - М.: Алетейа, 2002.

WORLDVIEW OF SOCIETY IN THE MIRROR OF MUSICAL CONSONANCES

Aleksееva M.V.

The article addresses the influence of society's prevailing worldview on the organizational principles of musical material. The analysis also deals with issues of decoding of artistic text.

Key words: musical language, polysemantics, de-construction, de-coding.

Сведения об авторе

Алексеева Мария Викторовна, окончила РАМ им. Гнесиных (2002), кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры связей с общественностью МГТУ ГА, автор 12 научных работ, область научных интересов – выразительные возможности взаимосвязи вербальной и музыкальной семантики.

УДК 378-172

ФИЗИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ СТУДЕНТОВ В ЦЕЛОСТНОМ ПЕДАГОГИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ И ПУТИ ЕГО СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ

В.И. ШАЛУПИН, Д.В. МОРЩИНИНА, Н.В. ЕРОХИН

В статье рассматривается место физического воспитания в педагогической системе, обоснована необходимость единства теории и практики в процессе преподавания физической культуры в вузе.

Ключевые слова: физическое воспитание, физическая культура, педагогический процесс.

Личность человека формируется и развивается в результате воздействия многочисленных факторов, объективных и субъективных, природных и общественных, внутренних и внешних, независимых и зависимых от воли и сознания людей, действующих стихийно или согласно определенным целям. При этом сам человек не мыслится как пассивное существо. Он выступает как субъект своего собственного формирования и развития [1, с. 125]. Воспитание является одним из ведущих понятий в педагогике. В ходе исторического развития общества и педагогики определились различные подходы к объяснению этой категории. Прежде всего различают воспитание в широком и в узком смысле. Воспитание в широком смысле рассматривается как общественное явление, как воздействие общества на личность. В данном случае воспитание практически отождествляется с социализацией. Воспитание в узком смысле рассматривается как специально организованная деятельность педагогов и воспитанников для реализации целей образования в условиях педагогического процесса. Деятельность педагогов в этом случае называется воспитательной работой.

Виды воспитания классифицируются по разным основаниям. Наиболее обобщенная классификация включает в себя умственное, нравственное, трудовое, физическое воспитание [2, с. 155]. Физическое воспитание – это органическая часть общего воспитания; социально-педагогический процесс, направленный на укрепление здоровья, гармоничное развитие форм и функций организма человека, его физических способностей и качеств, на формирование и совершенствование двигательных навыков и умений, необходимых в быту и производительной деятельности, и в конечном итоге на достижение физического совершенства [3].

Физическое воспитание оказывает существенное влияние на биологические характеристики человека: на ускорение прироста длины тела, массы тела, окружности грудной клетки. Специально подобранные физические упражнения для мышечных групп, имеющих отставания в физическом развитии, оказывают положительное влияние на антропометрическое состояние, вызванное неблагоприятными социальными условиями. Следовательно, хотя физическое развитие может протекать и без физического воспитания, однако только с помощью рационально организованных занятий физическими упражнениями с учетом, разумеется, биологических закономерностей развития организма можно достичь согласованного и соразмерного развития всех форм и функций человеческого организма.

Однако в настоящее время физическое воспитание в большинстве вузов рассматривается как некий комплекс физических упражнений, необходимый для поддержания физических кондиций студентов при освоении учебного материала. Известно, что на протяжении многих лет и десятилетий занятия по физической культуре в вузах в основном сводились к практической подготовке. Погонять мяч по площадке, пробежать дистанцию по стадиону, выполнить прыжковые упражнения, поиграть в подвижные игры, сдать контрольные нормативы, принять участие в вузовских соревнованиях – вот и вся физическая культура.

Такая физическая культура, на наш взгляд, представляет не что иное, как активный отдых студентов. Встает вопрос: «А где же дисциплина «Физическая культура»? Дисциплина, которая является компонентом Федеральных Государственных образовательных стандартов (ФГОС)».

Если есть практика, то обязательно должна присутствовать и теория. Теория, которая научит студента:

- как ему правильно использовать средства физической культуры;
- как правильно подобрать физические упражнения в зависимости от профессиональной деятельности;
- когда и в какое время нужно заниматься физической культурой в зависимости от биологических ритмов организма;

- как правильно определить свою тренированность и оказать первую медицинскую помощь человеку, который испытывает определенные недомогания вследствие неправильной тренировки организма.

Всем этим вопросам невозможно научить студента, используя только одни практические занятия. Теория и практика – это две составляющие учебно-педагогического процесса. «Теория без практики мертва, практика без теории слепа». Эти слова принадлежат генералиссимусу российских сухопутных и морских сил Александру Васильевичу Суворову, который не потерпел ни одного поражения в своей военной карьере. Отсутствие необходимых теоретических знаний и методических навыков не позволит в полной мере организовать преемственность в системе многоуровневой подготовки специалистов гражданской авиации.

Можно с уверенностью сказать, что в качестве ведущих компонентов физического воспитания должны выступать не только способы деятельности, но и соответствующие теоретические знания и методические навыки. Значение этих компонентов обусловлено тем, что они способствуют существенному повышению целенаправленности и эффективности процесса физического воспитания студентов высших учебных заведений [4, с. 65].

В современной стратегии образования значимость повышения интеллектуального потенциала молодежи в области физической культуры является одним из первоочередных направлений гармонического развития личности. Сегодня в условиях высокой конкуренции учебная стратегия студента, подобно военной стратегии Суворова, должна отличаться исключительной активностью и решительностью. Выиграет тот, кто сможет эффективно систематизировать теоретическую базу, освоить методические навыки и овладеть практическими умениями.

В "Концепции развития физической культуры и спорта в Российской Федерации на 2006-2015 гг." записано, что одна из доминирующих задач формирования здорового образа жизни – привлечение студенческой молодежи к регулярным занятиям физической культурой, важным компонентом выступает повышение образованности населения в области физической культуры. Благодаря такому подходу могут быть реализованы в практической жизни слова выдающегося немецкого философа, одного из творцов немецкой классической философии Георга Гегеля о том, что человек должен посредством собственной деятельности сделаться господином своего тела. Чтобы это стало возможным, требуется **образование**.

Поэтому, на наш взгляд, первостепенным "апгрейдом" структуры и содержания образовательного процесса является повышение уровня эффективности и качества преподавания дисциплины «Физическая культура», необходимой для развития физических и психофизических качеств, обязательных в профессиональной деятельности будущих специалистов.

Недостаток соответствующих знаний, умений и навыков не дает студенческой молодежи правильно распорядиться теми физическими возможностями, которыми одарила их природа. Как следствие происходит раннее снижение двигательной активности и работоспособности, что отрицательно сказывается на эффективности их профессиональной деятельности.

Наличие знаний в области теории и практики физической культуры не вызывает сомнения, однако отсутствие таких знаний напрочь лишает будущего специалиста правильного понимания роли и значения физической культуры в его будущей профессиональной деятельности, лишает знаний в грамотном использовании физических упражнений, необходимых для эффективности формирования физического воспитания.

Понимание этого положения делает очевидными как несправедливость упреков, связанных с отсутствием непосредственного и видимого эффекта от процесса усвоения знаний, так и недостаточную обоснованность, мнение о том, что «занятия по физической культуре необходимы для того, чтобы студенты двигались в перерывах между лекциями, лабораторными работами и т.д.». Вследствие этого важнейшим приоритетным направлением совершенствования структуры и содержания физического воспитания является повышение рентабельности и качества образовательного процесса, направленного на укрепление здоровья, формирование теоретических знаний, методических навыков и практических действий студенческой молодежи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лукьяненко В.П. Современное состояние и концепция развития физкультурного образования в России: монография. - Ставрополь: Изд-во СГУ, 2002.
2. Теория и методики физического воспитания: учебник для студентов факультета физической культуры педагогических институтов / под ред. Б.А. Ашмарина. - М.: Просвещение, 1990.

3. Холодов Ж.К., Кузнецов В.С. Теория и методика физического воспитания и спорта: учеб. пособие для студентов вузов. - М.: Академия, 2001.

4. Шалупин В.И., Морщинина Д.В. Образовательные аспекты формирования физической культуры личности // Научный Вестник МГТУ ГА. - 2011. - № 166.

PHYSICAL EDUCATION OF STUDENTS IN INTEGRATED PEDAGOGICAL PROCESS AND WAYS TO IMPROVE IT

Shalupin V.I., Morschinina D.V., Erokhin N.V.

The place of physical education in the educational system is considered, the necessity of the unity of theory and practice in the process of teaching physical education at the University is shown.

Key words: physical education, physical culture, pedagogical process.

Сведения об авторах

Шалупин Владимир Ильич, 1955 г.р., окончил ВИФК (1979), заслуженный работник физической культуры РФ, кандидат педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой физического воспитания МГТУ ГА, автор более 60 научных работ, область научных интересов – профессионально-прикладная физическая подготовка.

Морщинина Диана Викторовна, окончила Азерб. ГИФК им. С. Кирова (1985), заслуженный работник физической культуры РФ, заслуженный мастер спорта РФ, заслуженный тренер РФ, кандидат педагогических наук, доцент кафедры физического воспитания МГТУ ГА, автор более 30 научных работ, область научных интересов – физическая культура студентов высших учебных заведений.

Ерохин Николай Викторович, 1965 г.р., окончил ВИФК (1987), заслуженный работник физической культуры РФ, кандидат педагогических наук, доцент кафедры физического воспитания МГТУ ГА, автор 16 научных работ, область научных интересов – физическая культура студентов учебных заведений гражданской авиации.

УДК 37.037

ОСОБЕННОСТИ ФИЗИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ ПЕРВОКУРСНИКОВ

А.Д. ЖУРБИНА, В.В. АНТИПАС, В.В. ГРЯЗНОВА

Статья представлена кандидатом философских наук, профессором Некрасовым С.И.

В статье определены факторы, отрицательно влияющие на здоровье студентов-первокурсников, рассмотрены особенности учебной деятельности этой категории обучаемых, показана специфика организации занятий по физическому воспитанию в МГТУ ГА.

Ключевые слова: адаптация первокурсников, специфика обучения физической культуре, методы обучения, спорт, физическая культура, двигательная деятельность.

Физическая культура в высших учебных заведениях представлена как учебная дисциплина и важнейший компонент целостного развития личности студента. Являясь важным компонентом общей культуры и профессиональной подготовки студенческой молодежи в течение всего периода обучения, физическая культура входит обязательным разделом в гуманитарный компонент образования, значимость которого проявляется через гармонизацию духовных и физических сил, формирование таких общечеловеческих ценностей, как здоровье, физическое и психическое благополучие, физическое совершенство. В условиях качественного преобразования всех сторон жизни общества возрастают требования к физической подготовленности молодежи, необходимой для успешной трудовой деятельности. В послании Президента РФ Путина В.В. от 12.12.2012 г. было указано, что перестройка системы образования поставила перед высшей школой задачу коренного и всестороннего улучшения профессиональной подготовки и физического воспитания будущих специалистов.

Задача приобщения обучаемых первого курса к регулярным занятиям физическими упражнениями тесно связана с задачей формирования мотивационно-ценностных ориентаций, которые, в свою очередь, связаны с определенными знаниями, убеждениями, установками, регулирующими поведение личности. В этой связи осознание студентами первого курса значимости физической культуры, способствующей развитию и укреплению человека и общества в целом, можно рассматривать как важный момент воспитания.

Одна из важнейших задач, которая эффективно решается на кафедре физического воспитания МГТУ ГА – это формирование у студентов-первокурсников положительной мотивации к занятиям физической культурой и адекватной самооценки. Система физического воспитания в МГТУ ГА объединяет традиционные методические принципы и приемы физической подготовки с новейшими методами организации передачи и усвоения материала, предусматривает четкую регламентацию соотношения объема и интенсивности физической нагрузки, последовательности обучения, чередования различных видов и форм учебной работы.

Студенчество представляет собой группу, находящуюся в зоне действий многих факторов риска, так как условия обучения в университете значительно отличаются от школьных, прежде всего свободой действий, отсутствия контроля родителей и т.д. Проблема здоровья студентов привлекает внимание все большего числа исследователей в разных областях. На современном этапе здоровье стало не только медико-биологической проблемой, но и социально-педагогической категорией, ориентированной на формирование у человека иерархии потребностей, наиболее благоприятных для его физического и духовного развития.

Для студентов-первокурсников, имеющих отклонения здоровья, в процессе физического воспитания целесообразно решать следующие задачи:

- общее укрепление организма, активизация обменных процессов;
- улучшение осанки;
- активизация функций дыхательной и сердечно-сосудистой систем;
- улучшение кровообращения в мышцах;
- расширение адаптационных возможностей организма к нормальным и повышенным физическим и учебным нагрузкам.

Плохое состояние здоровья студентов, многочисленные пропуски учебных занятий, низкий уровень физической подготовленности абитуриентов, поступивших в вуз, приводит к снижению качества знаний и усложняет освоение учебной программы. Медицинское обследование обеспечивает контроль уровня здоровья, но оно не выявляет нарушение адаптационных возможностей организма, а для высшей школы проблема адаптации студентов остро стоит при переходе обучения из средней школы в вуз.

Медицинские обследования студентов первого курса, проводимые в МГТУ ГА, показывают, что уже на первом курсе 30-40% студентов имеют отклонения в состоянии здоровья. Опрос студентов позволил выделить следующие негативные факторы риска здоровью.

1. Курение – 73%. О вреде курения знают все. Выкуривая 10 сигарет в день за первые два года, в организме остается 2 кг зольных остатков, к 10 годам – уже около 4 кг, а к 20 – около 6 кг, которые забивают все каналы в организме: сосуды, мышцы, нервные клетки, мембраны клеток. Курение уничтожает в организме 30% и более витамина С (и др.), отсутствие которых играет важную роль в развитии заболеваний, в том числе и онкологических. У курящих людей находят избыточное содержание тяжелых металлов: свинца, ртути, кадмия, никеля и т.д. Избыток свинца – это гарантированное заболевание нервной и костной систем. Кадмий же уничтожает цинк, без которого в организме не могут нормально протекать более чем 200 ферментных процессов. Неудивительно, что активные и «пассивные» курильщики имеют нарушения в функционировании нервной и выделительной систем, особенно почек, кожные заболевания, дерматиты, экземы, псориаз и другие аллергические реакции, заболевания поджелудочной железы и т.д. Этот сильнейший яд вредно действует на все органы.

2. Употребление алкоголя – 70%. Отклонения в деятельности сердечно-сосудистой системы, недостаточность кровообращения, разрушается нервная система, головной мозг, печень, желудок, снижается эффективность учебных занятий студентов.

3. Недостаточность двигательной активности – 40%. Студенты в течение дня учебных занятий до 80% времени находятся в полусогнутом состоянии, что приводит к ограничению подвижности в суставах, при этом мышцы-сгибатели превосходят мышцы-разгибатели с образованием «блоков» в позвоночнике, и другим негативным функциональным изменениям.

При неправильной осанке также затруднены функции сердечно-сосудистой и дыхательной систем, возможно смещение органов пищеварительного тракта. Неправильная рабочая поза и поза для отдыха сидя (а это основная рабочая поза студентов) – одна из основных причин развития остеохондроза позвоночника и заболеваний периферической нервной системы: радикулит, ишиас и др. Быстро развивается преждевременное утомление уже в первой половине учебного дня. Для исправления осанки рекомендуют укреплять мышцы спины и брюшного пресса, значение влияния которых на правильную осанку и на состояние здоровья в целом трудно переоценить.

Двигательная деятельность, как специфическая двигательная активность, регулируемая осознанной целью и направленная на совершенствование двигательных навыков и физических качеств, тесно связана с моторно-познавательной деятельностью и является эффективным переключением с умственной работы студентов на физическую. Двигательная деятельность обладает более «жесткой» ориентировочной направленностью действий на получение суммарного результата. Отсюда для нее характерны следующие задачи:

- 1) цель – укрепление здоровья на фоне достижения оптимальных результатов в развитии физических качеств и совершенствовании двигательных навыков;
- 2) мотивы – привлекательность физических упражнений, самоутверждение, самовыражение, социальные потребности;
- 3) содержание – мышечная активность, техника выполнения физических упражнений;
- 4) предметные действия (частные задачи) – гармоническое развитие показателей физического развития, физической подготовленности и физических качеств;
- 5) операции деятельности (необходимые умения):
 - сенсорные;
 - моторные;
 - мыслительные (анализ, синтез, абстракция, смысловое запоминание двигательных действий);
- 6) направленность развития личности:
 - волевые качества, упорство;
 - чувства;
 - эмоции.

4. Загрязнение окружающей среды - 30%.

Огромное количество автотранспорта, заводов и т.д. выделяют углекислый газ в воздух. Вибрация, шум, радиация влияют на утомляемость студентов и особенно первого курса из-за изменения режима учебного труда по сравнению со средней школой.

5. Перегруженность учебно-профессиональными обязанностями – 10%.

Нерациональный режим учебы и отдыха усугубляется необходимостью для некоторых студентов трудиться дополнительно, в том числе в ночное время и в выходные дни. Такое неэффективное распределение времени на учебные занятия и отдых, неправильное использование отдыха для восстановления после интеллектуальных и мышечных нагрузок, преобладание пассивных форм отдыха, систематическая кислородная гипоксия вследствие длительного пребывания в помещении (которое нередко усугубляется курением) вызывает систематическое, нервное, эмоциональное, психическое перенапряжение и может привести к неблагоприятным отклонениям в состоянии здоровья. Напряженный режим учебного труда, как показывают многие исследования – существенный фактор возникновения астенического состояния студентов.

Специфика процесса адаптации студентов первого курса в вузе определяется различием в методах обучения и организации занятий по физической культуре, в сравнении со средней и старшими курсами высшей школы. Учебный труд студентов первого курса, основу которого составляет интеллектуальная деятельность, в сравнении с учениками средней школы характеризуется следующими факторами.

1. Важность и ответственность учебного труда несомненна, поскольку речь идет о будущей профессии.

2. Объем умственной нагрузки студентов составляет 10-12 ч в день, при этом необходимо усваивать большие объемы новой, необычной информации. Условия обучения в вузе значительно отличаются от школьных, прежде всего свободой действий – можно готовиться к занятиям не ежедневно, да и методы подготовки весьма разнообразны (лекции, семинары, работа в библиотеке и т.п.) и электронные методики.

3. Психологическая адаптация к учебной группе, на курсе, на факультете, в университете.

4. Учебный труд студента связан с гиподинамией, множеством статических нагрузок, нарушением кровообращения внутренних органов, опорно-двигательного аппарата и позвоночника, что в конечном итоге влияет на умственную и физическую работоспособность.

5. Обширный поток информации студента, неправильная рабочая поза, излучение компьютера дают большую нагрузку на глаза.

6. Неправильный режим дня, питания, сна, отдыха.

Структура двигательной деятельности, особенно в физическом воспитании, отличается более высокой мобильностью, чем структура учебной деятельности в средней школе.

Практические занятия по физическому воспитанию проводятся по трем направлениям:

- учебные занятия продолжительностью 90 мин.;

- учебно-тренировочные занятия в спортивных отделениях по интересам;

- самостоятельные занятия индивидуально или в группах по рекомендации тренеров, преподавателей. Большое внимание необходимо уделять привитию навыков и знаний по самостоятельным тренировкам, самоконтролю и здоровому образу жизни студентам первого курса.

Выраженная ориентация на физическое развитие и повышение внутренних резервов организма служит доказательством, что основная масса студентов осознает объективную необходимость в занятиях физическими упражнениями с первого курса для подготовки к современной профессиональной деятельности, возникающей конкуренции в обществе, выбору жизненного пути.

Удовлетворенность двигательной деятельностью, соответствующая потребностям студентов первого курса, повышает интерес к занятиям физической культурой и сформированный познавательный интерес способствует самопознанию и самовоспитанию.

Преподаватели, совершенствуя учебный процесс студентов, обеспечивают единство учебной и воспитательной работы, что в полной мере отвечает потребностям современного общества в физической подготовке будущих специалистов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Виленский М.Я. Физическая культура в научной организации учебного труда студентов. - М.: Прометей, 1993.
2. Ильинич В.И. Студенческий спорт и жизнь: учеб. пособие. - М.: АО «Аспект Прогресс», 1995.

3. **Журбина А.Д.** Социологические аспекты физической культуры и спорта // Научный Вестник МГТУ ГА. - 2007. - № 113.
4. **Лапина Т.А.** Формирование здорового образа жизни учащихся строительных специальностей учреждений среднего специального образования средствами физической культуры и спорта: автореф. дисс. ... канд. пед. наук, - М., 2004.
5. **Матвеев Л.П.** Общая теория спорта: учебник. - М., 1997.
6. Физическая культура: учеб. пособие / под ред. В.А. Коваленко. - М.: Изд-во АВС, 2000.
7. **Неумывакин И.П.** Здоровье в ваших руках. - М., 1992.

FEATURES OF PHYSICAL EDUCATION OF FIRST-YEAR STUDENTS

Jurbina A.D., Antipas V.V., Gryaznova V.V.

The article deals with the different methods used for physical training of students in a higher educational institution and organizing physical training in the MSTU CA.

Key words: adaptation of first-year students, the specific character of teaching, physical education, teaching methods, sports, physical culture, physical activities.

Сведения об авторах

Журбина Александра Даниловна, окончила ВТИФК (1971), ВНИИФК (1976), кандидат педагогических наук, доцент кафедры физического воспитания МГТУ ГА, почетный работник высшего профессионального образования РФ, автор более 50 научных работ, область научных интересов – физическая культура и спорт.

Антипас Владимир Васильевич, 1952 г.р., окончил МОГИФК (1977), старший преподаватель кафедры физического воспитания МГТУ ГА, автор 17 научных работ, область научных интересов – совершенствование технических средств обучения и качество учебного процесса.

Грязнова Вера Валентиновна, окончила ГЦОЛИФК (1971), старший преподаватель кафедры физического воспитания МГТУ ГА, автор 5 научных работ, область научных интересов – физическая культура и спорт.

УДК 128

ЭКОЛОГИЯ ЗДОРОВЬЯ ЧЕЛОВЕКА – НЕОБХОДИМОЕ УСЛОВИЕ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ

Д.Ю. АНАШКИН, А.В. СМИРНОВ

Статья представлена доктором философских наук, профессором Некрасовым С.И.

Проблемы здоровья рассматриваются как индикатор перехода общества к устойчивому развитию, здоровье анализируется как комплексный критерий оценки качества природной среды и как социальная ценность.

Ключевые слова: социоприродная сущность человека, устойчивое развитие, ценность здоровья, экология человека, эко-гуманистический идеал.

Сегодня понятие «человек» входит в концептуальный аппарат различных научных дисциплин. Философский подход к социоприродной сущности человека тесно связан с проблемами биологии, генетики, медицины, экологии человека и других дисциплин, связанных антропологией человека. Человек – это субъект исторического процесса, развития, биосоциальное существо, обладающее членораздельной речью, мышлением и сознанием, генетически связанное с другими формами жизни, который выделяется своей способностью производить орудия труда. На основе этого определения можно сделать вывод, что эволюцию представлений о сущности человека необходимо рассматривать в контексте его социоприродной целостности. Понимание диалектики биологического и социального, комплексный подход к проблеме социоприродной сущности человека является необходимым для решения проблемы сохранения и укрепления здоровья, для наиболее полного учета биологических характеристик человека и социальных факторов окружающей среды. Понятие человека содержит в себе биологические, психологические и социальные характеристики. Наличие социальных связей и отношений, в которые вовлечен человек, определяют его отличие от представителей животного мира, т.е. сущность человека.

Для разработки концепции сущности человека особое значение имеет положение о зависимости здоровья от биопсихосоциальной сущности человека. Специфика человека в целом, его социоприродная сущность, влияние социальной среды на возникновение и развитие патологических процессов в организме человека позволяют рассматривать социоприродную сущность человека как объект медицины. Сущность человека проявляется через его особое положение в биосфере при сравнении с другими живыми существами. При этом не игнорируются те общие характеристики жизни, которые связывают человека с миром живого. Понятие «сущность человека» отражает социоприродную сущность человека, его принадлежность к биосфере, их единство и общность.

Изменения экологических условий жизнедеятельности людей, вызванные преобразованием биосферы, ведут к определенным нарушениям здоровья человека. Концепция социоприродной сущности человека важна для понимания проблемы сохранения и укрепления здоровья. Анализ имеющихся в российской литературе подходов к определению здоровья позволяет классифицировать его по следующим критериям:

- 1) здоровье – это отсутствие болезней;
- 2) здоровье – единство физиологических и психических констант;
- 3) здоровье и норма как тождественные понятия;
- 4) здоровье как способность человека к выполнению своих биосоциальных функций;
- 5) здоровье как показатель социального благополучия общества;
- 6) здоровье как социальная ценность и т.д.

Кроме того, здоровье может быть рассмотрено в различных аспектах: социально-политическом, экономическом, морально-эстетическом, психофизиологическом, ценностном и др.

Здоровье мы рассматриваем как естественное состояние организма, характеризующееся его уравновешенностью с окружающей средой и отсутствием каких-либо болезненных изменений. Здоровье представляет собой интегральное явление, детерминируемое множеством факторов и обстоятельств. Оно включает условия взаимодействия социальных групп, характер демографических процессов, тенденции физического развития людей, а также появление патологий, обусловленных влиянием факторов внешней среды. Можно выявить следующие уровни ценности здоровья:

- биологический – изначальное здоровье, предполагающее совершенство саморегуляции организма, гармонию физиологических процессов;
- социальный – здоровье как мера социальной активности, деятельностного отношения к миру;
- личностный или психологический – здоровье рассматривается не как отсутствие болезни, а как ее отрицание.

С точки зрения философского анализа наибольшую значимость имеет исследование здоровья человека в контексте его социальной ценности. На основе этого здоровье человека представляется не только как состояние организма, но и как стратегия жизни самого человека. В связи с этим одной из важнейших составляющих концепции здоровья должна стать система управления здоровьем. Для изучения ее основных свойств можно выделить совокупность показателей, характеризующих входные и выходные данные системы, в частности: организация охраны и реализации генофонда или воспроизводство здоровья, формирование здоровья, потребление здоровья, восстановление здоровья, его соматические, психические и социальные показатели. Одним из определяющих факторов управления здоровьем является образ жизни человека. Управление здоровьем возможно лишь в том случае, когда человек в своей деятельности руководствуется приоритетом здоровья, а не болезни, когда он осознает собственное здоровье как ценность. Как показывает анализ отношения человека к собственному здоровью, проблема здоровья возникла и сформировалась в основном в результате неспособности и неготовности человечества в целом понять и принять собственное здоровье как важнейшую социальную и духовную ценность.

Экологический подход к проблеме здоровья рассматривает человека с позиции единства его социальных и природных характеристик, определяющих качество жизни. Социальное в человеке выступает фактором, преобразующим не только природную среду, но и собственную природу человека. До сих пор человечество еще не выработало превентивных механизмов сохранения своего здоровья и среды обитания. Поэтому возникла необходимость разработки определенных механизмов, позволяющих минимизировать негативное воздействие природной среды на состояние здоровья человека. В этой связи важнейшими из задач, стоящими перед экологией человека, являются: 1) выявление и исследование влияния на человека факторов внешней среды; 2) разработка основных путей сохранения и укрепления здоровья человека; 3) определение механизмов совершенствования психического и физического здоровья человека.

В последние десятилетия на одно из первых мест среди общемировых проблем выдвинулась проблема профилактики неблагоприятного воздействия факторов внешней среды на состояние здоровья человека, химических факторов, в связи с увеличением их воздействия, сложным спектром действия, возможностью комбинированного сочетания, а также многообразием обусловленных ими патологических состояний. В условиях современного экологического кризиса такой подход позволяет рассматривать здоровье человека как основной показатель «экологичности» общества и критерий качества природной среды. Переход общества к устойчивому развитию должен иметь «глубоко гуманистическую социальную ориентацию» [3, с. 97]. Гуманизм, присущий эпохе перехода к устойчивому развитию – это биосферный гуманизм, не принижающий роли иной жизни на планете и не оправдывающий права человека на ее безнаказанное уничтожение. Более того, реализуя экологические императивы, этот гуманизм среди прав и обязанностей человека особо выделяет заботу о биоте и биосфере. Речь идет о том, что корреляция интересов человека и биосферы приведет к коэволюции - соразвитию и взаимному сохранению природы и общества. Поэтому в условиях перехода к устойчивому развитию необходимо создание условий для гармоничного развития личности в благоприятных условиях природной среды.

Общепризнанно, что каждый человек имеет право на здоровую жизнь в гармонии с природой, на улучшение качества жизни. Современный образ жизни, связанные с ним стрессовые нагрузки, ухудшение качества жизни, социальная нестабильность, рост наркомании и алкоголизма, привели к резкому росту сердечно-сосудистых и онкологических заболеваний, психическим расстройствам, повышению смертности. Качество жизни – сложное понятие, объединяющее материальную, духовно-творческую и экологическую сторону жизни, отражающее уровень жизненной удовлетворенности человека, реализацию смысла жизни. Трудности, связанные с переходом на путь устойчивого развития, можно классифицировать следующим образом:

- во-первых, человечество в настоящий момент еще не способно осознать необходимость формирования целостной, экологически ориентированной личности, несущей ответственность за все происходящее на планете;

- во-вторых, человек забывает о том, что природа под влиянием преобразующей деятельности человека в разных частях испытывает антропогенные нагрузки разной степени тяжести, что приводит к неравномерному разрушению экосистем;

- в-третьих, человек в своей деятельности руководствуется приоритетом экономических ценностей. Еще Э. Фромм отмечал, что «человеческие ценности определяются теперь экономическими ценностями» [4, с. 133].

Осмысление проблемы человека является именно той инициальной точкой современных исследований, отталкиваясь от которой можно лучше понять существо изменений в природной среде и обществе. По мнению А. Печчеи, «...именно в человеке заключены источники наших проблем, на нем сосредоточены все наши стремления и чаяния, в нем все начала и все концы, и в нем же основы всех наших надежд» [2, с. 214]. Он полагает, что в основу нового образа человека должны быть положены качественные характеристики, обеспечить необходимую трансформацию человека может только «новый гуманизм». Более того, «новый гуманизм» призван поднять возможности человека до уровня, соответствующего новой возросшей ответственности человека.

Переход к устойчивому развитию предполагает переориентацию человека на эко-гуманистические идеалы и ценности. В настоящее время выживание человечества многие ученые связывают со становлением единого культурного пространства, сочетающего в себе самобытные национальные культуры с общечеловеческими ценностями [1, с. 111]. При этом необходимо подчеркнуть, что центральным фактором, определяющим судьбу цивилизации, являются экологические доминанты и гуманистические качества человека. Более того, ценностные и экологические императивы определяются как важнейшие интегративные факторы в становлении мировой экологической культуры. Исходя из определения здоровья, становится понятно, что духовная и нравственная культура человека являются условием его социального и психического здоровья. Только «экологически» грамотный и образованный человек способен построить свои отношения с окружающим миром на основе разума, уже сегодня оценивая отдаленные результаты своей деятельности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Глазачев С.Н., Мамедов Н.М. Экологическое образование как предпосылка устойчивого развития // Проблемы перехода России к устойчивому развитию: материалы научно-практического семинара. - М., 1997.
2. Печчеи А. Человеческие качества. - М., 2001.
3. Урсул А.Д. Социально-экологические аспекты устойчивого развития цивилизации и России // Проблемы устойчивого развития России в свете научного наследия В.И. Вернадского. - М., 1997.
4. Фромм Э. Искусство любить. - М., 2001.

ECOLOGY OF HUMAN HEALTH – REQUIRED CONDITIONS FOR SUSTAINABLE DEVELOPMENT

Anashkin D.Y., Smirnov A.V.

The article discusses the health problems as an indicator of society's transition to Sustainable Development, which is analyzed as a complex health criterion for the quality of the environment and as a social value.

Key words: socio-natural essence of man, sustainable development, the value of health, human ecology, eco-humanist ideal.

Сведения об авторах

Анашкин Дмитрий Юрьевич, 1976 г.р., окончил Смоленскую государственную медицинскую академию (2001), соискатель МГТУ ГА, автор 5 научных работ, область научных интересов – философия науки и техники, философская антропология, этика.

Смирнов Александр Валерьевич, 1990 г.р., окончил МГУ ПС (МИИТ) (2012), аспирант МГУ ПС (МИИТ), область научных интересов – социальная философия, этика, философская антропология.

Editor-in-chief

Boris Eliseev, Rector, MSTU CA.

Deputy Editor-in-chief

Vadim Vorobyev, Vice Rector for Research and Innovations, MSTU CA.

Executive Secretary

Oksana Feoktistova, Professor, Chair of Safety and Life Activities, MSTU CA.

Member of the chief editorial Board

Olga Garanina, Professor, Chair of Humanitarian and Social-Political Sciences, MSTU CA, Moscow, Russia.

Anatoly Kozlov, Professor, Chair of Technical Operation of Radio/Electronic Systems in Air Transport, MSTU CA, Moscow, Russia.

Vladimir Tchipenko, Head of Chair of Aircraft Aerodynamics, Design and Strength, MSTU CA, Moscow, Russia.

Vladimir Kalugin, Dean, Department of Special Machine Design, Bauman University, Moscow, Russia.

Dmitry Lukin, Professor, Chair of Wave Processes, Moscow Institute of Physics and Technology, Moscow, Russia.

Vacily Shapkin, General Director, State Research Institute of Civil Aviation, Moscow, Russia.

Bruno Lamiscarre, Deputy Dean, French Civil Aviation University (ENAC), France.

Franco Persiani, Director, Interdepartmental Centre of Industrial Research in Aeronautics, University of Bologna, Italy.

Damian Rivas, Professor, Department of Aerospace Engineering, University of Seville, Spain.

ББК 05
Н 34
Св. план 2014 г.

Научный Вестник МГТУ ГА
№ 203

Свидетельство о регистрации в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) ПИ № ФС77-47989 от 27 декабря 2011 г.

Редакторы И.В. Вилкова, Е.В. Гаранина
Компьютерная верстка Т.Н. Котиковой

Подписано в печать 14.05.14 г.

Печать офсетная
20,5 усл. печ. л.

Формат 60x90/8
Заказ № 1775/

21,08 уч.-изд. л.
Тираж 100 экз.

Московский государственный технический университет ГА
125993 Москва, Кронштадтский бульвар, д. 20
Редакционно-издательский отдел
125493 Москва, ул. Пулковская, д. 6а

Подписной индекс в каталоге Роспечати 84254
© Московский государственный
технический университет ГА, 2014